
Ж И З Н Ь

Архимандрита Никодима Казанцева ¹⁾.

Господи, благослови!

Родился я въ 1803 году 5-го сентября утромъ, между заутренею и обѣдней, въ селѣ Комлевѣ Знаменскомъ, бывшемъ графини Протасовой, нынѣ княгини Меншиковой

¹⁾ Впослѣдствіи епископа Енисейскаго и Красноярскаго (1861—1870).

Авторъ издаваемой автобіографіи—Преосвященный Никодимъ, первый епископъ Енисейскій и Красноярскій († 1874 г.) Во многихъ отношеніяхъ это—одинъ изъ выдающихся іерарховъ Русской Церкви XIX вѣка—по стойкости своихъ убѣжденій, высокой чести, прямого и искренности. Онъ не безызвѣстенъ въ литературѣ. Такъ нѣсколько статей его напечатано въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, а именно: „Извѣсть о блаженномъ Василии Мавгазейскомъ“, „Городъ Енисейскъ“, „Варлаамъ Денизовъ“ и др. Въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1877 г. Т. II „О Филаретѣ Митрополитѣ Московскомъ моя память“. Въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1905 г. № 10. „О Святѣйшемъ Синодѣ“. Здѣсь же сообщены краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. Полная біографія его начата была печатаніемъ въ Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1898—91 гг., но почему-то приостановилась.

Настоящее изданіе производится по инициативѣ преподавателя Красноярской Дух. Семинаріи А. С. Богданова, доставившаго Редакціи точную копию автобіографіи Пр. Никодима.

Глубокій историческій интересъ издаваемыхъ записокъ открывается изъ непосредственнаго чтенія ихъ. Ихъ изданіе—самая лучшая для нихъ реклама.

(Анны Александровны). Родители мои: дьячокъ Иванъ Ивановичъ Казанцевъ и супруга его Прасковья Борисовна.

Село Комлево новое. Мой батюшка вмѣстѣ съ священникомъ Владиміромъ Симеоновичемъ (уже скончавшимся въ ноябрѣ 1838 года) и пономаремъ Θεодоромъ Петровичемъ первые опредѣлились къ сей церкви, только отстроенной графомъ Григоріемъ Никитичемъ Орловымъ. Они перешли въ Октябрѣ 1802 года. Слѣдственно, я въ полномъ смыслѣ родомъ Комлевскій.

Комлево, Московской губерніи, Рузскаго уѣзда. Отъ Москвы 97 верстъ, а отъ Рузы 6 верстъ. Село наше стоитъ на правомъ берегу порядочной рѣки Рузы, на прекрасной возвышенности, овальной, трехъ-гранной. Село стоитъ въ одну линію, лицомъ обращено къ востоку; посреди села, совершенно отдѣльно, поставлена церковь каменная, простой, но самой солидной и изящной фигуры. Она обнесена оградой. Внутри ограды—кладбище. Съ сѣвера, тотчасъ по окончаніи села, начинается садъ, нынѣ уже болѣе похожій на рощу: за нимъ—господскій деревянный домъ Екатерининскаго вкуса, довольно большой. Тамъ и нѣсколько флигелей для дворовыхъ людей и для разныхъ службъ.

Съ юга, противъ села, за глубокимъ, но живописнымъ оврагомъ, въ одну линію, которая обращена на сѣверъ, деревня, или часть самаго села. Мы ее называемъ—Вихрово. Она выше села. Тамъ гора уже огромная. На востокъ, чрезъ рѣку, виденъ лугъ съ полверсты шириною, а за нимъ древняя роща изъ березъ и сосенъ, къ несчастію, лѣтъ за восемь (въ 1832 году) опустошенная прошедшимъ по ней ураганомъ. Къ западу—задъ села; за нимъ тотчасъ начинаются поля и далѣе—лѣсъ. Мѣсто ровное, открытое, разсѣкаемое столѣтнимъ проспектомъ изъ березъ и елей, идущимъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, къ саду, называемому Жилкино. Вотъ мѣстоположеніе моей блаженной родины.

Матушка носила меня во чревѣ въ великихъ скорбяхъ—отъ разлуки съ родиною (для простыхъ людей это большое бремя). Матушка могла бы родить меня, можетъ быть, легко: но она едва не умерла, по ея рѣчамъ, отъ глупыхъ пріемовъ бабки, которая едва не проводила меня въ задній проходъ. Это ужасно! Батюшка, взявъ матушку, уже совсѣмъ умирающую, на руки, тѣмъ споспѣшествовалъ моему рожденію:

я тотчасъ родился. Меня едва отдули (какъ у насъ говорятъ); съ полчаса я молчалъ: думали, что я умеръ. Такъ я тяжелъ для матушки.

Въ минуты моего рожденія видѣли на нашемъ домѣ ворона. Простые люди почитаютъ эту птицу вѣщею, пророчицею смерти чьей-либо въ томъ домѣ, на который она садится. Это и сбывается не рѣдко, но не отъ пророчества ворона, а отъ удивительнаго обонянія, которымъ онъ одаренъ, будучи притомъ плотояднымъ. Во время беременности мною матушки, у нея страшно болѣли зубы, такъ что изъ верхней челюсти въ самой серединѣ выгнили, или выпали два зуба, отчего матушка сдѣлалась щербатою, что немножко ее безобразило.

Матушка, сколько я запомню и какъ могу судить, должна быть женщина очень красивая: у нея весьма правильное и выразительное лице. Когда меня родила матушка, ей было 27 лѣтъ, а батюшкѣ не съ большимъ 30. Слѣдственно, они оба были въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Крестилъ меня въ церкви нашъ священникъ Владиміръ Симеоновичъ; а восприемниками были графъ и графиня Пратасовы, будучи еще дѣтьми. Графъ Стефанъ Александровичъ былъ тогда лѣтъ 7-ми, а графиня Анна Александровна лѣтъ 10-ти. Графъ скончался лѣтъ 14-ти. А графиня нынѣ въ замужествѣ съ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Меншиковымъ—нынѣ начальникомъ Морского Штаба. Весьма жалѣю, недавно, именно въ Генварѣ, предъ Крещеньемъ, въ 1840 году, въ Петербургѣ, въ торговой банѣ я потерялъ золотой крестъ, данный мнѣ при крещеніи отъ моихъ крестныхъ родителей.

Во св. крещеніи я нареченъ Никитою, по желанію матушки. вмѣсто потеряннаго креста, матушка, тогда бывшая у меня въ Петербургѣ, подарила мнѣ съ себя серебрянный и, въ то же время, благочестивая дѣвица Александра Константиновна Мамошина, съ себя же—золотой. Я ношу ихъ оба.

Родители весьма утѣшились мною во младенчествѣ. Былъ прежде меня у нихъ сынъ Илья, но умеръ вскорѣ по рожденіи. Имъ хотѣлось, чтобъ я жилъ.

На первомъ году моей жизни случилось приключеніе, которымъ я едва не былъ потерянъ. Госпожа, по Екатерининскому духу, когда-то вздумала сдѣлать потѣху, пускать ракеты, бураки и проч. Матушкѣ весьма захотѣлось посмотреѣть

на сіи дива. Она попросилась у батюшки и отдала ему меня, чтобъ онъ за мною ухаживалъ, если заплачу. Матушка ушла. Батюшка, укачавъ меня въ люлькѣ и, видя, что я уснулъ, захотѣлъ и самъ посмотрѣть на ту-же иллюминацію: тихонько собрался и ушелъ, оставивъ меня одного. Это было крайне неблагоразумно. Младенцы спятъ не долго. Вѣроятно, я тотчасъ проснулся и заплакалъ (младенцы любятъ плакать). Утѣшить некому. Матушка, думая, что батюшка меня успокоитъ, не спѣшила воротиться домой. А батюшка, къ одному неблагоразумію, прибавилъ другое: не подумалъ тамъ, ва зрѣлищѣ, отыскать матушку и послать ее домой. Такимъ образомъ они, не выдавши другъ друга, воротились домой тогда, какъ насмотрѣлись досыта. Что же? Приходятъ и съ ужасомъ видятъ, что я отъ надсady сталъ уже дико стонать, весь почернѣлъ и сталъ пугаться и матушки. Съ сего случая, я день и ночь стоналъ безъ умолку нѣсколько мѣсяцевъ. Матушка, ходя за мною, отъ бессонницы сама сдѣлалась больна, даже потеряла было зрѣніе. (Матушкѣ возвратилъ зрѣніе французъ, жившій у графини. Онъ далъ пузырекъ жизненной Эссенціи *Lebens Essenz*, которая есть сокъ изъ цѣлебныхъ травъ. Пуская въ глаза по каплѣ сей Эссенціи, она возвратила себѣ зрѣніе, которое померкло было до того, что матушка не могла различать человѣка отъ дерева. Въ признательность за уврачеваніе себя, матушка сею же Эссенціею донинѣ многихъ излѣчиваетъ отъ глазной боли).

Между тѣмъ я все стоналъ. Матушка положила обѣтъ: сходить со мною пѣшкомъ въ Можайскъ (25 верстъ) и тамъ помолиться предъ Чудотворнымъ образомъ Святителя Николая (рѣзной образъ изъ камня). Они пошли оба съ батюшкою. Сходили, помолились, и я утихъ и сдѣлался здоровъ.

Модная ученость! остановись здѣсь и подумай.—Я говорю не сказки. Такъ было; не смѣй же издѣваться надъ вѣрою простыхъ, которые находятъ помощь Божію тамъ, гдѣ ты ругаешься.

Послѣ сего, моя жизнь младенческая до семи лѣтъ протекла безъ особенныхъ приключеній. Сказываетъ матушка: я былъ здоровъ тѣломъ, очень красивъ, крайне застѣнчивъ. Меня любили господа. Брали къ себѣ; но я этого ничего не помню. Помню только два ситцевыхъ халата; ихъ мнѣ по-

дарила графиня (одинъ голубой, другой желтый,—шахматнаго рисунка), которые я по праздникамъ носилъ, и изъ которыхъ послѣ выросъ такъ, что они мнѣ стали и коротки и узки. А и это было до семи лѣтъ.

Батюшка меня выучилъ читать по славянски и отчасти писать и пѣть по нотѣ. Читать меня училъ батюшка такъ: сперва азбуку синодскую, потомъ Часословъ и наконецъ Псалтирь. Послѣ сего я сталъ уже умѣть читать хорошо. Мое младенчество кончилось въ 1810 году.

Мое ученіе въ училищѣ.

Въ 1810-мъ (или 11-мъ, не помню) меня записали въ Училище. Это было близъ 10-й недѣли послѣ Пасхи. Въ то время въ Саввинскомъ звѣнигородскомъ Училищѣ (гдѣ я записанъ) учителемъ былъ мой дядюшка по матери Николай Борисовичъ; онъ вмѣстѣ былъ и діакonomъ при соборѣ въ Звѣнигородѣ. Меня оставили у него.

Николай Борисовичъ въ нашемъ родѣ былъ единственный ученый въ то время. Онъ кончилъ полный курсъ въ семинаріи. Тогда онъ самъ только что женился. Самъ онъ человѣкъ весьма живой и бойкій. Жена его—дочь московскаго діакона. Теперь видимъ, что она очень недалекая женщина: а тогда нашимъ деревенскимъ она казалась будто Царица Савская. У нихъ то я прожилъ (или полтора года, или) полгода, (не знаю). Дядя меня отлично любилъ, а тетка—женщина злая—не могла любить меня отъ того, что не любила никого. Это истинно удивительно: едва-ли я еще видалъ женщину столь злую.

Въ сихъ нѣжныхъ лѣтахъ я былъ весьма забавенъ своею наружною полуглупостію, которую по латынѣ хорошо называютъ *Fatuitas*. Меня почитали, что я ничего не понимаю изъ тѣхъ запросовъ, какими потѣшались надо мною; но ошибались: я все понималъ и забавлялъ ихъ младенческою откровенностію и незнаніемъ ухищреній и двоедушія.

Помню одинъ случай: тетка поставила къ завтраму пироги, или блины. Тѣсто поднялось такъ высоко, что пошло вонъ изъ посуды. Тетка кричитъ мнѣ: „Никитушка, ушли блины, бѣги скорѣй и запирай двери“.—Я довѣрчиво побѣждалъ и заперъ. Это было забавно, я сдѣлалъ это—по приказанію. Впрочемъ сколь тетка ни зла: но такъ какъ я не былъ ша-

лунъ, былъ тихъ и послушенъ, а также совершенно вѣренъ. то и она меня отличала отъ другихъ. А дядюшка любилъ Живя у нихъ, я только учился писать по русски и по латынѣ.

На мѣсто дядюшки (онъ вышелъ въ діакона же въ Москву, къ приходу Николая Чудотворца, что въ Новой Слободѣ: гдѣ находится и до нынѣ), поступилъ Иванъ Сергѣичъ Лебедевъ. Онъ взялъ за себя дочь другого моего дядюшки по матери Матвѣя Борисовича—Марью. Слѣдственно, по женѣ доводился мнѣ двоюродный братъ. Меня оставили у него. Здѣсь начались уже мои страданія. Онъ были отъ двухъ обстоятельствъ: 1) по скупости, или по глупости Иванъ Сергѣевичъ и съ женою иногда имѣли работницу, а иногда нѣтъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ насъ употребляли во всѣ домашнія работы. Мы и дрова рубили и воду носили, даже иногда и пищу готовили и за скотиною ходили. Словомъ: были сущіе работники. Собственно, на сѣн службы употребляли меня и еще одного, немного постарше меня. Но такъ какъ сѣи мальчикъ былъ побойчѣе, а я смиренъ и покоренъ безусловно, то меня и мучили больше всѣхъ. И какіе были мои лѣта? восемь лѣтъ, а насъ заставляли носить воду изъ-подъ прекрутой горы ушатомъ! Это было безумно и безчеловѣчно. Мучая меня такимъ образомъ безжалостно, они вовсе отвлекали меня отъ ученія: я не учился. Въ мѣсяцъ разъ, или два ходилъ въ школу, остальное время работалъ. И что еще, за всѣмъ тѣмъ насъ морили голодомъ. Не смѣи корочки хлѣба взять, кромѣ обѣда и ужина. Я былъ дитя: это было мое другое мученіе. 2) Съ нами вмѣстѣ жилъ братъ Марьи Матв.—Павелъ. Онъ былъ въ высшемъ отдѣленіи и лѣтами былъ меня старше по крайней мѣрѣ четыремя или пятью. Это былъ сущій мой тиранъ. По врожденному ли ему звѣрству, или по недостатку за нимъ надзора, или же и по моему безотвѣтному смиренству,—онъ меня билъ какъ собаченку ни за что, иногда даже только изъ удовольствія посмотреѣть: какъ я буду плакать. Онъ такъ изщипалъ мою голову, что, бывало, какъ я пріѣду домой на отпускъ, не дамъ матушкѣ дотронуться до головы: она вся у меня была, какъ чирей. (Это и отъ того, думаю, что насъ не мыли).

Бывало пойдемъ по утру въ классъ: среди дороги Па-

вель насъ обѣщеть и, горе тому, у кого онъ найдетъ корку хлѣба: изобѣть. Это его варварство и теперь мнѣ чувствительно. Но я не жаловался тогда даже и родителямъ: не смѣлъ. Я думалъ, что меня не защитятъ и родители, а только этого звѣря пуще раззlobятъ. Мои родители были бѣдные и между родными презираемые люди: я это видѣлъ.

Однажды осенью меня послали съискать и загнать домой гусей. Мы двое ходили за ними цѣлый день: не разъ перебраживали чрезъ рѣку (Москву) и по глупости и для скорости не раздѣваясь. Я не перенесъ сего: со мною сдѣлалась горячка. Однако, слава Богу, остался живъ.

Еще отъ несносныхъ страданій тѣломъ и душою, мнѣ приключилось здѣсь помѣшательство. Я убѣжалъ въ ближній лѣсъ, взобрался на высокую сосну; и если-бъ меня не отыскали и не сняли оттуда, я умеръ бы тамъ съ голоду, холоду. Хорошо сего приключенія я не припомню. Я былъ въ какомъ то полусознаніи. Помню только, что мои товарищи, ходя по лѣсу, кричали, клича меня по имени и фамиліи. Сидя на соснѣ, я пришелъ въ себя, откликнулся: ко мнѣ подбѣжали: во слѣзть не могъ. Не знаю уже, какъ меня сняли.

Такъ я прострадалъ до Іюля 1812 года. Мы были отпущены на вакацію и съ того времени, кажется, цѣлый годъ мы не были въ училищѣ. Тогда были въ Россіи французы.

Скажу о мѣстоположеніи Звѣнигорода и всѣхъ мѣстъ, гдѣ я здѣсь былъ и жилъ. Звѣнигородъ маленькій городокъ и бѣдный. Стоитъ на неровномъ мѣстѣ на берегу Москвы рѣки (лѣвомъ); отъ Москвы 48 верстъ. Съ полверсты выше, на берегу же Москвы-рѣки, на прекрутой и, кажется, для крѣпости руками человѣческими выровненной и надбавленной горѣ поставленъ соборъ. Онъ стоитъ въ сей крѣпости уединенно; при немъ только четыре дома духовныхъ. И здѣсь-то, въ домѣ діакона, я жилъ и страдалъ.

Мѣстоположеніе удивительно прекрасное. Представьте: высочайшая и прекрутая гора (думаю, сажень 40 вышины въ отвѣсѣ), сушая крѣпость, кругомъ возвышена и отдѣлена отъ окрестности. На югъ, у самой подошвы горы большая дорога изъ Звѣнигорода въ Рузу; потомъ тотчасъ Москва-рѣка, вьющаяся между пріятнѣйшихъ луговъ, то ровныхъ, то холмистыхъ: за лугомъ, на той сторонѣ, большой посадъ

и церковь, подальше и лѣвѣ село Першино князя Лопухина, съ прекраснымъ домомъ и садами на скатѣ противоположнаго берега Москвы-рѣки; еще лѣвѣ—Звѣнигородъ. Направо—отдаленные виды чрезъ рѣку; правѣ, около двухъ верстъ разстояніемъ, Саввинъ монастырь. Затѣмъ—съ запада, сѣвера и востока страшные овраги, заросшіе лѣсомъ.

Сію то утесистую гору я орошалъ горькими дѣтскими слезами; здѣсь стоналъ и призывалъ утѣшенія съ небесъ. Меня не утѣшали прекрасные виды: душа моя была въ вѣчной тоскѣ. Отъ собора до Саввина монастыря около двухъ верстъ. Пѣшковыхъ дорожекъ двѣ: одна среди луга, другая по опушкѣ лѣса, въ полу-скатѣ холма, заросшаго вѣковыми вязами и дубами... По симъ то дорожкамъ грустно я хаживалъ въ Саввинъ монастырь, гдѣ наше Училище. Саввинъ монастырь есть одинъ изъ лучшихъ и примѣчательнѣйшихъ въ Россіи. Угодникъ Божій, Преп. Савва, современникъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго и его ученикъ. Здѣсь онъ поселился, кажется, по желанію и по просьбѣ благочестиваго удѣльнаго звѣнигородскаго князя. Угодникъ Божій жилъ больше въ уединенной пещерѣ—версты полторы отъ монастыря, въ тѣсной ущелинѣ, поросшей лѣсомъ, близъ рѣчки Разварни. Теперь показываютъ это мѣсто; я бывалъ. Остались двѣ каменные стѣнки; вѣроятно, это было крыльцо или сѣни къ пещерѣ Угодника. Говорятъ, будто преп. Савва пещеру вырылъ въ землѣ: но послѣ, бока ея земляныя скупѣлись такъ, что обратились въ камень—чудодѣйствующею десницею Божіею: я вѣрю. Тоже въ Кіевскихъ пещерахъ: камень точно зернистъ, хотя очень крѣпокъ. И отбивалъ его для святыни.

Монастырь Преп. Саввы называется Сторожевскимъ вотъ почему: на мѣстѣ сего монастыря, прежде его, былъ пикетъ, или наблюдательная сторожка, изъ которой высматривали непріятеля, который видно любилъ прокрадываться тихонько. Стоявшіе на караулѣ, завидѣвши непріятеля, тотчасъ давали знать въ городъ. Такъ гласитъ преданіе. Мѣсто дѣйствительно таково, что съ него виденъ большой горизонтъ на югъ и юго-западъ. Отсюда набѣгали на Россію Татары, потомъ Литва-поляки. Въ то время, когда Преп. Савва поселился здѣсь, видно такая сторожка была не нужна и монастырю она не мѣшала. И точно, въ то время граница

Россіи была далеко отдвинута на западъ, по крайней мѣрѣ, до Можайска, т. е. верстъ на 50 отсюда.

До временъ царя Алексія Михайловича монастырь Преп. Саввы былъ деревянный и бѣдный. Въ царствованіе сего Государя открыты нетлѣнные и чудотворныя мощи Угодника Божія. Алексій Мих., по совѣту Патріарха Никона, выстроилъ монастырь весь каменный. Церковь соборная обыкновеннаго стариннаго стиля, съ притворами съ запада и юга, какъ во многихъ московскихъ монастырскихъ соборахъ. Ограда—продолговатый параллелограмъ, очень высокая, сажени $3\frac{1}{2}$ и болѣе. По угламъ и надъ вратами украшена большими башнями. Среди восточной стѣны, надъ Святыми вратами поставлена большая полу-готическая башня, съ деревяннымъ, пирамидальнымъ шпиремъ: онъ кончается большимъ вызолоченнымъ яблокомъ, а надъ нимъ огромный мѣдный, вызолоченный чрезъ огонь орелъ двуглавый—Царскій гербъ—знакъ того, кажется, что монастырь строенъ Государемъ и его казною.

Алексій Мих. любилъ здѣсь жить лѣтомъ. Сказываютъ, онъ живалъ здѣсь иногда больше мѣсяца сряду. Памяти его здѣсь много, а именно: въ ризницѣ: его парчевыя далматики и верхи шубъ; сѣдло, украшенное жемчугами и драгоценными камнями, съ серебрянными стременами; дорожный сервизъ, складной, серебрянный. Тутъ же: богатѣйшія Евангелія, сосуды и проч.; все его. Еще Псалтырь, писанная уставомъ, отлично изящно: заглавныя буквы золотыя, префигурныя. Это труды дочки Царя Алексія Мих.—Софіи. Говорятъ, Алексій Мих. за всеобщимъ читывалъ псалтырь по сей книгѣ. Умилительная простота и религіозность! Честь и Царевнѣ — дѣвицѣ. Всѣ эти вещи я видѣлъ.

Рака, въ коей почиваютъ Святыя мощи Угодника, серебряная, позлащенная, испещренная вся чеканною работою, вѣроятно, того же Царя Алексія. Противъ главнаго Собора вдоль западной стѣны выстроенъ огромный двухъ-этажный корпусъ: это зимній дворецъ Царя Алексія. Я бывалъ въ немъ. Убраны стѣны штофами и портретами царей и князей Россійскихъ. Остались стулья и прочая мебель. Комнатъ великое множество, но всѣ маленькія—и дверь противъ двери: это дурно. Внизу живетъ братія и съ Намѣстникомъ.

На южной сторонѣ корпусъ братскій двухъ-этажный-же. Въ нижнемъ этажѣ подвалы. Первый этажъ корпуса въ ямѣ: оттого съ площади монастырской его не видно. На восточной сторонѣ, противъ алтаря Собора, на нижнемъ каменномъ этажѣ стоялъ деревянный корпусъ. Это былъ лѣтній дворецъ Царя Алексія. Нынѣ онъ снятъ и изъ него (глупые люди) сдѣлали гостиницу. Я помню этотъ дворецъ. Здѣсь стѣны были оклеены штофными обоями — весьма красиво. Окна полуциркулемъ—итальянскія большія.

На сѣверъ отъ Собора другой храмъ—теплый. Онъ построенъ Шереметьевыми, которыхъ здѣсь довольно и похоронено внизу, подъ поломъ. На той же сѣверной сторонѣ, поближе къ западной стѣнѣ, поставлена готическая, со многими шпицами каменными, колокольня. На ней въ двухъ этажахъ висятъ колокола (ихъ очень много, думаю, около двадцати) и еще большіе колокольные съ четвертями часы. Въ нижнемъ этажѣ виситъ одинъ колоколъ въ 2,000 пудовъ. Онъ весь исписанъ. Отъ ушей къ низу пишется Царская фамилія съ славословіемъ Троицы. На самомъ концѣ три строки, только недавно прочитанныя. Въ нихъ не секретъ: мастеръ тутъ помянулъ себя. Онъ ухитрился: выдумалъ для себя небывалый алфавитъ и имъ изобразилъ, что хотѣлось. Буквы малыя и не рѣзныя.

Съ зданіемъ колокольни слито огромное двухъ-этажное и съ церковью зданіе. Въ немъ вверху была зала сажень въ двадцать длины и не менѣе десяти ширины. Это парадная трапеза. Царь самъ здѣсь иногда кушалъ съ братією. Внизу разныя монастырскія службы. За трапезою, къ сѣверу, были еще двѣ большія залы, раздѣленные сѣнями. Здѣсь то наше училище. Здѣсь то я учился семь (или восемь) лѣтъ (не умѣю сосчитать). За угломъ этого огромнаго корпуса, близъ восточной стѣны, былъ другой корпусокъ. Половина его была соляной сарай; въ другой половинѣ въ верху библіотека и Духовное Правленіе, въ низу въ полу-землѣ—наша несчастная бурса. Она при мнѣ неоднократно переформовывалась.

Нынѣ здѣшнее училище выстроено славно. Этотъ маленький корпусокъ разобранъ и на его мѣстѣ выстроенъ новый двухъ-этажный, очень аккуратный. Здѣсь въ верху живетъ смотритель съ учителями, а въ низу ученики. Классическія

же комнаты надѣланы изъ той Алексіевской огромной трапезы. Она раздѣлена на нужное число залъ, и залы вышли богатые.

Скажу, что мнѣ особенно памятно: а) Угодникъ Божій Преподобный Савва мнѣ являлся грѣшнику во снѣ. Представилось, будто я въ Соборѣ, гдѣ онъ почиваетъ, одинъ и ночью, при огняхъ. Стою позади его раки—въ головахъ и съ жаромъ молюсь ему и кланяюсь въ землю. Вижу, что угодникъ Божій изъ гробницы приподнимается и на меня смотреть. Я съ ужасомъ это примѣтилъ. Подошелъ, однако, и облобызалъ его десницу, которую онъ мнѣ подаль. Чистая, бѣлая, мягкая и теплая десница! Это я видѣлъ, кажется, уже будучи въ семинаріи и, помнится, будто въ реторикѣ. б) Надъ вратами монастыря, гдѣ входятъ, съ наружной стороны поставленъ образъ за стекломъ Преподобнаго Саввы, а со внутренней, безъ кивота, образъ стариннаго письма—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Я видѣлъ когда-то (кажется, опять уже въ Семинаріи, а не въ Училищѣ), будто на семь образъ Матерь Божія сдѣлалась живою, когда я Ей молился, и Она весьма благоволительно воззрѣла на меня. Это столь было утѣшительно моему сердцу, что я и проснувшись, былъ будто въ Царствіи Небесномъ. (Я устроилъ для сего образа кивотъ со стекломъ).

Помню еще, что мы хаживали по воскреснымъ и табельнымъ днямъ ко всенощнымъ и литургіямъ въ Саввинъ монастырь (съ квартиръ, впрочемъ, а не отъ Собора); насъ ставили въ притворѣ церковномъ ширинками. Помню, что мнѣ хотѣлось быть внутри храма и однако я сего сдѣлать не смѣлъ; помню, что прилѣпился къ лѣвому клиросу (должно быть уже въ высшемъ отдѣленіи) и считалъ себя за величайшее счастье видѣть своими очами Богослуженіе. Однако, въ осеннее время, хожденіе ко всенощнымъ было скучно.

Примѣчательно, въ великій постъ мы хаживали къ обѣднѣ въ среду и пятокъ, оставляя послѣдній часъ уроковъ, т. е. двѣнадцатый. Это было прекрасно. Нынѣ все сіе забыто и брошено: не хорошо!—пусть, по ребячеству это намъ, помню, было скучненько, но однако, иногда и отрадно. Помню, что иногда я молился въ преждеосвященныя обѣдни съ крайнимъ умиленіемъ: и доселѣ воспоминаю съ благоговѣніемъ заунывное пѣніе великопостное старцевъ-монаховъ.

Въ Іюль 1812 года французы были уже въ Россіи. Мнѣ было еще только 9 лѣтъ (и еще не вступно). Я не понималъ: что такое французъ; откуда и зачѣмъ онъ идетъ. А притомъ и мои родители, и поселяне, съ которыми мы жили, сами люди простые: и они не разумѣли здѣсь ничего. Воображали, что это суть такіе злодѣи, которые не оставляютъ живого человѣка; всѣхъ изрубятъ, все истребятъ, сожгутъ и проч. По малости лѣтъ моихъ, я не умѣлъ и бояться. Между тѣмъ, страхи начали усиливаться день ото дня. Черезъ наше село все болѣе и болѣе начали проѣзжать и проходить люди, бѣжавшіе отъ огня и меча французовъ. Ихъ рассказы приводили въ ужасъ нашихъ отцевъ; мы, дѣти, по дѣтски были безпечны.

Отъ нашего села Бородинскія поля около 25-ти верстъ разстоянія. Когда была сія страшная битва на Бородинскихъ поляхъ, мы были еще дома. Я помню, что слышенъ былъ какъ бы подземный гулъ и грохотъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Напи отцы, стоя на улицѣ съ поджатыми руками и поникшимъ взоромъ, считали сіи удары, и легчайшіе называли русскими, а крѣпчайшіе французскими. (Можетъ быть это и правда; русскіе къ нашему селу были задомъ, а французы передомъ. Притомъ вѣтеръ тогда былъ западный.—какъ тогда говорили,—слѣдственно, ярче приносилъ эхо отъ ударовъ французскихъ пушекъ). Помню, что сіи удары походили какъ бы на что-то глухо подъ землею катающееся.

Не знаю, скоро-ли послѣ сего мы выѣхали. Только изъ села мы тронулись прежде, нежели вступили въ нашу Рузу французы. По крайней-ли бѣдности, или по простотѣ своей, а можетъ быть и по совѣщанію съ родными,—мои родители (съ священникомъ и пономаремъ) уѣхали отъ французовъ верстъ за 20 отъ своего села въ село Покровское-Шереметьевой. Тутъ священникомъ былъ братъ матушкинъ Матвѣй Борисовичъ. Сюда же прибылъ и дѣдушка Борисъ Гавриловичъ съ бабушкою (Изъ Рузы, священникъ Покровской Церкви). Наше село отъ Рузы всего въ 6-ти верстахъ; слѣд., здѣсь оставаться, безъ явной опасности, было невозможно. Село же Покровское, хотя также недалеко отъ Рузы (15 или 16 верстъ), но было въ сторонѣ—на сѣверъ и окружено большими лѣсами. Выборъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ порядочный.

Тогда отъ начальства было приказано строго: не оставлять своихъ мѣстъ никакому служащему. Посему въ Покровское мы сперва собрались съ матерями, а отцы наши оставались и служили. Чрезъ день иль два и батюшка прибѣжалъ. Французы заняли Рузу. На другой день прибѣжалъ нашъ дѣдушка изъ Рузы (священникъ отъ одной изъ четырехъ церквей). Онъ ужаснулся, не найдя въ Покровскомъ бабушки и неутѣшно заплакалъ, полагая, что она погибла отъ французовъ. Это было вотъ какъ: духовенство въ Рузѣ, помня строгій приказъ отъ Архіерея: не оставлять своего мѣста и службы до самой послѣдней минуты, держалось уже совсѣмъ въ пустомъ городѣ. Бородинская битва была въ 30 верстахъ отъ Рузы. Ее было слышно и видимы зарева отъ необозримыхъ лагерей французскихъ и русскихъ. Послѣ битвы ужасной сперва потянулись Русскіе, а за ними французы чрезъ Можайскъ къ Москвѣ. Отъ Можайска къ Москвѣ есть прямой Смоленскій трактъ; по нему шли русскіе, истребляя все на дорогѣ. Французы, чтобъ не всѣмъ итти по опустошенному тракту, шли направо и лѣво, боками. Наша Руза была для нихъ въ лѣвомъ боку и всего въ 7-ми верстахъ отъ Смоленскаго тракта. Посему, въ Рузу вступила цѣлая дивизія, съ какимъ-то Итальянскимъ припечемъ. Наши духовные ихъ-то дождались.

Дѣдушка прибѣжалъ отъ протоіерея домой полумертвый, сказавъ, что французы уже въ Рузѣ. Сколь ни жаль ему было бабушки, но онъ не могъ взять ее съ собою вотъ почему: она за день до сего, выйдя на улицу ночью посмотреть на зарева, вывихнула себѣ ногу. Дѣдушка простился съ нею и бросился бѣжать. Когда онъ выходилъ изъ Рузы, французы уже ее атаковали. На площади ратники, не успѣвшіе выступить по назначенію, рѣзались съ французами. Ихъ всѣхъ порубили французы.

Въ Рузѣ стоялъ, готовый къ отпуску, но не успѣвшій выѣхать, огромный обозъ съ сухарями. Дѣдушка видѣлъ, какъ французы рубили мужиковъ и солдатъ, защищавшихъ обозъ. Гнались и за нимъ: мародеръ нѣсколько разъ махалъ саблею, чтобы разрубить дѣдушку, но его спасла изгородь, около которой онъ бѣжалъ: сабля зацѣплялась за колья. Мародеръ бросилъ дѣдушку, когда онъ упалъ: то-ли думая, что онъ его разрубилъ, или, что вѣрнѣе, поспѣшая на по-

мощь своей братіи, которые рубили людей и лошадей у сухарнаго обоза. Такъ дѣдушку спасъ Господь. Онъ прибѣжалъ въ Покровское не дорогою, а лѣсами и полями. Наконецъ пришла и бабушка, сопровождаемая вѣрною работницею Ѳедосьею Григорьевною. Эта услуга работницы безцѣнна. И онѣ видѣли тысячи смертей и не могли отъ нихъ бѣжать: бабушка едва переступала; самъ Господь открылъ ихъ.

Когда собрались всѣ, радость нашихъ родителей просвѣтила ихъ, забыты всѣ ужасы. Однако, скоро опасности заставили подумать объ убѣжищахъ. Рѣшили: изъ села выѣхать въ лѣсъ и тамъ жить, сколько возможно. Забрали все имѣніе и скотъ съ собою. Въ домѣ оставили кого-то одного на сторожѣ. Всѣхъ насъ вышло семействъ десять, или болѣе. Проѣхавъ лѣсомъ версты три, остановились при елани (лугъ между лѣсами), устроили огромныхъ два шалаша и размѣстились семействъ по пяти. Мы дѣти, забыли страхи. Тогда было еще тепло; мы рѣзвимся, шалимъ, печемъ картофель, собираемъ ягоды.

У насъ въ деревняхъ есть повѣрье, которое думаетъ находить въ лѣсахъ лѣшихъ, въ водахъ водяныхъ и проч. бѣсовъ. Скажу: я помню, что нѣсколько ночей мы всѣ слышали вблизи насъ, будто рубить кто-то лѣсъ, дерево затрещитъ и страшно ломаясь между смежными деревьями падаетъ на землю; послѣ того захлопаетъ кто-то въ ладоши и захохочетъ адскимъ смѣхомъ. Кто это—если не духъ нечистый! А меня, помню, не обманывали уши. На насъ нападалъ тогда ужасъ, не смотря на то, что насъ было душъ пятьдесятъ въ одномъ мѣстѣ и мы съ нашими отцами. А что-же? Господь въ Евангеліи рекъ; духъ нечистый ищетъ, хотя не обрѣтаетъ себѣ покоя въ мѣстахъ безводныхъ (Матѣ. 12).

Въ лѣсу мы прожили около двухъ недѣль, какъ помнится. Каждый день прихаживали посылаемые отъ насъ въ село—павѣдаться, что тамъ. Французовъ не было. Между тѣмъ, день ото дня становилось холоднѣе: рѣшились перебраться въ село, а имѣніе скрыть. Перебрались. Вырыли на дворѣ яму, поставили туда сундуки съ имѣніемъ; яму заметали сперва землею, и навозомъ, потомъ разнымъ хламомъ, телѣгами, санями, бревнами. Что-же! въ самый первый день,

какъ перебрались мы въ село, пожаловали французы. Мы сидѣли за столомъ; къ окнамъ подѣхали верхами французы, привязали лошадей—и къ намъ. Дождемъ разбѣжались, кто куда попалъ. Не помню: застали они кого изъ насъ, или мы все убрались.

Въ этотъ день у насъ былъ родственныи печальный обѣдъ. Скончался мой братъ Василій, младенецъ, по другому году. Матушка была въ слезахъ, но не тужили много, судя по своей крайней бѣдности и по ужаснымъ въ то время обстоятельствамъ. Послѣ, кажется, опять убрались въ лѣсъ наши отцы, напугавшись французовъ, которые, однако никого изъ насъ не обидѣли.

Однажды случилось: я шелъ изъ лѣсу въ село съ сыномъ Матвѣя Борис. Павломъ. Подходимъ къ селу, слышимъ барабанный бой. Взошли въ село: тутъ французы. Мы не воротились (потому, что въ селѣ была моя матушка). Кое-какъ прокрались до дома. Входимъ: у насъ французы за столомъ. Матушка имъ готовить пищу. Одинъ молодой человѣкъ, въ офицерскомъ мундирѣ, очень хорошо по русски говоритъ: „Вы насъ не бойтесь, вы наши. Вашъ Государь уже Наполеонъ. Москва взята. Вашъ Государь царствовать уже не будетъ. Не обижайтесь за то, что мы у васъ беремъ. Намъ надобно-же пить и ѣсть. У васъ холодно: надобно добывать теплой одежды. Намъ изъ Франціи запастись ею было нельзя. Что дѣлать? Война никому не мила: пройдетъ все скоро. Будетъ заключенъ миръ: и вы будете по прежнему жить спокойно. Мы тогда вашего не тронемъ“. Этотъ молодой офицеръ долженъ быть Адъютантъ двухъ или трехъ старшихъ, сидѣвшихъ тутъ-же. Французы насъ дѣтей ласкали; посадили съ собою за столъ. Поѣвши, французы разпростились. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ матушкѣ, хотѣлъ благодарить ее и для того ловилъ ея руку. Матушка, подумавъ худое, не давала руки. Французъ, или Итальянецъ. догадавшись, тотчасъ разстегнулся и показалъ крестъ, который у него былъ на груди, конечно, въ знакъ того, что онъ христіанинъ. У матушки прошелъ страхъ. Я видѣлъ, какъ этотъ Итальянецъ, не умѣя ни слова по русски, разными минами, самыми выразительными, показывалъ, что онъ помнитъ Бога и добродѣтель и что онъ самъ въ положеніи жалостномъ.

Въ то время, въ наше село пришло 150 человекъ французовъ. Сперва они были скромны; но послѣ зашумѣли, вотъ почему: начальники ихъ дали простымъ солдатамъ волю и они разбрелись по домамъ ища добычи. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ овинъ къ одному мужику. Мужикъ это замѣтилъ: затрепеталъ отъ жалости и досады. А что такое?— въ его овинѣ спрятана была икона Скорбящей Божіей Матери, вынесенная изъ церкви и ему переданная на сохраненіе. На сей иконѣ былъ серебрянный окладъ. Мужикъ подумалъ: вѣрно французъ обдеретъ сей окладъ и можетъ быть истребить, или хотъ поругается надъ иконою. Что-жъ мужикъ вздумалъ?—Онъ схватилъ попавшійся ему деревянный огромный молотокъ (которымъ у насъ въ деревняхъ бьютъ глину для печей), подкрался къ овину и сталъ у угла сруба, гдѣ спускъ въ овинную яму: тамъ была Св. Икона и точно, французъ туда влѣзъ. Бѣдняжка французъ, найдя икону, тащилъ ее съ собою, вылѣзая изъ овинной ямы. Когда онъ высунулся столько, что его ловко было мужику ударить, мужикъ со всего маху хватилъ его тѣмъ деревяннымъ молоткомъ по головѣ, и несчастный бусурманъ покати́лся опять въ яму, какъ снопъ. Тогда мужикъ уже спустился къ французу въ яму и тамъ убилъ его до смерти, а икону взялъ и перепряталъ въ другое мѣсто.

Начальникъ французовъ чрезъ нѣсколько времени велѣлъ ударить въ барабанъ. Солдаты собрались, стали въ ширинки: одного нѣтъ! Немного подождали; пробили въ барабанъ еще: опять нѣтъ того же. Ударили въ третій: нѣтъ. Тутъ зашумѣли французы. Собрали, сколько могли мужиковъ; чрезъ переводчика разтолковали, что одного солдата нѣтъ. Требовали: отыскать его живаго, или мертваго, или выдать его убійцу. Иначе грозили—село сжечь, а ихъ всѣхъ перебить. Мужикъ, убившій француза, какъ то проговорился. Это узнано: и—его несчастнаго хотѣли выдать французамъ. Мужикъ догадался: бѣжалъ въ лѣсъ и скрылся. Французамъ мужики сказали: „точно, одинъ изъ вашихъ убитъ нашимъ мужикомъ; но мужика мы выдать не можемъ: онъ скрылся“. Французы, погрозивъ, вышли изъ нашего села. Пошли въ сосѣднее (Козлово), а тамъ въ деревню (Скирмоново). Эту деревню, обобравъ, французы хотѣли зажечь. Мужики вышли противъ нихъ съ дубинами, пиками и ружьями: началась битва.

Наканунѣ сегодня, когда французы были еще въ нашемъ селѣ, дано было знать отряду казаковъ, стоявшихъ въ г. Волоколамскѣ, что у насъ французы. Казаки общались пріѣхать. Они пріѣхали.

Мужики ударили въ набатъ въ сосѣднихъ селахъ: и тучами хлынули наши бородатые воины на битву, а именно къ той деревнѣ Скирмонову. Французы, завидѣвъ несмѣтное число мужиковъ, большею частью на лошадяхъ и изрядно вооруженныхъ, оробѣли, построились въ каррѣ (ибо на нихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ нападали) и стали мѣрно отступать къ нашему селу. Казаковъ пріѣхало 17 человекъ. Они скрылись въ сѣнномъ сараѣ, стоявшемъ на ровномъ лугу. Казаки дали приказъ мужикамъ, чтобъ французовъ тѣснить къ сему сараю. Приказаніе исполнено: французы уже близко подошли къ сараю. Вдругъ растворяются двери: казаки вереницею, какъ стрѣла, тотчасъ врѣзались въ каррѣ французовъ. Французы сейчасъ—пардонъ! Тутъ нахлынули мужики и начали терзать безоружныхъ французовъ. Казаки едва отбили мужиковъ нагайками. Всѣхъ французовъ убито около 30 и, кажется, почти всѣ въ то время, какъ они сказали пардонъ.

Эта битва была въ виду изъ нашего села, мы смотрѣли и все видѣли. Бѣдняжекъ французовъ, уже плѣнныхъ, обобранныхъ, привели къ намъ въ село. Помню, я видѣлъ того молодого офицера, что говорилъ по-русски. Онъ былъ уже въ изорванномъ мужицкомъ кафтаникѣ.

Такъ наше село спаслось заступленіемъ Скорбяшей Матери отъ своей гибели.

Французы насъ посѣщали вѣсколько разъ, такъ что мы стали къ нимъ привыкать. Я видѣлъ однажды издыхающаго мужика, которому французъ прострѣлилъ пулею пахъ. Дуракъ! онъ погнался одинъ за тремя французами: французовъ не поймалъ, а свою голову потерялъ. Мы боялись между французами поляковъ. Это были ругатели и сущіе злодѣи. Имъ недовольно было обобратъ: они убивали и тиранили людей безъ нужды—племя злое!

Французы вышли изъ Рузы, дней пять спустя выхода изъ Москвы Наполеона. Кажется, они должны были погибнуть, или попасться русскимъ въ плѣнъ. По всей вѣроятности они не знали, куда итти для соединенія съ главною арміею.

Наполеонъ пошелъ къ Калугѣ и уже въ Смоленской губерніи былъ втиснуть на прежній трактъ: Рузскимъ французамъ далеко было гнаться за нимъ. Французы въ Рузѣ было укрѣпились. У насъ въ городѣ точно есть древняя земляная крѣпость. Французы ее исправили, но не считая возможнымъ оставаться здѣсь навсегда, они поневолѣ должны были ее бросить. Это имъ не даромъ досталось. Выходъ ихъ былъ имъ пагубенъ. Тутъ было до ста казаковъ и не одна тысяча мужиковъ: перебили ихъ множество. Однако такъ какъ вступило ихъ въ Рузу около 12,000 человекъ, то, не смотря на огромныя потери (ихъ фуражиры рѣдко возвращались), они еще были очень сильны.

Ихъ вѣрно оставалось двѣ трети. Въ полонъ взять русскіе не могли, а только преслѣдовали ихъ, не знаю, до колѣ.

Тутъ случилась печальная исторія съ однимъ Рузскимъ мѣщаниномъ: бѣдняжка, волею, или неволею, онъ былъ захваченъ французами въ Рузѣ при первомъ нашествіи ихъ. Французы ли его уговорили, или онъ самъ предложилъ имъ услуги, только онъ сдѣлался вожатымъ французовъ-фуражировъ. Наши отцы видѣли его между французами и въ нашемъ селѣ и узнавали его, хотя онъ одѣлся въ ихъ мундиръ. Французы, выходя изъ Рузы, не взяли его съ собою, (какъ онъ чаялъ), а оставили въ Рузѣ. И чтобъ онъ не скрылся отъ мщенія русскихъ (ибо они вѣрно знали, что русскіе узнавали его), они его привязали въ крѣпости къ столбу. Жалокъ конецъ сего несчастнаго. Казаки привязали его къ лошади и безчеловѣчно избили его нагайками. Велѣли указать его домъ; сперва обобрали его сами, потомъ русскимъ велѣли грабить его, кто что хотѣлъ; послѣ зажгли домъ его и его повели на арканѣ въ Волоколамскъ, безпрестанно стегая нагайками. Они его застегали до смерти: онъ брошенъ былъ мертвый за городомъ, отойдя съ версту. Жестоко мщеніе, но и преступленіе велико. Вотъ что я упомянулъ о нашествіи французовъ.

Какъ скоро узнано было, что французы очистили Рузу, наши родители собрались и тронулись обратно домой. Слава Богу! наше село уцѣлѣло—сожжено не было. Мы поселились опять въ своемъ домѣ. Начали собираться и крестьяне. Началось Богослуженіе. Народъ молился съ жаромъ. Всѣ

плакали о своихъ грѣхахъ. Всѣ обѣднѣли ужасно. Имѣнія половина растеряна, другая ограблена французами. Скотины нѣтъ; хлѣба нѣтъ же. Не знаю, какъ пробавлялись православные до лѣта.

Помню: носили по домамъ пѣтуха, чтобы онъ поводился тамъ и здѣсь съ курами. Во всемъ селѣ остался одинъ пѣтухъ и десятка полтора курицъ. Моя матушка уберегла только двухъ.

По выходѣ французовъ, открылись повальныя болѣзни, отъ которыхъ вымирали цѣлые дома. Тогда это несчастье приписывали алчности крестьянъ, ходившихъ на Бородинскія поля и тамъ обиравшихъ убитыхъ русскихъ и французовъ. Сказывали: иной глупый мужикъ, завидя на умершемъ хорошіе сапоги и не могши стащить ихъ съ замершихъ ногъ мертвого, отрубалъ ноги и съ сапогами приносилъ домой, чтобы, отогрѣвши ихъ въ теплѣ, вынуть мертвую ногу изъ сапога, такъ чтобы его не испортить. Не мудрено тутъ быть и заразѣ. И то сказать: Бородинская битва была 27 августа, а тѣла на семь полѣ начали собирать и сжигать уже въ глубокую осень, думаю, не раньше ноября. И такъ, удивительно ли быть заразѣ около насъ, когда больше двухъ мѣсяцевъ гнили на поверхности земли на однѣхъ Бородинскихъ поляхъ болѣе ста тысячъ человѣческихъ и конскихъ труповъ?—А сколько притомъ убито французовъ по окрестностямъ, во время ихъ гощенія у насъ. Они валялись всюду и на улицахъ и на поляхъ, на дорогахъ, вездѣ. Кромѣ сего: отъ сущаго голода люди въ сіе время питались кое-чѣмъ (потому, что хлѣбъ не весь успѣли собрать; а что и собрано было, то или отнято французами или сожжено).

Можетъ быть и Господь изливалъ останки гнѣва своего на насъ грѣшниковъ. Только помню, что людей мерло столько, что и въ маленькомъ нашемъ приходѣ (90 домовъ) едва успѣвали хоронить. Еще помню, когда на Бородинскихъ поляхъ жгли мертвыя тѣла, смрадъ доходилъ и до насъ (около 25 верстъ). Можетъ быть, и этотъ смрадъ былъ заразителенъ!

Ж И З Н Ь

Архимандрита Никодима Казанцева.

(*Продолженіе*).

Въ это время и мнѣ приключилась болѣзнь, которой доселѣ хорошенько не умѣю растолковать. Со мною трижды случались удивительныя изступленія, одно послѣ другого чрезъ мѣсяцъ, или немного меньше. Каждое изступленіе продолжалось часа три; въ это время я лежалъ почти неподвижно, съ закрытыми глазами, и однако говорилъ безпрестанно, рассказывая видѣнія, какія мнѣ представлялись. Жаль, я теперь ихъ не могу рассказать послѣдовательно и подробно. Вотъ что припоминаю. а) Сперва я рассказывалъ, отъ лица Божія, причины гнѣва Его на Россію. Говорилъ: „кайтесь, русскіе, на васъ разгнѣвался Господь за ваши неправды. Нашествіе Наполеона есть очистительная казнь за ваши грѣхи; но вы и теперь безпечны: прилагаете беззаконіе къ беззаконію и проч. Тутъ въ подробности разбиралъ я всѣ ужасы безчеловѣчія, грабительства и неправдъ, какія точно открылись въ то время, когда замолкли законы, правительство скрылось и разбѣжалось, дикая свобода и неказанность шумѣли повсюду. Описывалъ семейные безпорядки, зависти, вражды, предательства. Изображалъ безнравственность обществъ, охоту къ чужимъ обычаямъ, забвеніе отеческой простоты, хитрости, коварства. Показывалъ отступленіе отъ Бога, забвеніе обязанностей религіи, нехожденіе къ службамъ въ храмъ Божій, пренебреженіе праздниковъ, постовъ. Рассказывалъ о нечистыхъ замыслахъ ходившихъ на Бородинскія поля, чтобы тамъ обобратъ умер-

шихъ, и указывалъ на гибель цѣлыхъ домовъ за это. Удивительно, я рассказывалъ, а слушавшіе плакали отъ умиленія, сознавая, что я, попеременно, то того, то другого изображалъ живо въ послѣднихъ изгибахъ его сердца. Я входилъ иногда въ такія подробности, которыя въ то время никому (кромѣ содѣлавшаго) не были извѣстны, но которыя въ послѣдствіи открывались, и точно такъ, какъ я рассказаль. Помню на это два примѣра: 1) Изъ сосѣдней намъ деревни (Таболова) нѣкоторыя старушки (кажется, я называлъ ихъ по имени, вовсе не зная ихъ; даже и родители мои ихъ не знали) ходили на Бородинскія поля для того, чтобы поплакать надъ растерзанными мучениками за вѣру и отечество, поминали ихъ и тѣхъ, которые были слишкомъ обезображены, закрывали ихъ одеждою; для иныхъ отдирали лоскуты отъ своей одежды, чтобы закрыть ихъ отверзтыя глаза. Я это рассказывалъ, указывалъ деревню, домъ и едва ли не называлъ по имени сихъ благочестивыхъ старушекъ: и похвалялъ ихъ человеколюбіе. Черезъ годъ узнаю, что точно, изъ той деревни старушки ходили и дѣлали то, что я рассказывалъ. 2) По смерти бабушки (батюшкиной матери) матушка хотѣла ея шубу или взять себѣ, или дать дочери. Я упрекалъ матушку, говоря: „напрасно дѣлаешь это, шуба завѣщана мнѣ“. Матушка дивилась; она своихъ мыслей никому не сообщала, а точно, хотѣла сдѣлать съ шубою то, что я говорилъ. А я вовсе не зналъ и о завѣщаніи мнѣ бабушкою ея шубы. Да и не могъ понять смысла завѣщаній, будучи только 9 лѣтъ (пишу въ монастырѣ въ чистый понедѣльникъ 2 марта 1842 г.).

б) Во второе изступленіе мнѣ представлена была картина вѣчнаго мученія, которымъ угрожаетъ грѣшникамъ Спаситель. Здѣсь я видѣлъ огненную, страшно пылающую и горами волнующуюся рѣку. Видъ ея и окрестности походили на нашу рѣку Рузу въ Комлевѣ—моей родинѣ. Меня водилъ и рассказывалъ, что я видѣлъ, въ видѣ прекраснаго юноши, Ангелъ. Тутъ я видѣлъ плавающихъ въ огнѣ несчастныхъ грѣшниковъ. Рѣка волнуется бурно, выворачиваетъ со дна грѣшниковъ и погружаетъ ихъ снова на дно; колебанія ея быстры, какъ молнія: волны огненные страшными гребнями воздымаются на безмѣрную высоту и во мгновеніе ока падаютъ на дно бездны. Людей въ ней такъ

много, что они отовсюду выныряютъ; они всё живы; черты лицъ ихъ нестерпимо ужасныя; не разберешь, что кричатъ, какой-то раздирающій душу ревъ и стenanіe. Они мечутся къ берегу, стараются выползти: но берегъ—сушная стѣна: вытти невозможно. Да еще: слуги сатаны, съ страшными баграми, стоятъ по всей линіи берега и нещадно разятъ ими тѣхъ, которые приближаются къ берегу. Не смотря на сіе, несчастные тамъ и здѣсь карабкаются, хватаются за берега, за багры. Слуги сатанинскіе не успѣли бы всюду всѣхъ сражать, но вотъ другое ихъ средство: другая шеренга, повыше сихъ же сатанинскихъ слугителей, съ верху покатаго берега пускаютъ огромные камни и деревья. И сими то тяжестями бѣдные грѣшники начисто сглаждаются съ береговъ и погружаются снова въ огонь геенскій. Смотря съ оцѣпенѣніемъ на сіи ужасы, я умолялъ моего Ангела вы-свободить изъ сей рѣки мою бабушку (батюшкину мать). Я ее тамъ увидѣлъ. Она жалобно о семъ меня умоляла. Ангелъ мнѣ сказалъ: „жаль ее, но я ничего не могу сдѣлать. Впрочемъ, есть надежда, молись за нее: умолишь“. Я сталъ молиться, она мнѣ стала подавать руку. Я нѣсколько разъ ее вытаскивалъ: но она обрывалась и снова погружалась. Не помню, высвободилъ ли я ее совсѣмъ. Слуги сатанинскіе съ моимъ Ангеломъ спорили: но отступали всюду, гдѣ онъ былъ со мною. Они всё нагіе, закопченные, лица ужасно звѣрскія, тощія; видъ ихъ старый, волосы дыбомъ, лица осколкомъ, носъ долгій и толстый, глаза бѣгаютъ, узенькая, клоками, борода. Такъ помню! Потомъ тотъ же Ангелъ началъ водить меня по холоднымъ отдѣленіямъ ада. Снаружи будто зданія: отворилъ дверь—тутъ широкая и весьма глубокая яма, чуть видно дно; тамъ на днѣ грязь нестерпимо вонючая, въ грязи ядовитыя животныя безчисленныхъ видовъ, змѣи, лягушки и проч., чего и сказать не умѣю. Между ними—люди; и ихъ то сіи лютые гады грызутъ и терзаютъ. И здѣсь такъ же отчаянныя стenanія, какихъ никакъ невозможно и вообразить. Страдальцы безнадежны: они во мракѣ, однако немножко можно ихъ разобрать. Змѣи сосутъ ихъ, выются около нагихъ членовъ ихъ: ужасно! Такихъ отдѣленій много: я истерзался, смотря на нихъ. Наконецъ, какіе-то мучители приступили и ко мнѣ. Ангелъ отъ меня удалился. Мнѣ должно было одному бороться съ

ними Они поносили мою вѣру и упованіе, хотѣли исторгнуть ихъ изъ души моей. Я отвѣчалъ имъ вопреки съ дерзновеніемъ мужественнымъ. Мнѣ грозили казнями: я не боялся. Наконецъ меня начали пригвождать ко кресту. Мучительны были мои страданья: но я и съ креста укорялъ распинателей и грозилъ имъ, что придетъ время, когда и я надъ ними получу отъ Бога власть. Я страдалъ на крестѣ долго. Не знаю, какими судьбами, но я спасся, и точно получилъ во власть моихъ мучителей. Я началъ было самъ распинать же ихъ, но этой сцены дальше не помню. Кто такіе были мои распинатели—теперь не умѣю сказать. А кажется, или жиды, или на нихъ похожіе невѣріемъ и хуленіемъ Искупителя. Это второе мое видѣніе, сколько припоминаю.

в) Наконецъ, въ третьемъ видѣніи были одни утѣшенія. Мнѣ представилось, будто я въ своемъ храмѣ (на родинѣ). Храмъ удивительно утѣшительный. Въ немъ народу множество; всѣ молятся съ жаромъ; вижу въ куполѣ храма на воздухѣ виситъ мраморная гробница; она то опускается, то поднимается вверхъ. Люди приближаются къ ней, хотятъ поклониться и облобызать ее. Мнѣ показалось, что этотъ храмъ есть единый во всей вселенной, что сюда стеклось все человѣчество, что съ живыми предстоятъ и умершіе: они воскресли. Мнѣ весьма хотѣлось приложиться къ этой гробницѣ: я узналъ: „это гробъ Господень“. Слышу съ верху храма какъ бы отъ гробницы гласъ къ людямъ самого Господа. Рѣчь Господня была обличительная, но не грозная, а отеческая, убѣждающая и призывающая грѣшниковъ къ покаянію. Господь свидѣтельствовалъ: а) о Своей благости къ людямъ особенно въ искупленіи рода человѣческаго Своимъ воплощеніемъ и во плоти страданіями; б) о томъ, что Онъ далъ и падшему человѣку всѣ средства, чтобъ не грѣшить, а спастись; в) о томъ, что отъ Него никакой грѣхъ, даже только въ помышленіи, не скрытъ: Онъ все видитъ. г) Особенно сильно Господь убѣждалъ—оставить лукавыя обычаи вѣка и ими не оправдываться. „Я васъ буду судить по Моему Евангелію“, рекъ Господь, „а не по вашимъ обычаямъ. Вы испортили мой законъ вашими извиненіями. У васъ всѣ и тяжкіе грѣхи уже оправдываются. Вы вездѣ находите себя правыми и думаете, что и предо

Мною оправдаетесь. Нѣтъ! Я взыщу все, что вы не сдѣлали, или сдѣлали не такъ, какъ Я повелѣлъ. Отъ Меня не скроетесь и ничѣмъ не защититесь. Знаю ваши немощи, но Я далъ вамъ свои силы. Съ ними вы не были бы немощны: вы лѣнны“. Такъ Господь взывалъ къ намъ милостиво. Всѣ плакали: давали обѣты исправиться. Я стоялъ на солеѣ у алтаря съ лѣвой стороны. Я началъ молиться вслухъ: слезы лились у меня рѣкою. Я просилъ Господа быть ко мнѣ милостивымъ. Слышалъ и отвѣтъ отъ Господа, онъ былъ утѣшительный, но я теперь не умѣю и не смѣю его повторить. Гробница Господня опустилась предъ Царскія Врата. Я подбѣжалъ съ жаромъ и удостоился облобызать ее. Гробница изъ мрамора, сѣдовато-бѣлаго, волнами отдѣлана чисто. Послѣ она опять поднялась. Многіе успѣли приложиться, а нѣкоторые сего лишились.

Потомъ я опять увидѣлъ Ангела. Онъ мнѣ обѣщалъ показать рай. Я съ нимъ уже ходилъ по воздуху, не опасаясь упасть. Онъ привелъ меня, какъ будто, въ трапезу нашего храма; сквозь стеклянное полукружіе онъ показывалъ мнѣ внутренность настоящей нашей церкви: это будто рай. Мнѣ хотѣлось войти туда, но было весьма узкое мѣсто, надо было сжаться въ половину противъ моего объема, иль больше. Я покушался долго и, кажется, прошелъ, но уже очутился выше этого мѣста—на хорахъ. Тутъ я увидѣлъ храмъ сей въ такомъ блескѣ, что и доселѣ не видалъ нигдѣ ему подобнаго: а въ сердцѣ была такая радость, что мнѣ уже не хотѣлось возвращаться къ жизни (ибо я зналъ, что это видѣніе). Тутъ мнѣ сказаны три слова, которыхъ мнѣ строго не приказано сказать: и я не смѣю и не умѣю.

Вотъ мои видѣнія. Не умѣю самъ понять (повторю), что они суть такое. Кажется, не согрѣшу, если назову ихъ откровеніями Божиими. Но вотъ что удивительно, я во все сіе время видѣній сохранялъ два сознанія: одно то, что я есмь, другое—что вижу. Помню и знаю, что я мальчикъ, въ домѣ родительскомъ лежу на постелѣ, слышу и даже, кажется, вижу окружающихъ меня (хотя глаза мои были закрыты: я лежалъ неподвижно и былъ блѣденъ, какъ полотно. Это мнѣ сказывала матушка): но не могу съ ними проговорить ни слова, а говорю только то, что вижу и куда переносусь душою. Послѣ сихъ трехъ экстазовъ я сдѣлался томенъ и уди-

вительно тихъ. Переоталъ ѣсть скоромное, не только мясо, даже и молоко, хотя мнѣ сего весьма хотѣлось. Матушка, сожалѣя меня по дѣтству, упрашивала меня со слезами, чтобы я ѣлъ скоромное. Ей было меня жаль: ибо я былъ чуть живъ. Я уступилъ матушкѣ. Вмѣстѣ съ симъ у меня родилась мысль скрыться изъ дома родительскаго, уйти куда-нибудь въ невѣдомый лѣсъ, или оврагъ и тамъ поселиться для спасенія. Мысль сія у меня была долго: но я не смѣлъ на нее рѣшиться, опасаясь ужасовъ уединенія. Это было со мною отъ ноября 1812-го по февраль 1813 года.

Весною въ 1813 году я заболѣлъ уже сильно: былъ боленъ мѣсяца два и едва воскресъ; сія болѣзнь была уже обыкновенная.

Теперь не помню, въ 1813-мъ или въ 14-мъ году я опять представленъ былъ въ Училище; помню только, что ученіе началось, кажется, съ зимы и вѣроятно съ конца 1814-го года. Съ сего времени уже открылось преобразование въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ всюду. Въ Троицкой лаврѣ (Московской губерніи) открыта была Академія, а Семинарія и Училища, здѣсь бывшія, разведены въ Виоанскую и Московскую Семинаріи и по Училищамъ. Я пріѣхалъ въ Училище; у насъ уже новыя учителя, учениковъ много собралось изъ Лавры и Виоаніи. Количество учениковъ утроилось. До преобразованія насъ всѣхъ въ Звѣнигородскомъ Училищѣ едва было 50, а тутъ сдѣлалось больше 150 учениковъ.

Когда меня въ сей разъ представили въ Училище, меня поставили на квартирѣ у крестьянина Ильи Лаврентьевича Рыбакова, въ подмонастырной слободѣ, отъ Училища съ версту, иль меньше. Здѣсь я воскресъ. Я радъ былъ, что уже имѣлъ право свободно ѣсть свой хлѣбъ, когда захочу. Я жилъ съ учениками: насъ было на сей квартирѣ до 14. Хоть тѣсно было, но мы были на свободѣ и тѣмъ были довольны. Правда, пища наша была жалостная: однѣ пустыя щи, изъ дурной сѣрой капусты, безъ масла и безъ всего. Кто былъ въ состояніи, покупалъ говядину. И я иногда привозилъ изъ дома соленой съ пудъ, иль поменьше. Привозилъ еще четверикъ крупъ—на три мѣсяца и изрѣдка варилъ себѣ кашу. Но и сія бѣдственная пища была мнѣ отрадна, по сравненію съ тѣми мученіями и голодомъ, какими я томился у Ивана Сергѣевича.

Еще: здѣсь я могъ учиться свободно. Меня никто не отвлекалъ ни на какія работы. А у учителя я былъ больше работникъ, нежели ученикъ. Семейство сего крестьянина составляли: онъ самъ съ женою Дарьею Дмитріевною, три сына: Александръ, жена его Пелагія Антоновна (уже скончалась), Иванъ, Дмитрій и дочь Катерина. Александръ жилъ въ Москвѣ на фабрикѣ (нанковой), Иванъ мнѣ ровесникъ, Дмитрій еще ребенокъ (нынѣ онъ монахъ Даниилъ въ Саввинѣ монастырѣ); Катерина дѣвица лѣтъ 13 или 14 (послѣ она выдана замужъ за подъячаго, который теперь въ Подольскѣ Моск. губ.). Дѣвица Катерина меня любила за мою предъ другими кротость и за послушность: я у нея былъ на посылкахъ и по вечерамъ сиживалъ съ нею, чтобъ ее занимать разговорами (она разматывала шелкъ).

На сей квартирѣ я прожилъ, кажется, около двухъ лѣтъ; послѣ сего меня сманивалъ къ себѣ тотъ мой мучитель Павелъ Сокольскій, что мучилъ меня у Ивана Сергѣича. По простотѣ и незлобію моему, я его послушался и перешелъ на его квартиру (къ бабушкѣ Котлерихѣ). Здѣсь я жалостно обманулся. Павелъ меня тотчасъ опять сдѣлалъ своимъ слугою и игрушкою его звѣрской и разсѣянной души. Но съ нимъ я прожилъ одну треть: его перевели въ Реторику. Послѣ него я самъ перешелъ уже въ высшее отдѣленіе: слѣдовательно, самъ сталъ старшимъ. Товарищи мои здѣсь были пренегодные, лѣнтяи, бѣднѣйшіе, предурного воспитанія.

Тутъ со мной вышло другое горе: съ сего времени записали въ школу моего брата Михайлу; онъ былъ еще 7 лѣтъ. Негодные мальчишки, мои сотоварищи, напали на него, начали надъ нимъ ругаться, бить его. Мнѣ это было смертельно жаль, но я не всегда могъ защищать его. Къ тому началъ учиться онъ плохо. Я мучился, видя, что онъ не разумѣетъ ученія и по классу изъ послѣднихъ. Со слезами на глазахъ, я вперялъ ему его уроки и старался довести его хоть до посредственности. Слава Богу! мои труды и болѣзни о немъ не были тщетны. Понемногу онъ сталъ просвѣтляться и въ два года успѣлъ перейти въ низшее уѣздное болѣе нежели средственнымъ.

На этой квартирѣ хозяйка вдова старушка. Она, безъ сомнѣнія, давно умерла. Старушка богобоязненная, изъ штат-

ныхъ; у нея одинъ сынъ былъ холостой, а двое женатыхъ (фамилія ихъ Котляровы). Только холостой жилъ съ нею.

Промучившись здѣсь съ полгода, или съ годъ, не помню, я сталъ просить матушку, чтобъ она перевела насъ на старую квартиру. Я перешелъ. Для сего матушка приходила къ намъ пѣшкомъ. Я столько обрадовался сему новому переходу, что снова почелъ себя какъ бы воскресшимъ. Съ сего времени, уже до окончанія ученія въ Училищѣ, я прожилъ на квартирѣ Рыбакова и жилъ безъ скорбей. Братъ Михайла, увидя, сколько я ему приношу пользы и какою служу ему вездѣ защитой, сдѣлался мнѣ столько покорнымъ и былъ столь ко мнѣ уважителенъ, что и любилъ и почиталъ меня, какъ отца. Это ему честь. Такое расположеніе ко мнѣ онъ хранилъ во все время нашего ученія, даже и донныя отчасти это помнить.

Вотъ одно изъ замѣчательныхъ приключеній на этой квартирѣ со мною. Однажды я пришелъ изъ школы на квартиру обѣдать. Былъ съ утра обыкновенно подѣтски живъ и веселъ и пришелъ обѣдать веселымъ. Сѣли за столъ. Вдругъ, закипѣло у меня сердце и сжалось: я померкъ, потомъ сталъ вздыхать, потомъ плакать больше и больше. Не могъ сидѣть и за столомъ. Сперва надо мною шутили, потомъ, когда увидѣли, что я началъ метаться, всѣ пришли въ жалость, начали уговаривать. Спасибо, хозяинъ сталъ ухаживать за мною, какъ за своимъ сыномъ. Я плачу и тоскую, не зная самъ о чемъ. Бывшись такъ часа полтора, я уснулъ: проснулся, и моя скорбь миновалась, я былъ попрежнему веселъ. Сіе столь непонятное тогда событіе удивительно, чѣмъ объяснилось. Въ этотъ день и въ это самое время (какъ я узналъ послѣ) у насъ въ домѣ случилось страшное происшествіе. Это было осенью. Батюшка позвалъ одного двороваго чело-вѣка (Семена Козлова) заколотъ свинью. Поймали и связали свинью. Надобно было ее рѣзать. Козловъ имѣлъ для сего ножъ за поясомъ: онъ нагнулся для того, чтобъ начать свое дѣло. Что-же?—несчастнѣйшій! Онъ не вынулъ ножа и своимъ бокомъ вдавилъ весь ножъ въ свой пахъ! Батюшка и матушка не догадаются сего несчастія: свинья бьется и реветъ пронзительно. Матушка побѣжала къ Семену, чтобъ его побудить, и ужаснулась, увидя, что у него изъ паха бьетъ кровь фонтаномъ и ножъ погруженъ въ пахъ. Бросили

свинью и тотчасъ къ священнику и прикащику, чтобъ объявить имъ и не быть въ бѣдѣ. Священникъ (упокой его Господи) былъ на насъ ужасно злобенъ. Однако пришелъ: исповѣдалъ несчастнаго Козлова и причастилъ. Слава Богу, онъ еще могъ выговорить, что онъ пропадаетъ отъ своей неосторожности. Сбѣжалось все село. Ножъ вынули изъ раны. Ничѣмъ не уймутъ кровь; раздѣли его до нага, внесли въ горницу; онъ былъ уже недвижимъ и кровь уже чуть бѣжала. Оставалась одна минута жизни. Тутъ прибѣжала приказчица и сказала, что для унятія крови надобно положить на рану серебряный рубль. Нескоро нашли: побѣжали въ церковь, принесли, положили—и—чудное дѣло! кровь остановилась. Почти уже изшедшій кровью Козловъ началъ оживать и точно, ожилъ и едвали и доселѣ не здравствуетъ. Только онъ на эту ногу сталъ хромать.

Вотъ происшествіе: я былъ въ Училищѣ, за 46 верстъ, а мое сердце узнало домашнюю скорбь. Удивительное существо—душа человѣческая! или тутъ особенное дѣйствіе Божіе. Этотъ случай я объясняю—изъ сочувствія душъ родныхъ, которое мы не всегда умѣемъ разгадывать. И душа гораздо дальше бываетъ, нежели гдѣ ея тѣло (о семъ случаѣ я упоминаю и объясняю его въ моемъ разсужденіи о предчувствіяхъ, писанномъ въ Академіи и находящемся въ моихъ тетрадяхъ).

Еслибъ умеръ Козловъ, батюшкѣ не обошлось бы безъ скорбей и можетъ его разсудили-бы какъ злонамѣреннаго убійцу. Священникъ не пощадилъ бы. Слава Богу! что онъ воскресъ. Но удивительно свѣтла была на тотъ разъ и моя душа!

Меня въ училищѣ, сколько припоминаю, сѣкли розгами пять разъ: 1) Тетка Надежда, жена дяди Николая Борис. (у котораго я первоначально жилъ) высѣкла меня за то, что я, попарившись, отерся бѣлою рубахою и ее замораль. 2) Дядя Николай Борис. за то, что я потерялъ складокъ, съ котораго учился писать (я его, по совѣту товарищей, для крѣпости обмазалъ масломъ, а собака за то его изорвала, какъ то найдя его у меня). 3) Иванъ Сергѣичъ за то, что я вечеромъ боролся съ сыномъ протоіерея смотрителя, а по утру, сверхъ ожиданія, посланъ былъ въ классъ (отъ Ивана Серг. я очень рѣдко ходилъ въ классъ); тамъ меня запи-

сали, что не знаю урока: и меня Ив. Сергѣичъ велѣлъ высѣчь. 4) Смотритель протоіерей Василій Васильевичъ за шалость: съ однимъ товарищемъ я гонялъ палкою замерзлую глышку, одинъ противъ другого. Случилось, что отъ удара палкою глышка поднялась высоко и ударила въ бровь моему товарищу. Сдѣлался знакъ ушиба, распухла окружность глаза. Товарищъ мой былъ сынъ священника въ Звѣнигородѣ. Онъ допросилъ сына о причинѣ, пожаловался смотрителю, и меня высѣкли. 5) Инспекторъ Училища священникъ Василій Егоровичъ. Вотъ какая была исторія: мы играли на улицѣ у квартиры въ бабки, въ ѣзду. Игра въ бабки начальствомъ запрещена, слѣдственно, мы дѣлали преступленіе. Зная это, одинъ изъ учениковъ сосѣдней квартиры (сушій дуракъ и ниже меня классомъ) побѣждалъ къ намъ и подъ руку кричить: мимо! Это онъ дѣлалъ много разъ. Когда я сталъ мѣтить, а онъ кричалъ и точно, я далъ мимо: мнѣ сдѣлалось досадно. Я побѣждалъ за нимъ, онъ отъ меня. Я догналъ его, схватилъ за воротъ; онъ сейчасъ закричалъ, какъ бы я билъ его, взвылъ на всю улицу и побѣждалъ къ Инспектору жаловаться на меня. Инспекторъ на другой день пришелъ въ классъ, и когда ученики распущены были на обѣдъ, онъ меня остановилъ на крыльцѣ и началъ бранить за вчерашній мой проступокъ. Я замѣтилъ, что уже дожидается ученикъ съ лозою, помертвѣлъ, ничего не могъ сказать въ оправданіе: да Инспекторъ видно не хотѣлъ и слушать. Я ужаснулся наказанія и чувствовалъ всю его несправедливость: однако нехотя легъ. Такъ какъ не оставлено было ученика еще, чтобъ поддержать меня, то я отъ перваго удара вскрикнулъ и въ безпамятствѣ вскочилъ и побѣждалъ. За мной было погнался тотъ ученикъ, но видно не велѣно было: я ушелъ. Это такъ меня потрясло, что я цѣлыя сутки рыдалъ, и стали уже опасаться, чтобъ со мною чего не приключилось.

Такъ надобно имѣть разборчивость съ наказаніями дѣтей! такъ необходимо входить въ подробности проступка! Я до сихъ поръ называю за это Инспектора глупымъ, или лѣнивымъ. Это случилось уже въ послѣднюю треть въ Училищѣ. Я шалуномъ не былъ; учился весьма хорошо. Тотъ мальчишка негодяй и по-дѣтски мерзавецъ. Инспекторъ поступилъ дурно. Что еще? когда я побѣждалъ полуизступленнымъ

на квартиру, здѣсь нашелъ матушку; она возвращалась съ богомолья изъ Троицкой Лавры. Можетъ быть, свиданіе съ нею умалило скорбь мою: иначе я не знаю, что со мною бы было. Однако и она не уговорила меня совсѣмъ: я все плакалъ.

Учился я въ Училищѣ хорошо. Къ новому преобразованію ученія въ 1814-мъ году я выучился только склонять и спрягать по латынѣ, дѣлалъ уже и задачи на имя существительное съ прилагательнымъ и на глаголъ, безъ синтаксиса. Такъ мало до сего времени я выучилъ: а) потому, что у учителя своего жилъ болѣе работникомъ, нежели ученикомъ; б) помѣшали французы, моя болѣзнь и видно бѣдность родителей. Съ 1812-го съ іюля по ноябрь или декабрь 1814-го, кажется, я прожилъ дома. Съ сего времени я уже учился постоянно. Въ низшемъ отдѣленіи достигъ 3-го мѣста, но въ высшемъ былъ 9-мъ, такъ и переведенъ въ Реторику.

Въ низшемъ отдѣленіи былъ у насъ прекрасный учитель студентъ Алексѣй Семеновичъ Миролюбовъ. Онъ насъ любилъ, былъ прилеженъ и умѣлъ учить, а особенно любилъ покровительствовать дарованія. Лучшие ученики всегда были его утѣха; съ ними онъ былъ ласковъ, хвалилъ, даже иногда шутилъ, хотя весьма умно. Любилъ намъ рассказывать исторіи, анекдоты. Помню, какъ онъ восхищалъ рассказами о походахъ Суворова, о Египетскихъ древнихъ чудяхъ, о сфинксѣ, о Семирамидѣ, о колоссѣ и проч. За то мы его отлично уважали и привязаны къ нему были, какъ дѣти. Меня онъ, кажется, любилъ особенно. Я былъ очень малъ ростомъ и крайне застѣнчивъ: но учился очень хорошо. Къ тому я имѣю какую-то оплошность и наружную простоту. Это забавляло моего умнаго учителя. Однажды, когда онъ, задавъ намъ въ классѣ задачу, ее дожидался и я подалъ ее прежде всѣхъ: онъ сталъ читать, морщась и кивая. По этому мы привыкли считать свои погрѣшности въ задачѣ. Но я зналъ и былъ увѣренъ, что моя задача хороша. Учитель подписалъ: *Praestantissime* (превосходно) и, подойдя ко мнѣ, съ притворнымъ гнѣвомъ закричалъ: скверная задача! *flecte!* (т. е. становись на колѣни). Я сейчасъ увидѣлъ, что это только потѣха: однако и я съ притворною же грустью сошелъ съ мѣста и сталъ на колѣни. Учитель тотчасъ подо-

шелъ ко мнѣ, погладилъ по головѣ, велѣлъ садиться и осыпалъ похвалами.

Отъ той же простоты, иногда слушая толкованія или рассказы учителя, я прислонялся къ сосѣднему товарищу и, не примѣчая, дремалъ. Учитель, бывало, воскликнетъ: „Казанцевъ! сказывай, что видѣлъ во снѣ?“ Впрочемъ его толкованіе я былъ способенъ всегда повторить, и потому онъ не сердился на меня, а только забавлялся.

Въ высшемъ отдѣленіи учитель мой былъ Степанъ Петровичъ Краснофѣвцевъ—студентъ же. Онъ нынѣ въ Москвѣ въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Драчахъ, діакономъ (а почтенный мой учитель Алексѣй Семеновичъ давно уже скончался. Бѣдняжка! онъ былъ не трезвъ и тѣмъ ускорилъ свою кончину. И онъ былъ діакономъ же въ Москвѣ у Спиридонія на Казихъ. Жена и дѣти его теперь, сиротствуя, бѣдствуютъ). Этотъ учитель былъ хладенъ ко всѣмъ; бормоталъ про себя, однако былъ и уменъ и прилеженъ. Меня онъ въ послѣднюю треть особенно не взлюбилъ, раза два ни къ чему придирался въ классѣ и весьма больно таскалъ за волосы и билъ по щекамъ и по головѣ.

Моя предъ нимъ вина была очень смѣшная: Послѣ Пасхи надобно было, по обыкновенію, являться къ учителю. Тутъ ему даютъ, кто сколько можетъ. Мнѣ батюшка далъ на это либо гривенникъ, либо пятачекъ. Идя къ учителю, я колебался: дать эту монету учителю, или не дать?—„Учусь“, думалъ я, „хорошо, переведенъ въ Реторику быть долженъ. За что же я дамъ деньги учителю? а при томъ какъ эта монета и мнѣ была бы нужна.“ Въ такомъ раздумьи я вошелъ и къ учителю. Выходитъ учитель; я съ нимъ похристосовался: далъ крашенное яйцо; потомъ и монету хотѣлъ было дать, даже и руку протянулъ и учитель также было подаль свою руку: но я вдругъ отдумалъ и возвратилъ руку назадъ. Учитель остался пристыженнымъ и съ крайнею досадою меня отпустилъ, не сказавъ, однако, ничего. Странно точно и смѣшно! Учитель, правду сказать, всего ближе могъ принять мой поступокъ за насмѣшку себѣ: но ей, я не имѣлъ ничего похожаго въ мысляхъ, а сдѣлалъ это по странной простотѣ, особенно мнѣ принадлежащей. Однако, какъ оказалось, учитель этого не понялъ и потому мстилъ мнѣ побоями. Даже замышлялъ было сдѣлать мнѣ еще большее

зло: именно, хотѣлъ оставить въ Училищѣ, а можетъ быть и исключить. Такое несчастіе передано было моей матушкѣ отъ доброй хозяйской дочери дѣвицы Катерины, въ проходѣ матушки изъ богомолья. Матушка тутъ не разобрала дѣла, но когда пришла домой и рассказала эту бѣду моему дѣдушкѣ, а ея родителю, дѣдушка испугался, далъ матушкѣ 20 рублей денегъ и послалъ опять ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы дарами и поклонами умолить разгнѣваннаго учителя и просить покровительства отъ Смотрителя. Царство небесное дѣдушкѣ! Въ самомъ дѣлѣ, онъ понялъ дѣло: можетъ быть безъ того, я точно, если не исключенъ, то оставленъ бы былъ въ Училищѣ. А это такъ важно, что оно рѣшило бы мою судьбу конечно совсѣмъ иначе на все послѣдующее время.

На послѣдній нашъ экзаменъ пріѣхалъ ревизоромъ самъ о. Ректоръ Виѣанской Семинаріи (которой по росписанію принадлежитъ Звѣнигородское Училище), Архимандритъ Веніаминъ. Веніаминъ мужчина тучный, небольшого роста; какъ рассказываютъ, отлично умный. Онъ, бѣдняжка, пострадалъ. Слышно было, что онъ на своемъ экзаменѣ въ Семинаріи поспорилъ крупно, и даже на вопросы ему отвѣчалъ смѣхомъ Преосвященному Архіепископу Московскому и ревизору Филарету, нынѣ Митрополиту Московскому, такъ что первый изъ нихъ ему сказалъ *risus non probat* (смѣхъ не доказываетъ). И это сдѣлало его несчастіе. Его тогда-же изъ Виѣаніи перевели въ Уфу (т. е. сослали) въ ректора-же, изъ Уфы въ Астрахань тѣмъ же. И здѣсь въ обоихъ мѣстахъ онъ былъ какъ то несчастливъ. Изъ Астрахани его уже взяли въ какой-то монастырь въ Вологду, за что,—не знаю. Не знаю и точно, живъ онъ, или нѣтъ. Мнѣ его жаль. Смѣхъ у него—не обида, а просто характеръ и привычка, конечно, не совсѣмъ похвальная. Онъ и у насъ на экзаменѣ, помню, безпрестанно смѣялся.

Матушка моя за меня просила и его. Онъ ей милостиво сказалъ, что сынъ ея учится хорошо и безъ сомнѣнія поступить въ Реторику. Въ это время мнѣ пришла глупая мысль въ голову: проситься въ Московскую Семинарію. Матушка не понимала здѣсь ничего; и по моему желанію просила о. Ректора и о семъ. Спасибо, что о. Ректоръ сказалъ, что онъ не совѣтуетъ, а впрочемъ не мѣшаетъ: но объ этомъ де,

надо подать просьбу въ Правленіе Семинаріи. Мы этого не умѣли сдѣлать, и слава Богу.

Когда я былъ еще въ низшемъ отдѣленіи, къ намъ пріѣзжалъ Ревизоромъ же и такъ же Виванскій о. Ректоръ Парѣеній—нынѣ Архіепископъ Владимірскій. Я ему сказалъ латинскій примѣръ, и онъ меня похвалилъ. Это былъ первый Архимандритъ, какого я видѣлъ въ жизни. Невозможно изобразить моихъ чувствъ удивленія и благоговѣнія, какое я имѣлъ къ симъ о.о. Ректорамъ, видя ихъ и на нихъ Архимандрическіе кресты. Мнѣ казалось, что они уже не люди, а гораздо ихъ выше: будто ангелы. Помню, я нарочно бѣгалъ посмотрѣть повозку, въ которой пріѣхалъ о. Парѣеній, и мнѣ казалось, что и повозка, и лошади, и кучеръ—все святое. Готовъ былъ креститься и цѣловать все. Такъ кончилось мое ученіе въ Училищѣ и съ нимъ мое дѣтство. Меня перевели въ Реторику въ 1818-мъ году, и въ семь же году въ сентябрѣ мнѣ минуло 15 лѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ж И З Н Ь

Архимандрита Никодима Казанцева.

(Продолженіе).

Мое ученіе въ Виѣанской Семинаріи.

Представить меня въ Семинарію взялась матушка, почитая себя умяѣе батюшки или изъ особенной любви ко мнѣ. Мы пошли съ нею пѣшкомъ. Это отъ бѣдности и для сбереженія лишнихъ грошей для меня-же въ Семинаріи. Въ Рузѣ мы зашли къ дѣдушкѣ Борису Гавриловичу, матушкиному отцу. Дѣдушка меня благословилъ образомъ Трехъ Святителей: это примѣчательно. Именно: Св. Златоустъ—ораторъ, Василій Великій—философъ, Григорій—Богословъ. Весьма кстати для Семинаріи. А дѣдушка вѣрно такъ сдѣлалъ по случаю, приготовленному, какъ вѣрю, Промысломъ Божиимъ ¹⁾.

Каждая новостей въ пути и новостей въ наукѣ, я шель безъ грусти, даже съ охотою. На пути заходили въ Саввинъ монастырь, гдѣ я помолился горячо и прощался съ святынею, будто скорбя. Такъ привычка дѣлаетъ все роднымъ: такъ сладко воспоминаніе и скорбей прошедшихъ!

Къ Москвѣ мы приблизились утромъ въ прекрасный день. Отъ села Хорошова (за 7 верстъ) было видно Москву. Я былъ въ восхищеніи, взглянувъ въ первый разъ на безконечный городъ. Спѣшимъ бѣжать въ Москву. До сего я зналъ только два города: Рузу и Звенигородъ. Это деревни

¹⁾ На этотъ разъ у дѣдушки въ его домашней молельнѣ стоялъ этотъ образъ Трехъ Святителей.

противъ Москвы. Входимъ въ Тверскую заставу; я въ изумленіи: улицы вымощены камнемъ, я не видывалъ сего, не смѣю и идти по нимъ. Дома все каменные, огромные, мнѣ казались каждый—будто дворецъ.

Наше пристанище въ Москвѣ должно было быть въ Новой Слободѣ у діакона Николая Борисовича, матушкинова брата. Надобно было тотчасъ повернуть на лѣво, съ великолѣпной Тверской улицы. Мнѣ было это скучно. Я упросилъ матушку пройти въ Кремль; добрая матушка согласилась не смотря на то, что наши ноги были изломаны путешествіемъ. А притомъ въ Москвѣ ходьба по камнямъ и здоровыми ногами очень чувствительна. Мы были въ Кремлѣ и, кажется, въ соборахъ—у вечерни. Я былъ постоянно въ неизъяснимомъ восторгѣ, не вѣрилъ своимъ глазамъ: такъ поразило меня великолѣпіе Москвы. Здѣсь припоминаю особенно одно приключеніе: на Тверской, противъ дома Разумовскаго, я видѣлъ драку трубочистовъ съ будочниками. Злодѣи будочники! какъ они били безчеловѣчно трубочиста. Съ маху грянули головою на каменную мостовую, терзали лежащаго; у него потекла кровь изъ разбитой головы. И его же еще, какъ мертвую кладь, взвалили на извозчика и сѣли на него же. Ей, мы съ матушкой наплакались.

Пришли къ дядюшкѣ. Онъ насъ принялъ ласково. Матушкѣ давалъ наставленія (не помню какія), далъ письмо къ эконому Семинаріи. Изъ Москвы мы отправились на другой день. Здѣсь у заставы мы могли бы за рубль нанять лошадь. Матушка не сѣумѣла, а я еще больше. Пошли опять пѣшкомъ. На дорогѣ у матушки страшно разболѣлись зубы; мнѣ ее было весьма жаль.

Подходя къ селу Рахманову (19 верстъ отъ Посада) со мной случилась почти бѣда: я отъ матушки отсталъ, зашавлившись по дорогѣ. Матушка заговорила съ какими-то спутниками и не оглянется назадъ. Идутъ навстрѣчу чело-вѣкъ десять солдатъ. Завидѣли, что я ихъ пугаюсь. Подбѣжали ко мнѣ и потребовали денегъ. Со мной точно было 5 рублей серебромъ. По счастью, они были зашиты въ карманѣ, что въ жилетѣ. Не знаю, ощупали они или нѣтъ, только деньги сохранились. Меня отпустили. И догналъ матушку и рассказалъ ей: она наплакалась досыта.

Отъ Рахманова мы пошли въ Хотьковъ монастырь. Здѣсь

во храмѣ почиваютъ подъ спудомъ въ схимонашествѣ бывшіе родители Угодника Божія Преподобнаго Сергія Радонежскаго—Кириллъ и Марія. Монастырь этотъ—женскій, для меня въ то время едвали не первое явленіе. Богомольцы, идущіе на поклоненіе Преподобному Сергію, имѣютъ правило: сперва зайти и поклониться его родителямъ. Такъ сдѣлала и матушка. Я былъ самъ доволенъ по охотѣ къ новизнѣ. Дѣвушки въ черныхъ рясахъ тронули мое еще невинное сердце. Я ихъ полюбилъ и съ какою-то о нихъ жалостію. Такъ, дѣвство точно иго и бремя, которое не всѣмъ по силамъ. Это мы всѣ узнаемъ, когда приходимъ въ полный возрастъ.

Изъ Хотькова мы вышли передъ вечеромъ. Матушкѣ наплісь сотоварки—двѣ монахини, шедшія, какъ и мы, въ Лавру. Одна изъ нихъ уже среднихъ лѣтъ женщина, даже, кажется, и постарше; другая дѣвица еще не старая, полагаю, лѣтъ 20-ти. Онѣ шли и безпрестанно говорили. Я совѣстился ихъ слушать: шолъ поодаль. Послѣ мнѣ матушка рассказала, что сіи благочестивыя монахини уговорили ее не сокрушаться о дочеряхъ (которыя тогда были дѣвицы), надѣяться на Бога и ожидать помощи отъ сына, указывая на меня. Удивительно, онѣ сказали отчасти правду. Старшая сестра вышла безъ моего содѣйствія (я тогда былъ еще въ Реторикѣ), но обѣ младшія сестры почти однимъ мною выданы и обѣ за священниковъ. А и отъ старшей сестры дочь я же выдалъ за священника.

Еще удивительно: матушка и доселѣ ихъ не видала. Старшая монахиня ей рассказала свою исторію: она изъ Вологды дочь священника иль дьячка. Просилась у родителей въ монастырь; ее не пускали. Она ушла украдкой и изъ Вологды пришла въ Хотьковъ пѣшкомъ, съ однимъ грошемъ, будучи 12 иль 13 лѣтъ. А съ тѣхъ поръ 16 лѣтъ живетъ въ монастырѣ.

Стали подходить къ Посаду. Сперва изъ-за лѣсу показалась огромнѣйшая колокольня Лавры, потомъ Успенскаго собора огромная золотая глава, а тамъ и вся Лавра. У меня закипѣло сердце; поразительное для меня зрѣлище. Я воображалъ себя на иной—святой землѣ. Это былъ уже вечеръ; въ Посадѣ мы пришли ночью. Ночевали на постояломъ дворѣ, близъ Пятницкой церкви, противъ Пафнутіева

сада. Этого дома давно нѣтъ; онъ разобранъ до основанія, тутъ потомъ былъ огородъ, а теперь дорога.

Я не зналъ, какъ дожидаться дня. Ужасно хотѣлось быть въ Лаврѣ, увидѣть и поклониться святынямъ. Досадовало, что наше окошко на квартирѣ было не къ Лаврѣ. Наконецъ разсвѣло. И мы съ матушкой пошли въ Лавру. Тутъ я молился съ жаромъ и просилъ себѣ покровительства отъ Угодника Божія Преподобнаго Сергія. Молитвы мои и матушкины были услышаны. 12 лѣтъ я былъ подъ покровомъ отца нашего Сергія (8 лѣтъ въ Семинаріи и 4 года въ Академіи). Насытилось и око мое зрѣніемъ сокровищъ и великолѣпія св. Лавры.

Помолясь Богу, наконецъ, мы пошли въ Вианію—конецъ нашего путешествія. Тутъ я пригорюнился. Воображаю себя на чужой далекой сторонѣ. Начальство, учителя, товарищи, сторожа, все новое, вовсе неизвѣстное. Какъ жить. Въ слободкѣ мы наняли квартиру. Матушка пожила со мною два дня и отправилась обратно домой, предавъ меня милосердію Божію. Она просила обо мнѣ эконома Семинаріи. Онъ ей сказалъ: „скажи сыну, чтобъ учился хорошо: тогда ему дано будетъ отъ казны все. Его полюбятъ начальники и учителя“. Матушка ему въ ноги, тотъ стыдится и уговариваетъ ее.

Послѣ матушка нашла и обоихъ Ректоровъ (Веніамина, уже собиравшагося въ Уфу, и Никанора, новоопредѣленнаго). Оба ее успокаивали и говорили, чтобъ надѣялась на Бога и на начальниковъ, а сына учила—учиться прилежно и жить честно.

Матушка мнѣ оставила пять рублей серебромъ. Я прожилъ на квартирѣ двѣ недѣли и—ужаснулся: деньги прожилъ почти всѣ. Слава Богу! меня приняли въ Семинарію на полукоштъ.

Въ день, назначенный для прокламаціи (т. е. для объявленія ученикамъ: кто переводится изъ класса въ классъ, кто остается въ томъ же классѣ, кто исключается), насъ новонабранныхъ поставили подъ звонкомъ при входѣ въ Семинарію. Симъ давали донять, что мы еще не получили никакого мѣста въ Семинаріи. Позвали въ Реторику; прочли наши списки и посадили. Съ сего времени я сталъ уже семинаристъ.

Мнѣ досталась комнатка хорошая—въ башнѣ, на однѣхъ сѣняхъ съ классомъ словесности, внизу. Хороша потому, что мало насъ (человѣкъ 8), и свѣтло, и тепло, и близко къ классу.

Въ скоромъ времени я обратилъ на себя вниманіе о. Ректора. Однажды онъ пришелъ въ нашу комнату и задалъ намъ предложеніе: „науки полезны“,—для того, чтобы сказать что нибудь. Мы еще вовсе не слыхали ни одного урока по словесности. Я сказалъ: „какъ солнце, освѣщающее землю, приносить ей пользу, такъ науки, просвѣщающія разумъ—полезны“. О. Ректоръ восхитился, расхвалилъ меня и съ тѣхъ поръ при каждомъ посѣщеніи, бывало, непременно меня спросить. Это же послужило мнѣ и въ послѣдствіи въ пользу. Я успѣлъ выпросить полукошты моему брату въ училищѣ, потомъ себѣ полный кошты, потомъ и брату полный кошты. Это въ продолженіи пяти лѣтъ.

О. Ректоръ отлично умѣлъ покровительствовать талантамъ. Любилъ отлично дѣтей. Мнѣ было хоть 15 лѣтъ, но я былъ не великъ ростомъ и имѣлъ какую-то особенную простоту, которая всегда со мною. О. Ректоръ, бывало, любовался мною.

Профессоръ словесности Иванъ Ивановичъ Лилеевъ, для размѣщенія насъ по достоинству, задалъ намъ задачу. Она была—русскій текстъ: намъ самимъ должно было перевести ее по-латыни. Въ семъ дѣлѣ мнѣ весьма много помогъ ученикъ Философіи Павелъ Андр. Левитскій, или лучше: онъ мнѣ написалъ. (Это мой двоюродный братъ). Случилось, что моя задача вышла лучше всѣхъ. Я занялъ первое, послѣ старшихъ учениковъ, мѣсто. Это обратило на меня вниманіе и учителя и моихъ товарищей. Въ послѣдствіи я не могъ поддерживать сего мнѣнія о себѣ въполнѣ. Былъ однако между младшими въ первомъ десяткѣ. (Пишу въ монастырѣ 12 апр. 1842 г. недѣля Ваія).

Въ словесности я учился четыре года. Въ первые два года я хоть успѣлъ столько, что меня можно было перевести въ Философію, но я остался самъ еще на два года для большаго усовершенствованія. Не знаю, кто мнѣ эту мысль внушилъ, или само начальство такъ разсудило. Только это для меня столь важно, что совершенно рѣшило всю мою послѣдующую участь. Вотъ почему: если бы я чрезъ два года

пошелъ въ Философію, то при всѣхъ моихъ стараніяхъ, вѣроятно, я не поднялся бы выше десятаго мѣста. А слѣдств., я не попалъ бы въ Академію. А если-бы не былъ въ Академіи, то я былъ бы или въ селѣ священникомъ, или въ Москвѣ діаконъ. Помню, что въ разрядномъ спискѣ профессора словесности къ концу первыхъ двухъ лѣтъ я стоялъ или въ концѣ второго, или въ началѣ третьяго десятка. Слѣдств., былъ бы средній (въ Философію перешло около 60 учениковъ). По списку остающихся на второе двухлѣтіе я стоялъ первымъ. Это возбудило во мнѣ нѣкоторое тщеславіе. Но я ошибся; еще лучше меня такъ же остались въ Словесности. И при первомъ размѣщеніи я едва удержался десятымъ. Черезъ годъ поднялся до 3-го или 4-го мѣста; но въ Философію переведенъ вторымъ.

Скажу, что мнѣ кажется примѣчательнымъ въ моей жизни въ сіи четыре года.

А) Первые два года.

Въ сіи года я учился больше изъ страха, нежели изъ убѣжденія и по ревности. Оттого очень немного успѣлъ. Въ сочиненіи задачъ и въ переводѣ съ латинскаго съ годъ я состоялъ подъ руководствомъ моего двоюроднаго брата Павла Андр. Левитскаго. Руководитель преумный, но жаль, я былъ лѣнивъ, а онъ меня не понуждалъ покрѣпче.

По-гречески я вовсе не учился потому, что было можно лѣниться. Насъ училъ лекторъ изъ учениковъ Богословія, Петръ Евлампіевичъ, кажется, Соколовъ, впрочемъ весьма умный человѣкъ (нынѣ онъ, кажется, въ Москвѣ священникомъ и законоучителемъ въ женскомъ Александр. Институтѣ).

Всеобщей Исторіи въ сіе время насъ училъ прежалкій профессоръ Николай Васил. Щуцкій. Съ насъ не взыскивалъ нисколько; да и взыскивать нечего. Бывало, придетъ въ классъ, начнетъ по немъ прогуливаться и рассказывать для себя Исторію (потому что точно, его никто не слушалъ). Расскажетъ, возьметъ фуражку и уйдетъ; тѣмъ дѣло и кончалось. Посему я и Исторіи не знаю ни одного урока. И когда, бывало, хотѣлось послушать, что говоритъ профессоръ; но, такъ какъ онъ безпрестанно взадъ и впередъ ходилъ и голосъ имѣлъ слабый, выговоръ слитный, къ тому

ученики, по-невниманію профессора, очень шумѣли и безпрестанно выбѣгали изъ класса, то и не можно было выслушать рѣшительно ничего.

Изъ новыхъ языковъ меня кто-то уговорилъ выбрать французскій. (Это отдавалось на волю: кто хотѣлъ, учился по-французски, или по-нѣмецки). Сперва я было началъ учиться порядочно, но послѣ, когда дошли до спряженій, я залѣнился и рѣшительно бросилъ. И преимущественно потому, что мнѣ стыдно было правильно выговаривать французскія слова, напр.: *que j'us. que tu us, qu'il ut, que nous usion su* и пр. Мнѣ казалось это какимъ-то безпутнымъ жеманствомъ. Не помню, сколько времени я болтался въ семъ классѣ. Едва-ли не всѣ два года.

Послѣ я весьма обрадовался, что о. Ректоръ мнѣ предложилъ, не хочу-ли я учиться по-еврейски. Я изъявилъ желаніе съ восторгомъ. Но къ несчастію, и здѣсь я, кажется, тоже терялъ время даромъ, вотъ почему: а) учитель съ нами только самъ началъ учиться, не знавши прежде ничего. (Это Трофимъ Ив. Платоновъ, проф. всеобщей исторіи послѣ Щуцкаго. Нынѣ священникъ въ Москвѣ). б) Такъ какъ я былъ ученикъ Словесности, а Еврейскому собственно учились ученики Богословія и отчасти Философіи, то я былъ между ними послѣдній и брошенный; в) лексиконъ Еврейскій былъ одинъ, который притомъ всегда находился у профессора, или у учениковъ Богословія. Какъ же я могъ учиться безъ лексикона.

Не знаю, отъ природы-ли я слишкомъ сонливъ, или отъ ребяческой безпечности, только я въ классѣ весьма часто спалъ, даже на Словесности. Я не пренебрегалъ учителя, напротивъ, я и боялся, и уважалъ его, но рѣдко высиживалъ класъ, не уснувши. Бывало, чтобъ не замѣтилъ сего учитель, я подкладу книгъ почти подъ бороду и такъ, положивъ на нихъ голову, засыпаю. За это издѣвались надо мною товарищи. Случалось, спросить учителя, а я сплю. Отъ того рѣдко могъ давать порядочные отвѣты. На французскомъ же большею частью я именно спалъ. Классъ былъ въ жилой комнатѣ. Мы сидѣли по кроватямъ. Бывало, я завалюсь за рядъ учениковъ и сплю. Случалось, меня спросить лекторъ, и я принужденъ бывалъ выкарабкиваться изъ-за учениковъ и съ сонными глазами показать лектору, что

я дуракъ и безпечный. Удивительно, мнѣ не доводилось за это ни разу отвѣчать предъ начальствомъ, значить слишкомъ плохъ былъ въ этомъ отношеніи надзоръ. (Монастырь 8 маія 1842 г.; туманъ, холодно (2 град.).

Словесности насъ училъ отличный профессоръ Иванъ Ивановичъ Лилеевъ. Ему я обязанъ паче всѣхъ.

Ко мнѣ, кажется, ежегодно ходила весною матушка. Кстати ей было—помолиться въ лаврѣ Преподобнаго Сергія и поспѣть меня. Помню, въ первый разъ, увидѣвши ее, я себя счелъ будто въ Царствѣ небесномъ: не могу изъяснить моей радости. Удивительно, какъ нѣжныя лѣта способны къ симъ прекраснымъ чувствованіямъ. Съ лѣтами, отъ умножавшагося разсудка, а больше отъ пороковъ и страстей, я сталъ терять сіи драгоценныя чувствованія и нынѣ сдѣлался ужъ очень хладенъ ко всему.

На праздники Рождества Христова и Пасху, большею частію, я ѣздилъ въ Москву къ дядѣ діакону Николаю Борисовичу. Я былъ бѣднаго отца сынъ; слѣдственно, какъ бѣднякъ, былъ трактуемъ не больше, какъ въ родѣ слуги. Было тягостно и прискорбно, но чрезъ сіе я выслуживалъ себѣ небольшіе гроши, которыми существовалъ цѣлую треть. При томъ, у меня были сестры дѣвицы: я видѣлъ, что если можно на кого имѣть надежду въ помощи, то на сего дядю. Въ чемъ и не обманулся. Это еще болѣе располагало меня—жертвовать своимъ служеніемъ для надеждъ на помощь сестрамъ. Благодарю Бога! въ столь нѣжныхъ лѣтахъ я умѣлъ уже и такъ далеко смотрѣть въ будущее и не обманываться. Этого и доселѣ не знаютъ ни мои сестры, ни родители.

Однажды, на Пасху, я ходилъ со своимъ братомъ двоюроднымъ Павломъ Андр. Левитскимъ къ его родителямъ, въ село Прозоровское (отъ Москвы верстъ 30). Госпожа была уже вдова, либо дочь, либо невѣстка графа Суворова. Село веселое; садъ прекрасный, домъ, пруды, очень хорошая церковь. Мой дядюшка здѣшній былъ пономарь. Человѣкъ не трезвый. Тетка добрая; и другая тетка же убогая дѣвица (сестры батюшкины) тоже добра. Хотя я просидѣлъ все дома, однако, поелику было вольно, по деревенски,—мнѣ это нравилось.

Проходя изъ семинаріи въ Прозоровское, мы ночевали въ

одномъ селѣ (не помню) у вдовы. Ея дѣти ходили къ заутрени—въ недѣлю ваѣи и одному изъ нихъ капнулъ горячій воскъ со свѣчи въ глазъ. Онъ держалъ вербу, на вербѣ свѣчу. Видно онъ вербу поднималъ высоко и глядѣлъ на свѣчу. Бѣдняжка! помню, какъ онъ мучился. Не знаю, остался ли его глазъ. Фамилія сихъ—Подобѣдовы. Не родственники-ли они Амвросію Подобѣдову, скончавшемуся Архіепископомъ въ Твери и другому Амвросію бывшему Митрополиту С.-Петербургскому, скончавшемуся въ 1819-мъ году.

На вакацію я ходилъ домой—пѣшій. Это 160 верстъ. Усталъ жестоко: однако, скоро все забывалъ отъ утѣшеній въ домѣ родительскомъ. Меня лелѣяли и родители, и сестры. Послѣднія готовы были мнѣ быть рабами: не знаю, по предчувствію-ли, видя во мнѣ единственнаго о нихъ попечителя, или по благословенной родственной приверженности. Слава Богу! я имъ это заплатилъ и онѣ доселѣ это чувствуютъ.

Какъ-то пріѣхалъ дядюшка Николай Борис. въ первые два мои года въ Виванію. Я ему обрадовался: выбѣжалъ его встрѣтить. Онъ меня приласкалъ. Потомъ, видя, что у меня сапоги вовсе безъ подошвъ, спросилъ: „какъ же ты это ходишь?“ Я только тутъ увидѣлъ, что я бѣденъ. У меня потекли слезы безъ спроса. Мнѣ дядя далъ пять копѣекъ себромъ!

Должно быть въ то же лѣто вотъ что случилось со мною: на семинаріи была деревянная крыша; ее сбросили для того, чтобъ покрыть желѣзомъ. Мы вышли изъ класса: надобно было переходить чрезъ набросанныя съ крыши доски съ гвоздями. По ребячеству, я не совсѣмъ остерегся и попалъ ногою на гвоздь. На сапогѣ подошвы не было: гвоздь пронзилъ мою ногу, и я тутъ же и сѣлъ: меня довели до комнаты. И чудно! я не о томъ думалъ, что у меня сапогъ безъ подошвъ, а о томъ, что не остерегся пройти мимо гвоздей. Какъ мнѣ близка была моя бѣдность! я не умѣлъ ее и чувствовать.

Б) Вторые два года.

Оставшись на другой курсъ по списку первымъ, я не могъ удержаться выше 10-го мѣста. Это отъ того, что, кромѣ меня, по доброй волѣ также на другой курсъ осталось уче-

никовъ 12. Половина изъ нихъ были совершеннѣе меня. Поэтому, я въ первый годъ едва успѣлъ достигнуть 5 го или 4-го мѣста.

Примѣчательно благоразуміе профессора словесности: данъ былъ въ классѣ экспромтъ на латинскомъ языкѣ. Довелось и мнѣ читать свой періодъ профессору. Я сдѣлалъ ошибку: причастіе на русскомъ на *мый* я по-латынѣ перевелъ въ совершенномъ страдательномъ. Профессоръ приказалъ исправиться. Я не умѣлъ. Спрошены другіе: тѣ сказали, что надобно по латынѣ сказать причастіемъ на *dis* или перевести чрезъ *qui*. Тогда профессоръ принялся за меня: „Жаль! я не зналъ тебя. Я думалъ, что ты чего-нибудь стоишь и потому оставилъ тебя на другой курсъ. Ты сушій дуракъ“. Потомъ спросилъ: „чей ты сынъ?“—„Я—дьячковъ“.—„Ты на коштѣ?“—„Да.“—„Такъ видишь, ты даромъ истощаешь и отца, и казну. Ты не годишься къ ученію; я попрошу тебя исключить. Ступай, бей мѣдъ со своимъ отцемъ (т. е. будь звонаремъ)“. Такими рѣчами меня совершенно сразилъ профессоръ. Я залился слезами. Прибѣжалъ домой и, перекрестясь, засѣлъ за латинскій языкъ. Принялся всѣмъ моимъ стараніемъ; сижу день и ночь. Чрезъ треть услышалъ нѣсколько радостный отзывъ. Профессоръ меня за что-то немножко похвалилъ. Потомъ посадилъ мѣста чрезъ два повыше. Дальше, сталъ уже изрядно похваливать. Я былъ въ восхищеніи. Чрезъ годъ я получилъ уже четвертое мѣсто. И въ послѣдній годъ былъ уже во всегдашней милости у профессора. Въ послѣднюю треть даже онъ меня иногда сталъ звать: „вы“. Это у насъ въ то время, изъ устъ профессора—значило высокую похвалу.

Наконецъ, въ Философію я пошелъ вторымъ. Во время перевода насъ въ Философію, Ив. Пв. Лилеевъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Иди съ Богомъ въ Философію, я на тебя надѣюсь. Помнишь, я тебя бранилъ? Это для того, чтобъ усилить твою ревность. Я видѣлъ, что изъ тебя выйдетъ хорошее. Я не обманулся. И впредь надѣюсь на твои успѣхи.—Прощай“. Спасибо ему. Истинно прозорливый человекъ.

Скажу еще: къ окончанію перваго моего курса въ словесности, въ Москвѣ на тотъ разъ Митрополитомъ былъ Серафимъ, нынѣ Санктъ-Петербургскій (это было въ 1820-мъ году).

Впервые я тутъ увидѣлъ Архіерея и столь славнаго. Онъ пріѣхалъ больше для Академическаго экзамена: ибо тогда въ Лаврѣ кончали курсъ студенты 2-го Моск. курса. Однако онъ былъ и на нашемъ экзаменѣ. Сперва я увидѣлъ Серафима выходящимъ съ академическаго экзамена въ Лаврѣ. Мнѣ что-то приказано было объ этомъ довести. Я былъ столько робокъ, что не смѣлъ подойти поближе къ Академіи: остановился у монастырскихъ воротъ съ нищими. Тутъ одна женщина меня приголубила, узнавши, что я семинаристъ. Эта женщина была мать тогда бывшаго студента сей Академіи, который послѣ здѣсь-же былъ бакалавромъ Церковной Исторіи — Ѳеодоръ Алексѣевичъ Терновскій-Платоновъ.

Когда выходилъ изъ Академіи Митрополитъ Серафимъ и я его увидѣлъ, то воображалъ, что вижу ангела. Я заплакалъ отъ восторга душевнаго. Тогда Серафимъ точно еще былъ только на первой ступени старости, въ полусѣдинѣ, благообразный, въ бѣломъ клобукѣ и свѣтло-голубой рясѣ; грудь его вся въ орденахъ. Я самъ былъ будто не на землѣ.

Онъ былъ и у насъ на экзаменѣ. Со мною случилось несчастье: такъ какъ меня предположено было оставить опять въ словесности, то я полагалъ, что не буду спрошенъ; оттого сидѣлъ безпечно. Но меня любилъ о. Ректоръ, ему хотѣлось показать меня Серафиму. Слышу: „Казанцевъ!“ Я затрепеталъ. Мнѣ далъ профессоръ: „quid est dilemma“? — я почти не могъ отвѣтить. Спросили примѣръ. Немножко припомнилъ дилемму разбойника: *aut crumenam dabis aut vitam*. Профессоръ одобрилъ меня, сказавъ: *bene; sed eas*. И себя симъ же вывелъ изъ конфуза. Однако я долго о семъ грустилъ.

Серафимъ у насъ въ Виѣніи тогда и служилъ. Я отъ восторга все плакалъ. Я не могъ вообразить, чтобъ служащій этотъ толико прославляемый и облаченіемъ, и пѣніемъ, и поклонами былъ бы человѣкъ. Это казалось выше человека: Ангелъ во плоти.

Въ тотъ же, кажется, годъ къ рождественскому экзамену и въ Академію и къ намъ пріѣхалъ Филаретъ, поступившій на мѣсто Серафима въ Москву, тогда бывшій еще Архіепископомъ. Онъ у насъ на экзаменѣ былъ съ Тульскимъ, тогда новопоставленнымъ, Епископомъ Дамаскиномъ.

Тогда я впервые увидѣлъ сего великаго человѣка въ маломъ тѣлѣ. Филаретъ тогда былъ едва-ли не въ теперешнія мои лѣта, именно, 38 или 39 лѣтъ. Я не былъ счастливъ: онъ меня не спросилъ. Помню только, что я посмотрѣлъ съ благоговѣніемъ на его кунью, или соболью рясу, которая лежала въ первой съ прихода комнатѣ. Слышалъ, что онъ профессора Философіи на экзаменѣ за что-то конфузилъ и сказалъ: „на что сушить сухари сушеные?“ Кажется, это онъ разумѣлъ о сокращеніяхъ Бавмейстеровой Философіи.

Скажу еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ со мною въ сіи годы. Первое: однажды на праздникъ Рождества Христова я пріѣзжалъ на родину къ батюшкѣ. Въ это время мы, согласясь, еще въ Виѣаніи, сѣиграли комедію „Мельникъ-колдунъ“, въ селѣ Полуэктовѣ князя Долгорукаго, что отъ моей родины въ 3-хъ верстахъ. На меня положена роль невѣсты какого-то жениха. И я ее игралъ въ дѣвичьемъ платьѣ. Дураки, меня заставили выпить, для смѣлости, рюмку водки: въ сіе время я впервые вкусилъ сего яда! игралъ въ полусознаніи, какъ безумный. Впрочемъ правилось зрителямъ. Гдѣ-же былъ нашъ театр?—въ дѣвичьей господскихъ дѣвицъ. Дѣйствующими были только мы, семинаристы, и именно: Павелъ Матв. Сокольскій—мельникъ, Герасимъ Вас. Соколовъ—жена его, Иванъ Сергѣевичъ Виноградовъ—однودворецъ, Петръ Ив. Смирновъ—женихъ.

Съ сего же времени я узналъ, что такое для молодыхъ людей святочные вечеринки. Жалость! всѣ забавы и игры прямо направлены къ дурнымъ связямъ молодецвъ съ дѣвицами. Помню, что мои родители, особенно матушка, съ крайнею скорбію допускали это и единственно потому, что не смѣли дразнить отказомъ моихъ старшихъ. Съ сего времени—и въ мое доселѣ невинное сердце—запала грусть о разлукахъ и одиночествѣ. Тутъ не было мыслей конкретивныхъ; одни какіе то темные гулы издалека подходящихъ страстей звенѣли по краямъ моего сердца. Я былъ грустенъ; оттого, что не смѣлъ быть наглъ, подобно другимъ и, кажется, гнушался сего.

Въ другой разъ, уже во вторые годы въ Словесности, также на Рождество Христова я уѣзжалъ во Владимірскую губернію къ младшему моему товарищу Θεодору Петропавловскому въ село Мякишево—верстъ за сорокъ отъ Виѣаніи,

верстахъ въ 4-хъ отъ большой Переславской дороги вправо отъ Лавры, противъ деревни Лисавы. Мой сей товарищъ сынъ священника. У него двѣ тогда сестры были замужнія и двѣ дѣвицы. Замужнія обѣ за священниками. Одна въ прекрасномъ селѣ Рюминскомъ, другая въ хорошемъ же селѣ, называемомъ Слобода, покойнаго графа Хвостова. Въ обоихъ селахъ съ нимъ и съ отцемъ его я былъ и съ пріятностью. Въ Слободѣ мы съ нимъ (впрочемъ болѣе по его убѣжденію) съиграли мерзкую комедію „Дѣячки“. Какъ то заѣзжали въ городъ Александровъ, были тамъ у соборнаго діакона. Помню, видѣлъ у него много часовъ. Впрочемъ все помню слабо. Вездѣ были по нѣскольку часовъ и больше ночью. Дорогою въ лѣсу видѣли какую то пустынь. Называли ее—теперь не помню. Мнѣ что-то она полюбилась: стоитъ въ одиночествѣ и въ лѣсу сухая пустыня. Изъ двухъ дѣвицъ сестеръ его, одна и тогда уже была невѣста. но не красива лицомъ и разумомъ недалеко. Ее звали Настасья. Другая, по имени Елена, тогда была 11 лѣтъ, дѣвочка бойкая, умная и очень красивая. По простотѣ воспитанія, она тогда была—сущій младенецъ. Отецъ ихъ—солідный священникъ лѣтъ 50-ти, жена его, кажется, постарше, или болѣзненна. Мнѣ довелось въ этомъ селѣ быть въ другой разъ, уже по окончаніи академическаго курса, т. е. почти чрезъ 12 лѣтъ. Что-же? мой товарищъ уже давно въ солдатахъ; священникъ и жена его—покойники: на ихъ мѣстѣ та Елена, за священникомъ, женщина тучная, огромная, съ дѣтьми, а Настасья тутъ-же уже въ родѣ прислуги у зятя и сестры: несчастная, она осталась въ дѣвицахъ.

Этотъ Петропавловскій у меня слушался: я былъ его аудиторъ. Вотъ причина его приглашенія меня къ себѣ. Мальчикъ живой, учился очень изрядно, былъ въ пѣвчихъ—имѣлъ прекрасный дишкантъ, но былъ своеволенъ и вѣтренъ. Перешелъ въ Философію, отсюда пошелъ въ Университетъ, тамъ нашумѣлъ и отданъ въ солдаты. Хорошо игралъ на скрипкѣ. Отца его братъ былъ профессоромъ гдѣ-то въ Петербургѣ, тамъ скончался: отецъ Петропавловскаго получилъ его наслѣдство. Я видѣлъ много книгъ. Изъ нихъ я получилъ въ подарокъ Тацита. Умѣлъ и тогда я выбирать; эта книжка и теперь у меня.

Когда я въ другой разъ, по-окончаніи Академ. курса, здѣсь былъ и спросилъ о сихъ книгахъ, глупый священникъ мнѣ что-то пробормоталъ. Я узналъ, что ихъ уже нѣтъ: видно перетаскалъ въ нужникъ. Село это угрюмо. Народъ дикій, говоритъ на о: однако не бѣденъ. Бабы на головахъ столь огромныя носятъ сороки, что онѣ кажутся какъ-бы печныя заслонки. Кажется, и развратъ не малый.

Еще приключеніе: однажды въ Пасху, будучи въ Москвѣ и, ходя по ней взадъ и впередъ, я встрѣтился съ бывшимъ моимъ товарищемъ, послѣ поступившемъ въ Университетъ, Иваномъ Бѣляевымъ. Пошли вмѣстѣ; рѣчи за рѣчами. Зашелъ какой-то очень живой разговоръ. Намъ надобно было итти чрезъ Кремль, сквозъ Спасскія ворота. Здѣсь скидаютъ шапки предъ чудотворнымъ образомъ Спасителя по древнему уставу. Мы забыли. Насъ остановили на гобвахтѣ; взяли подъ арестъ. Я ужаснулся. Солдаты хотѣли насъ вести, какъ арестантовъ, къ коменданту. Мой Бѣляевъ половчѣе меня началъ упрашивать унтеръ-офицера, давалъ ему копѣекъ пятнадцать мѣди (послѣднія, что были). Солдатъ упирался долго. Насъ продержали съ часъ. Я стоялъ, какъ полу-мертвый. Спасибо—отпустили, и я вышелъ будто изъ темницы. Благодарилъ Бога, что спасся. Я думалъ, что я совсѣмъ пропалъ.

Въ эти же годы, пріѣзжая обыкновенно на Рождество и Пасху въ Москву, я хаживалъ съ поздравительными рѣчами къ моей крестной матери Княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Меньшиковой, нашей помѣщицѣ. Она крестила меня еще семилѣтнею дѣвочкою. Родомъ она — Графиня Протасова, мужъ ея нынѣ князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ — Начальникъ Морского Штаба. Княгиня меня принимала ласково и давала иногда по десяти рублей, а иногда и поменьше. Тутъ же меня ласкали и ея люди. Къ чести ея надобно сказать: у нея люди богобоязненные, степенные, нѣкоторые даже съ высокимъ благочестіемъ.

Скажу о нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) Иванъ Ивановичъ Казариновъ. Это мужъ великаго благочестія. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, онъ какимъ то образомъ былъ очень близокъ къ двумъ С. Петербургскимъ Митрополитамъ Гавріилу и Амвросію. А чрезъ нихъ впоследствии даже бывалъ у Императора Александра и супруги Его Елисаветы.

Онъ былъ просто дворецкій, иль сынъ дворецкаго у графа Григорія Никитича Орлова (коего наслѣдницею послѣ слѣдалась мать нынѣшней Княгини—покойная Александра Максимовна Протасова графиня). А отъ щедротъ Императора Александра онъ имѣетъ два генеральскихъ ордена, именно: 2-го Владиміра и еще, кажется, Мальтійскій. Онъ доселѣ еще живъ: старецъ маститый, лѣтъ въ 90, если не болѣе. По обѣту—дѣвственникъ. Особенно величаетъ Матерь Божію; о ней у него самая лучшая и одушевленная бесѣда. Отъ начитанности многихъ книгъ, при обширной и весьма точной памяти, его бесѣда, при его глубокомъ благочестіи, весьма умилительна. Его рѣдкіе слушаютъ безъ слезъ. Онъ доселѣ ведетъ жизнь подвижническую. Весьма любезенъ въ обхожденіи, милостивъ, до послѣдней возможности. Говоритъ изящно и всегда съ какимъ-то выпрененнымъ восторгомъ. Я у него бывалъ не разъ и всегда чувствовалъ рай въ душѣ.

Его ученикъ—тоже дворовый человѣкъ—2) Василій Ивановичъ. Этотъ тоже идетъ по стопамъ своего учителя, но далеко ниже его. Жаль, кажется, довольно самообольщенъ и плѣненъ духовною гордостію. Однако ведетъ жизнь весьма строгую и дѣвственникъ. Онъ живетъ въ нашемъ селѣ уже лѣтъ пятнадцать, иль болѣе. Скончался недавно въ глубокой старости.

3) Яковъ Савельичъ и Дарья Дмитровна—супруги. Говорятъ, что они въ супружествѣ хранятъ дѣвство. Это весьма удивительно! точно, у нихъ не было и нѣтъ дѣтей. Люди прекрасные. Имъ уже теперь одному 55, другой 45, иль болѣе лѣтъ. Взглянуть на нихъ—сердце радуется.

4) Много бывало и есть сѣнныхъ дѣвушекъ благочестивыхъ и цѣломудренныхъ, среди столькихъ огней, какъ это можно вообразить въ домѣ, гдѣ сотни молодыхъ людей.

5) Сама Княгиня—первый образецъ своимъ людямъ. Она весьма благочестива и просто, по-русски. Ей теперь 45, иль немного побольше лѣтъ. Мужъ съ нею жилъ не больше пяти лѣтъ, но лѣтъ 12, иль больше, вовсе ее бросилъ, и она живетъ весьма цѣломудренно.

Въ сіи же годы я впервые узналъ, что такое театръ. Однажды, въ вакацію, мнѣ доставили случай тутъ быть. Я былъ въ хорошемъ мѣстѣ, сидѣлъ въ мѣстахъ за креслами.

Представляли: „Обрученіе съ моремъ Венеціанскаго Дожа“. Я былъ во все время какъ-бы въ изступленіи; не вѣрилъ очамъ и ушамъ своимъ. Это меня столько поразило, что я съ недѣлю послѣ только и мечталъ о театрѣ. Въ этотъ же разъ была въ Москвѣ знаменитая пѣвица Каталани. Тутъ она на театрѣ играла въ оперѣ первую ролю, а послѣ въ разнородныхъ пляскахъ (дивертисментъ) пѣла русскую пѣсню „Милый мой сердечный другъ“. Неимовѣрный голосъ: мужество, нѣжность, непостижимая ловкость, безпредѣльные возвышенія съ величайшею легкостію—при самыхъ выразительныхъ патетическихъ минахъ, это что-то будто волшебное. Я совершенно потерялся. Тутъ же видѣлъ французское жеманство въ кадрилихъ и дуэтахъ, скачки и прыжки индійцевъ, живописную и цѣломудренную русскую пляску, Турецкую лѣтность, Англійскую меланхолію и важность гордаго пана-поляка и проч. Тутъ же дивился удивительнымъ фигураціямъ въ комедіи знаменитыхъ Лисицыныхъ, и тогда уже состарившихся. Кстати: въ другой разъ я былъ въ новомъ театрѣ въ Новый годъ, когда его только открыли, именно 1825 года. Тогда мнѣ было уже больше лѣтъ и разсудка. Я не восхищался столько. И представленіе вяло, что то фантастическое: „Россія, возникающая изъ мрака невѣжества“. Рѣчей слышалъ мало, а мысли глупыя потому, что эту Россію воскрешали Аполлоны и другія чуда. Тутъ же опять была Каталани и что-то опять пѣла. Только и всего, что я былъ въ театрѣ.

Скажу кстати: въ недѣлю Пасхи, бывая въ Москвѣ, я хаживалъ тамъ на гулянье, которое бываетъ тамъ подѣ Новинскимъ (улица называется по имени нѣкогда бывшаго монастыря Новинскаго, нынѣ обращеннаго въ приходскую церковь). Тутъ толпится простой народъ у качелей и комедій, а кругомъ катается знатъ въ великолѣпныхъ экипажахъ. По бѣдности моей, я сопричислялся къ черни и съ нею бродилъ по грязи около качелей и комедій. На послѣдніе гроши однажды я захотѣлъ покачаться на круглыхъ качеляхъ. Сѣлъ—и обмеръ отъ испуга, когда начали качать. Едва я могъ высидѣть надлежащій терминъ. И съ тѣхъ поръ уже никогда не качался. Еще, мнѣ весьма хотѣлось быть въ комедіяхъ. Былъ и здѣсь въ двухъ, иль трехъ—и дивлюсь доселѣ тому, что видѣлъ, а именно: 1) геркулесовой силѣ

въ мужчинѣ, державшемъ на себѣ шестерыхъ; женщинѣ, поднимавшей на своихъ двухъ косахъ огромный деревянный брусъ, 2) искусству и ловкости: въ ѣздѣ фиглярамъ, ѣздившимъ на лошадяхъ стоя и, иногда даже одною ногою, на хребтѣ лошади, бѣгущей во всю прыть; пляшущимъ на канатѣ; дѣвушкѣ, державшейся на струнѣ съ четверть часа и въ сіе время игравшей искусно въ пять шариковъ, одѣвшейся въ солдатскій мундиръ и выстрѣлившей изъ пистолета; другимъ молодцамъ, колесообразно вертѣвшимся даже иногда въ одинъ разъ взадъ и впередъ, опрокидывавшимся на себя и чрезъ себя и проч. Видѣлъ стоявшаго на раскаленной чугунной плитѣ босыми ногами, ядущаго растопленную смолу и проч. Отъ крайняго любопытства, я отдавалъ послѣдніе пятаки серебра, чтобъ утѣшиться сими дивами. Тутъ же видѣлъ (къ несчастію моего сердца) и развраты разнородные, иногда въ самой отвратительной наготѣ.

Однажды здѣсь я увидѣлъ молодую женщину, которую сей-часъ убили лошади, набѣжавшія на нее въ то время, какъ она хотѣла перебѣжать улицу. Еще видѣлъ ломку каретъ на пересѣкѣ Смоленской улицы, когда гулянье потянулось къ Новодѣвичьему.

Въ Новодѣвичьемъ, ходя съ нянькою, жившею у Моск. дяди, по стѣнѣ монастыря, я зашелъ въ кладовую игуменіи и, увидѣвши тутъ разныя рыбы, ужаснулся, опасаясь, чтобъ меня не схватили, какъ вора.

19 Августа не разъ я путешествовалъ съ моимъ дядюшкою о. діаконъ изъ Кремля въ Донской монастырь въ крестномъ ходѣ. Нынѣ я знаю уже и Петербургскіе крестные ходы, видѣлъ ихъ также въ Вяткѣ, въ Тулѣ, въ Новгородѣ: Московскихъ нѣтъ величественнѣе и чувствительнѣе. Великолѣпіе, многолюдство, благочестіе—безпримѣрно.

Въ это время однажды мы были съ дядюшкою на Воробьевыхъ горахъ, тамъ, гдѣ предполагалось выстроить Соборъ во имя Всемиловитаго Спаса въ память 1812 года. Я удивился огромности работъ и тщетѣ ихъ, какъ это нынѣ и сбылось. 16.000.000 рублей брошено даромъ и погублено болѣе 20.000 человекъ.

Здѣсь въ тѣ годы случилось печальное происшествіе. мнѣ рассказанное: священникъ Московскій, вдовый, съ какимъ то пріателемъ свѣтскимъ вздумали въ хорошій день

погулять на Воробьевыхъ горахъ. У того и другого были дочки—дѣвицы; они ихъ взяли съ собою. Дѣвушки попросились у родителей покупаться въ Москвѣ-рѣкѣ; имъ позолили. Спустя нѣсколько времени, священникъ, востосковавшись, что дочки ихъ долго не возвращаются, захотѣлъ посмотрѣть; гдѣ онѣ? и живы-ли? Чтобъ ихъ не пристыдить, онъ пробирался потихоньку по-за-кустиками. Случилось, что дѣвушки, сидѣвшія на песочкѣ въ мелкомъ мѣстѣ рѣки, увидѣли его нагя, прежде, нежели онъ ихъ увидѣлъ. Имъ стало стыдно: онѣ смутились и, чтобъ скрыть стыдъ въ водѣ, ухватяся одна за другую, бросились въ глубину и—утонули! какое печальное приключеніе, неожиданное и ни съ той, ни съ другой стороны не виновное! Сколько подобныхъ приключеній, которыхъ не разгадаешь.

Мое ученіе въ среднемъ отдѣленіи Семинаріи 1822—1825 годовъ.

При вступленіи моемъ въ сіе отдѣленіе, мнѣ было уже 19 лѣтъ. Я былъ совершенно здоровъ. Меня Господь наградилъ сердцемъ нѣжнымъ, но отъ юности оно пылало. Господь сохранилъ меня доселѣ отъ пороковъ плоти: однако, бывали случаи, которые трогали мое сердце. Я былъ стыдливъ; при женщинахъ молодыхъ я былъ нѣмъ: но сердце билось въ груди; я любилъ ихъ, стыдяся впрочемъ себя самого.

Виносія есть такое блаженное мѣсто, гдѣ можно имѣть покой души. Монастырь, воды, прекрасный лѣсокъ, луга, поля, ручейки, овраги, монахи, начальники, семинаристы и—только. Женскаго и духа неслышно.

Мое вступленіе въ сіе отдѣленіе было однако слишкомъ горестно и единственно отъ моей глупости. Вотъ приключеніе: По обычаю, издавна существовавшему, переходъ изъ одного класса въ другой—ученики праздновали общою пирушкою. Здѣсь новопоступившіе ученики средняго и высшаго отдѣленій—вновь дружились и свидѣтельствовали свое взаимное братство (ученики словесности тогда почитались еще дѣтьми: составляли сами изъ себя особую стихію). Глупая молодость, при томъ въ такой пустынѣ, какова Виносія,—чѣмъ будетъ потѣшаться, кромѣ вина? Мы сложились, помню, по гривеннику. Куплено было множество полугарнаго хлѣбнаго вина. Вечеромъ, послѣ ужина, собрались оба отдѣленія въ одну компанію. Какія то придуманы потѣхи.

Играли на скрипкахъ умѣвшіе, дурачились въ одѣяла, простыни и проч. Такъ какъ я былъ изъ первыхъ учениковъ и по характеру весьма поваденъ (весьма мѣткое, прекрасное выраженіе, которымъ на сей разъ справедливо охарактеризовалъ меня о. Ректоръ): то, прежде всего, постарались меня напоить водкою. Привели къ боченку. Почерпнули чайную чашку: я поднесъ ко рту и содрогнулся. Еще я почти не пивалъ сего яда. Меня уговариваютъ, принимаюсь сто разъ и—не могу побудить отвращенія. Однако—при просьбахъ тысячей уже пьяныхъ, зажмурясь, выпилъ больше полчашки. Вино меня тотчасъ зашевелило; я началъ смѣшивать товарищей своими дурачествами. Черезъ нѣсколько времени, уже самъ попросилъ еще и выпилъ уже полную чашку. Тутъ я потерялъ все: сдѣлался полу-безумнымъ.

Потѣха наша какъ-то была узнава начальствомъ. Ректоръ съ Инспекторомъ съ фонарями идутъ въ Семинарію. Мы разсыпались тотчасъ по своимъ комнатамъ, легли на постели и погасили огни. Лежа на кровати, я не могъ молчать; забавлялъ товарищей, говоря, что я встрѣчу о. Ректора, когда онъ придетъ въ нашу комнату, повинюсь ему, что я пьянъ отъ радости. Сталъ хвалить Ректора, что онъ нашъ отецъ,—что онъ насъ любитъ, намъ проститъ наше веселье. Ректоръ былъ уже въ сосѣдней комнатѣ, а я все еще говорилъ. Меня просили молчать: я говорилъ еще крѣпче. Входитъ Ректоръ: я стихъ. Ректоръ, подойдя къ моей кровати, говоритъ Инспектору: „это Казанцевъ!“ Послѣ окрикнулъ меня: велитъ встать. Я приподнялъ голову и упалъ опять: встать не могъ. Ректоръ съ отвращеніемъ и скорбію отвернулся отъ меня и пошелъ вонъ.

Прошла ночь. Я проснулся. Какія страшныя мученія. Страшно болитъ голова; въ животѣ палитъ вино. Душа—какъ во адѣ. Мнѣ рассказали мое дурачество; я ужаснулся. Потребовали къ Ректору. Полу-мертвый, я пришелъ съ рѣкою слезъ. Сперва вышелъ Инспекторъ—о. Іеронимъ, сказалъ: „Апостолъ учить: не упивайтесь виномъ, но паче исполняйтесь духомъ; а вы что дѣлаете“? (насъ позвано было трое, или четверо). Я кланяюсь въ ноги и обливаюсь слезами. Послѣ вышелъ Ректоръ: „Казанцевъ! такъ ты такой-то? ты пьяный? потерянный? какъ! а я тебя почиталъ младенцемъ невиннымъ. Я тебя принялъ на коштъ: а ты—

несчастный! скройся съ глазъ моихъ!“ потомъ, оборотясь къ эконому: „о. эконому, отберите отъ него все казенное платье и постелю; и вы, о. Инспекторъ, бросьте его въ худшую комнату къ ученикамъ словесности, подъ строжайшій надзоръ солиднаго старшаго“. Рѣчи были огненныя, лицо горѣло, глаза блистали: я не смѣлъ сказать ничего, только кланялся и обливался слезами.

Наказаніе, на меня положенное, меня сразило. Экономъ, точно, обобралъ у меня все, даже постелю. Я остался въ изорванномъ сертучишкѣ съ тулупомъ, на голой кровати. Инспекторъ перемѣстилъ меня къ ученикамъ словесности и подъ надзоръ глупаго и надменнаго старшаго—Воздвиженскаго (кажется). Меня убивалъ стыдъ: я сдѣлался опозоренный. Къ тому, денегъ у меня ни гроша, а одежды и обуви своей нѣтъ. Что дѣлать? ужаснулся своего состоянія. Благодарю Бога! я сею катастрофою пришелъ на лучшія мысли. Винилъ только себя: начальниковъ уважалъ, видѣлъ, что и это еще милость со мною: могли бы исключить. И чтобы я тогда былъ?

Я принялся за религію. Молился тайно, уходя въ лѣсъ. Тихонько отъ товарищей, хаживалъ къ заутренямъ и слезами омывалъ свое преступленіе. Я принялся за науки и за книги. Сидѣлъ всегда у себя въ комнатѣ. Товарищей оставилъ. Спасибо мудрому начальнику! О. Ректоръ, томя мѣсяца два, наконецъ, сталъ понемногу прощать. Сперва перевели меня къ товарищамъ въ комнату, потомъ возвратили и постель и платье. Спасибо и новому моему старшему—Романовскому. Видя мою скромность, сокрушительное состояніе духа, мое богомоленіе, мои усердныя занятія по наукамъ—онъ началъ обо-мнѣ доносить начальству, что я исправляюсь. Въ майскую треть уже мнѣ было возвращено все: меня опять полюбилъ о. Ректоръ; меня перевели въ лучшую комнату, даже съ богословами; мнѣ дали постель перваго сорта; мнѣ сшили новое платье опять перваго сорта.

Меня полюбил и профессор. У математическаго профессора Филиппа Фил. Измайлова я былъ цензоромъ и, кажется, первымъ ученикомъ; профессоръ Философіи меня возвеличилъ предъ всѣми, за одно мое разсужденіе. Онъ его читалъ въ классѣ и тутъ же выхвалилъ, какъ единственное, даже неожиданное имъ, сочиненіе. Предложеніе было:

„Можно-ли посредствомъ умозаключеній восходить отъ конечнаго къ безконечному“ (или отъ чувственнаго къ духовному)? Профессоръ греческаго языка—о. Инспекторъ мнѣ дѣлалъ порученія—переводить Греческую Философію Евгенія Болгара. Это по нашему, въ то время, значило много. Словомъ: я получилъ все и за сіе благодарилъ Бога.

Въ этомъ году въ Генварѣ (т. е. 1823 г.) скончался мой дѣдушка по матери, священникъ Борисъ Гавриловичъ. На Рождество я былъ на родинѣ и съ нимъ въ послѣдній разъ наговорился. Видно было, что онъ уже былъ у вратъ смерти. Разказалъ мнѣ всю свою жизнь. (Одряхлѣлъ и сдѣлался простъ, какъ дитя (см. о немъ въ моихъ запискахъ о моей поѣздкѣ изъ С.-Петербурга въ Одессу въ 1841-мъ г.).

Такимъ образомъ, первый учебный годъ мною проведенъ былъ прекрасно. Я почувствовалъ утѣшеніе отъ Господа, прибѣвши къ Нему въ скорби моей. Я былъ преданъ наукамъ, которымъ обучался.

Впрочемъ, описанное мною обстоятельство, кажется, потрясло и душу мою и тѣло. Я сдѣлался какъ-то грустенъ; ко мнѣ приближалась злая ипохондрія, которая съ того времени едва ли и доселѣ разсталась со мною. Предъ наступленіемъ вакаціи я вздумалъ остаться на всю вакацію въ семинаріи. Меня стали уговаривать товарищи и земляки. Я былъ непреклоненъ. Остался.

Ужасно было—рѣшительно одному жить въ пустой Семинаріи. Правда, въ первые дни еще оставалось человѣкъ пять, потомъ мы остались только двое. Я ужаснулся сего мрачнаго уединенія. Товарищъ мой задумалъ какія-то романическія походы и въ нихъ мнѣ открылся; я поопася быть вовлеченнымъ сюда-же. Мнѣ захотѣлось перейти къ Инспектору въ келейники и я сего достигъ. Но здѣсь я встрѣтился съ другимъ ужаснѣйшимъ искушеніемъ.

Да не возглаголять уста моя о немъ. Здѣсь я опомнился и предался ужасной тоскѣ. Я видѣлъ, что я попался въ пропасть: началъ придумывать, какъ спастись! Тутъ я получилъ слезное письмо отъ родителей; они меня умоляли, чтобъ я шелъ къ нимъ. Я приступилъ къ Инспектору и началъ проситься. Что-жь?—не пускаетъ! „Съ кѣмъ я останусь; ты меня обманулъ. Не пушу!“ Просилъ, чтобъ я еще хоть съ недѣлю пожилъ. Я не хотѣлъ ни дня. Инспекторъ,

впидя мою рѣшимость и догадываясь о причинахъ ея, принужденнымъ нашелъ отпустить меня, замѣнивъ меня тѣмъ моимъ товарищемъ, съ которымъ мы оставались. (Они оба уже покойники). О. Инспекторъ Геронимъ вскорѣ по моему уходѣ отъ него отбылъ изъ Витебскѣ. Его сдѣлали Ректоромъ въ Орловскую Семинарію. Тамъ онъ навѣсилъ бѣду. Ужасно!—при немъ зарѣзался Инспекторъ Семинаріи—изъ свѣтскихъ. О. Геронимъ былъ отъ ректорства уволенъ: прожилъ нѣсколько просто архимандритомъ въ Мценскомъ монастырѣ. Потомъ по ходатайствамъ, онъ былъ снова опредѣленъ Ректоромъ въ Вятскую Семинарію и тамъ прожилъ семь лѣтъ, управляя дурно Семинаріею. 1834-й годъ онъ жилъ на чредѣ священнослуженія въ С.-Петербургѣ и здѣсь, немного не кончивъ годичнаго курса, и именно въ 20-хъ числахъ декабря,—скончался. И былъ опредѣленъ Ректоромъ въ Вятку—на его мѣсто;—о семъ впрочемъ еще будемъ говорить. Семинаристъ тотъ—Михаилъ Покровскій бѣдняжка, какъ-то, въ ту-же ли вакацію, или еще попозднѣе, простудился. И пріѣхалъ послѣ вакаціи—онъ былъ уже плохъ. Послѣ привязалась къ нему чахотка, и онъ, кажется, въ великій постъ—скончался. Царство ему небесное! помянутыя мною его амурства—были дѣтскія забавы, а не какія-нибудь гнусности.

Инспекторъ столь обидѣлся мною, что, кажется, не далъ мнѣ ни копѣйки и на дорогу, Спасибо, мой товарищъ отдалъ мнѣ послѣдній свой двугривенный. Я побѣждалъ въ Москву въ первый день Августа, послѣ обѣдни. У меня были одни сапожонки. Они мнѣ были такъ тѣсны, что надобно было надѣвать ихъ съ трудомъ. Слѣдственно, въ нихъ итти было невозможно. Босымъ итти жестоко: я надѣлъ нитяные носки и въ нихъ пошелъ.

Въ этотъ день, безъ отдыха, я пробѣждалъ 30, или 35 верстъ (не знаю, до Братовщины, или до Пушкина). Пришелъ на ночлегъ, поужиналъ, легъ спать. Проснулся поутру и не могу встать на ноги. Полошвы на ногахъ вздулись и во всѣхъ членахъ ломота. Я ужаснулся своего положенія. Хозяйка меня спрашиваетъ: что я пригорюнился? И ей сказалъ, что не могу итти. Она мнѣ продала лапти за гривеникъ. Я обулся въ нихъ, и вижу, что могу переступить понемножку. У меня осталось нѣсколько грошей мѣдью; пошелъ, перекрестясь. Спасибо, тотчасъ по выходѣ съ ночлега

меня нагнали два мужичка изъ Рязанской губерніи, разговорились со мною и, полюбивъ мои разговоры, не бросили меня до самой Москвы.

Едва я могъ дойти. Пришелъ въ Москву, къ дядѣ своему, почти полумертвый. Со мною сдѣлалось дурно. Открылась горячка, но слава Богу! ее прервали. Я скоро выздоровѣлъ. Дядя дивился моимъ странностямъ, а я и самъ не умѣлъ хорошо себя объяснить.

Остальное время вакаціи, я уже прожилъ у дяди и маленько разсѣлалъ свою ипохондрію. (Пишу въ монастырѣ въ вакацію 20 іюля).

Второй учебный годъ прожить мною хуже и это главное отъ домашнихъ нашихъ обстоятельствъ. По кончинѣ дѣдушки, у котораго жила и выросла средняя моя сестра Александра, сія несчастная дѣвица лишилась всѣхъ надеждъ. Ей было уже такъ много насулено; ее уже сватали семинаристы-богословы, ей было почти обѣщано дѣдушкино мѣсто; и—со смертію дѣдушки—это все исчезло. Она уже жила въ бѣдномъ домѣ своихъ родителей. Я взялся за дѣло выдать ее замужъ. Первая встрѣча была предурная. Исключенный изъ средняго отдѣленія нашей семинаріи, мой товарищъ, Михаилъ Поспѣловъ, непрощенный присватался къ сестрѣ моей. Онъ жилъ въ Москвѣ у моего дяди. Я былъ спрошенъ: хочу-ли выдать за него сестру? Прямо отказать я не смѣлъ, опасаясь потерять и сего. Но мнѣ этотъ человекъ жестоко не нравился. Какой-то строптивый, опрометчивый, грубый; притомъ весьма бѣдной физики: толстый, низкій, безобразный, рябой. Мнѣ было жаль сестры: она была прекрасная дѣвушка.

Съ симъ Поспѣловымъ, однако, я долженъ былъ ѣхать къ родителямъ въ Рождество. Мы были. Сестра моя помертвѣла, взглянувъ на сіе чудо. Я это замѣтилъ и рѣшился отказать отъ насъ сего Поспѣлова. Это мнѣ было не легко. Батюшка съ матушкою, смотря на свою бѣдность, рады были и сему жениху. На слезы сестры не смотрѣли. Да она и не смѣла говорить ничего. Она только поникла: надобно было догадываться. Дядюшка тоже противъ меня, говорилъ: не намъ, при такихъ малыхъ грошахъ, рыться въ женихахъ. Надобно благодарить Бога за того, котораго Богъ даетъ. Не смотря на то, я сталъ въ одномъ: отказать Поспѣлову. И—устоялъ.

Но, какъ говорю, это меня заняло столько, что я забылъ и ученіе. Въ Семинаріи стали меня подсмѣивать. Говорили: „Что за принцесса твоя сестра? сядетъ въ дѣвкахъ. Говорилъ бы спасибо и Пospѣлову, если беретъ. Ты бракуешь; нищи другого, коль сыщешь“. Такія и подобныя насмѣшки меня убивали. Притомъ я видѣлъ, что, разстроивъ сіе дѣло, мнѣ надобно было уже не губить сестры. Если она сядетъ въ самомъ дѣлѣ дѣвицею, я одинъ буду отвѣчать за нее предъ всѣми.

Помню, что къ Пасхѣ, пораньше отпуска, кажется, на пятой недѣлѣ поста, я пустился въ путь домой къ родителямъ пѣшкомъ, по жестокой распутицѣ. Шелъ по тающимъ снѣгамъ и грязи и мокъ и тонулъ не разъ. Прибылъ, наконецъ, и при свиданіи здѣсь съ Пospѣловымъ, выдержавъ всѣ его жестокія укоризны за оскорбленное самолюбіе и, кажется, отъ страсти къ сестрѣ, я удалилъ его отъ нашего дома окончательно. Невозможно выразить, какъ сестра глубоко почувствовала мое къ ней попеченіе. Она расцвѣла опять и не поопаслась, что ради сего поступка, она въ самомъ дѣлѣ могла остаться въ дѣвицахъ.

Такія развлеченія очень отклонили меня отъ ученія. Я сталъ отставать и въ урокахъ. не всегда сочинялъ задаваемые разсужденія, а ежели и писалъ, то слабо и развлеченно. Однажды профессоръ задалъ намъ задачу такъ, чтобы мы, написавъ ее въ вечеръ, иль два, приготовили къ прочтенію ея въ классѣ. Я не написалъ. Меня спросилъ профессоръ, я отказался; чрезъ день, иль два спросилъ опять, я опять отказался; спросилъ и въ третій—я сказалъ: „не приготовилъ“.—Почему?—„Не разсудилось“. Профессоръ: „Вамъ можно было на данный вопросъ написать разсужденіе утвердительно, иль отрицательно. Тутъ была бы ваша воля. А написать задачу, иль нѣтъ, тутъ ваша воля не нужна. Надобно исполнять приказаніе“. Я сейчасъ увидѣлъ, что я, точно, отвѣтилъ грубо; но отъ разсѣянности, а не отъ злого сердца.

Впрочемъ, даже не смѣлъ попросить и прощенія. Впрочемъ, какъ бы то ни было, я изъ Философіи переведенъ въ Богословіе съ честью, кажется, также вторымъ; и тутъ я видѣлъ, что мнѣ точно отдали мое.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ж И З Н Ь

архимандрита Никодима Казанцева.

(Продолженіе) ¹⁾.

Мое ученіе въ высшемъ отдѣленіи.

(1824—1826 годовъ).

Здѣсь начало моего ученія было весьма утѣшительное. (1). Ректоръ и о. Инспекторъ наперерывъ меня ласкали. Оба восхищались моими и успѣхами, и талантами, и поведеніемъ. Я это видѣлъ ясно.

О. Инспекторъ даже пріучилъ меня ходить по вечерамъ къ себѣ, поилъ чаемъ, ласкалъ, дѣлалъ порученія самыя лестныя, отличалъ меня отъ всѣхъ. Я жилъ—и утѣшался.

По мысли, кажется, Инспектора въ Семинаріи сдѣланы были два Сеніора, которымъ даны права надзора и за самими старшими. Въ верхнемъ этажѣ, для учениковъ Высшаго и Средняго отдѣленій сеніоромъ поставленъ былъ мой товарищъ, первый ученикъ Иванъ Вас. Платоновъ-Холмогоровъ (нынѣ профессоръ въ Харьковскомъ университетѣ), а въ нижнемъ этажѣ—надъ учениками низшаго отдѣленія поставленъ былъ я.

Такія возвеличенія меня возбудили ко мнѣ въ моихъ товарищахъ зависть. Начали на меня клеветать, а именнно, будто я клеветникъ и секретный наушникъ у о. Инспектора. Даже такими злыми рѣчами смутили и о. Ректора, столь вѣжно доселѣ меня любившаго. Клевета была очень для

¹⁾ Сч. Мартъ 1910 г., стр 404—427.

о. Ректора чувствительная, именно: вѣдуши, будто я, ходя часто къ Инспектору, вмѣстѣ съ нимъ забавляюсь на счетъ о. Ректора, конфузя его уроки и вообще издѣваясь надъ его бѣдными познаніями въ Богословіи. Надобно же было, чтобъ сія клевета была правдоподобна. Удивительно, а точно, о. Ректоръ былъ не богатъ въ Богословіи и, подъ видомъ сочиненія лекцій, списывалъ уроки Академическаго Ректора Кирилла, уроки впрочемъ слишкомъ незавидные. Инспекторъ точно надъ нимъ подшучивалъ, но я—Боже мой!—я не смѣлъ раскрыть своихъ устъ на моего благодѣтеля, на человѣка, котораго я даже уважалъ и за его познанія Богословскія (ибо я былъ еще дитя), особенно за великое мастерство—преподавать уроки. Помню, что я защищалъ его предъ о. Инспекторомъ.

Несмотря на сіе, о. Ректоръ запылалъ на меня гнѣвомъ. Я былъ отверженный. Пересталъ меня спрашивать и прекратилъ всѣ довѣренности ко мнѣ. Клеветники, достигшіе своей цѣли, сдѣлались дерзѣе. Начали не только гнусными молвами, но и лично оскорблять меня весьма чувствительно.

9-го мая, на день угодника Божія Николая Чудотворца я едва не былъ зарѣзанъ. Это ужасно! Вотъ какъ это было: послѣ обѣда, по обыкновенію, я легъ уснуть. Заснулъ. Слышу дерзко расхлебаснулись двери, бѣжитъ человѣкъ, спрашиваетъ хриплымъ голосомъ: „гдѣ старшой?“ Ему отвѣчаютъ: „Вотъ онъ, но онъ спитъ“. Ученикъ Захарій Горскій (сред. отд.), мой злодѣй, сдернулъ съ меня одѣяло; я вскочилъ. Нечестивецъ пристушилъ ко мнѣ, началъ меня поносить, что я ябедникъ, обижаю невинно добрыхъ людей и проч. Насучаетъ на меня кулаки и, говорятъ (я не видалъ), будто онъ въ это время былъ съ ножомъ. Какъ невинный, я не потерялъ духа, говорю: „Если считаешь себя мною обиженнымъ, есть начальство: жалуйся. Пусть и другіе, кто хочетъ, дѣлаютъ тоже. Я предъ тобою и предъ другими буду оправдываться у начальниковъ“. Слава Богу! въ это же время набѣжало къ намъ въ сѣни много людей. И спасибо имъ: они спасли меня. Одинъ изъ нихъ, именно Иванъ Богословскій (сред. отд.), изловчившись, сзади набѣгомъ на Горскаго и сшибъ его съ ногъ. Тутъ бросились и другіе. Связали его по рукамъ и ногамъ и, какъ колодку, утащили въ свою комнату.

Опасаясь, какъ бы не развязался, или же злые люди не развязали Горскаго, я поставилъ по лѣстницѣ часовыхъ, которые бы меня извѣстили. И точно, его злодѣя развязали, обливши его нѣсколькими ведрами воды (онъ былъ пьянъ); меня извѣстили и я ударился бѣжать; прибѣгаю къ Инспектору и прошу спасти меня.

Опять со мною милость Божія: вотъ тутъ то, кажется, Горскій побѣждалъ ко мнѣ съ ножомъ: но онъ меня не засталъ въ комнатѣ и побѣждалъ за мною не въ ту сторону. Инспекторъ послалъ за Горскимъ служителей и семинаристовъ; за нимъ побѣжала огромная толпа. Онъ ушелъ въ лѣсъ, его догнали и дубинами выбили у него изъ рукъ ножъ и привели опять въ Семинарію.

Вечеромъ потребовали меня къ Ректору; тутъ и Инспекторъ. Приведенъ былъ и Горскій, и старшіе тутъ же, и экономъ. Инспекторъ горячился, требовалъ немедленнаго суда. Велѣлъ Горскому говорить: „какіе онъ можетъ представить примѣры на меня, гдѣ бы видно было, что я ябедникъ“. Горскій мялся; потомъ указалъ на одинъ случай, будто я донесъ Инспектору секретно на одного ученика—брата профессора Архангельскаго за то, что онъ былъ когда-то пьянъ, или что-то другое. Инспекторъ тотчасъ потребовалъ профессора Архангельскаго. Спрошенъ профессоръ, и отказался, что онъ не говорилъ ничего и ничего не слыхалъ самъ о братѣ отъ Инспектора.

Тутъ зашумѣлъ о. Инспекторъ. Бездѣльнику Горскому грозилъ, Ректору выговаривалъ и просилъ защитить уже не меня, а самого Инспектора. Ректоръ, не знаю, потому ли, что сочелъ неблагоразумнымъ напуститься на Горскаго, опасаясь отъ человѣка раздраженнаго и, очевидно, готоваго на всякія злодѣянія, послѣдствій ужасныхъ, или потому, что тайно радовался мщенію, которому подвергся я и Инспекторъ, какъ такіе люди, которые его безчестятъ, или почему другому—только отдѣлался какими то неопредѣлительными рѣчами, не оправдывая Горскаго и не защищая ни меня, ни Инспектора. Будучи обезкураженъ такимъ рѣшеніемъ, я сталъ бояться, чтобъ меня не убили. И каково мнѣ было трепетать каждый день и часъ до самой вакаціи.

Тутъ еще вотъ что случилось: ко мнѣ пришла матушка. Она вошла ко мнѣ въ тѣ минуты, какъ Горскій только-что

былъ вытащенъ связанный и какъ я разставилъ караулъ, чтобъ не развязался и не побѣжалъ на меня опять Горскій. Сколь ни радъ я былъ матушкѣ, но я былъ весьма встревоженъ. Я ей не смѣлъ вдругъ рассказать моей исторіи, опасаясь ее саму убить. Но какъ мнѣ сказали, что Горскій развязанъ и убѣжалъ я не сказавъ матушкѣ ни слова, бросился бѣжать. Тутъ матушкѣ рассказали приключеніе и, слава Богу, что она не умѣла понять всей его важности. Удивительно, послѣ мнѣ матушка рассказывала: въ этотъ день (храмовой праздникъ) она стояла обѣдно въ Хотьковомъ монастырѣ. За обѣдней у нея лились слезы ручьями, такъ что она рыдала и не могла себя удержать. Послѣ обѣдни, несмотря на усталость и не поѣвши, тотчасъ побѣжала ко мнѣ въ Семинарію. Это истинно психологическое примѣчательное явленіе, по милости Божіей открываемое людямъ, кого Господь избираетъ. Примѣчательно, что эта катастрофа случилась со мною въ день Николая Чудотворца. Это мое отъ батюшки родительское благословеніе. Батюшка мнѣ наказалъ помнить и благодарить угодника Божія за спасеніе. (24 іюля 1842 г. монастырь).

Находясь въ такомъ жалкомъ положеніи, я былъ почти брошенъ и друзьями моими. Одни пошатнулись, перемѣнили обо мнѣ мысли, считая клеветы правдою; другіе, по малодушію, изъ опасенія за свою со мною дружбу пострадать—сокрылись. Остались очень немногіе, зато уже неизмѣнные друзья. Изъ нихъ доселѣ помню: Егора Никифоровича Любимова (это примѣчательный человѣкъ, заискалъ удивительное къ себѣ расположеніе отъ Митр. Филарета, самымъ смѣлымъ и впрочемъ, кажется, самымъ невиннымъ поступкомъ. У него отецъ и мать пьяницы. Онъ осмѣлился написать Митрополиту письмо, гдѣ, жалуясь на родителей, просилъ его: вызвать отца, а ему дать, кажется, 300, иль болѣе рублей, для уплаты должникамъ, которымъ долженъ, а заплатить не можетъ отецъ. Митрополиту это крайне понравилось. Онъ все сдѣлалъ. Отца вызвалъ и увѣщевалъ, и бранилъ, требуемая деньги выдалъ. А самого Любимова, кажется и доселѣ любить. По окончаніи курса доставилъ ему учительство у Графини Барятинской, Львовскаго уѣзда, Курской губ., въ селѣ Ивановскомъ; послѣ далъ мѣсто діакона въ Москвѣ у Троицы въ Троицкомъ. т. е. почти у себя на подворьѣ,

потомъ сдѣлалъ и священникомъ въ Набилковскомъ заведеніи; но тутъ ему не посчастливилось. Любимовъ вошелъ дѣносомъ на воспитателей въ семь заведеній. Якобы за ихъ содомскую педоэрастію. Но тѣ себя отстояли и Любимовъ высланъ въ Серпуховъ въ бѣдный приходъ. Провѣзжая въ Одессу, я съ нимъ видѣлся. Онъ впрочемъ не отчаивается возвратиться въ Москву; и я такъ думаю.

Мои скорби увеличились еще отъ опасеній за сестру Александру. Удаливъ Поспѣлова, я употребилъ всѣ мѣры, чтобы пріискать другого жениха и нашелъ его изъ своихъ товарищей Амвросія Вас. Уварова (который дѣйствительно и нынѣ мужъ моей сестры и мнѣ зять). Впрочемъ я не усиливался и не хитрилъ, а только молился Богу и просилъ Его покрыть беззащитную дѣвицу. Господь услышалъ.

Въ одинъ вечеръ (въ первомъ году въ Богословіи), предъ Рождествомъ, приходитъ ко мнѣ въ комнату Амвросій Вас. Рѣчь за рѣчами, и онъ вызвался взять мою сестру. Я ему отвѣтилъ: „Поѣдемъ со мною къ родителямъ. Тамъ увидишь сестру; если понравится: буди благословеніе Божіе и я буду радъ“. Предложеніе принято съ охотою. Чтобъ не дать явнаго повода шалунамъ-товарищамъ дагадываться о моемъ намѣреніи, я пригласилъ съ собою еще—Егора Никиф. Любимова. Мы поѣхали. Провели Рождество Христово у бабушки. Я посматривалъ на сестру и на Амвросія; вижу, что они другъ друга не пренебрегаютъ. Чтобъ дать Амвросію большую свободу, я уговорилъ Егора Никиф. ѣхать со мною къ дядюшкѣ въ село Пески верстъ за 40. Мы уѣхали и гостили тамъ дня три. Амвросій остался одинъ.

Пріѣзжаемъ. Смотрю: матушка весела и сестра тоже. Мнѣ тотчасъ сказали, что Амвросій изъявилъ рѣшительно—взять сестру. Я былъ радъ. Переговорилъ съ Амвросіемъ; онъ меня проситъ—дозволить благословиться. Сперва я удерживалъ, опасаясь преимущественно отдаленнаго срока (ибо намъ надобно было еще учиться полтора года), предполагалъ разныя возможныя препятствія. Амвросій просилъ неотступно и—мы его благословили.

Теперь вышло дѣло сдѣланное. Но я былъ скученъ: не довѣрялъ. Такъ и случилось. Въ продолженіи нашего ученія, при такихъ страшныхъ приключеніяхъ со мною, Амвро-

сій сталъ видимо хладѣть, потомъ сталъ намекать, что онъ себя связалъ рано, необдумавши, что у него могли-бы быть лучшіе виды; что трудно найти свободное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ безпрепятственно взять сестру. Намекалъ и на то, что сестрѣ уже довольно лѣтъ (ей тогда было 18) и проч. На всѣ его рѣчи, я отвѣчалъ одно: „Мы тебя не неволили; ты самъ мнѣ предложилъ свое желаніе, видѣлъ сестру, она тебѣ нравилась. Ты просилъ благословенія, я тебя удерживалъ. Ты хотѣлъ всего. Смотри. Мы правы. Если бросишь сестру, не думаю, что будешь счастливъ“. Не смотря на то, мнѣ однако это было крайне прискорбно. Я ужасался за сестру. Видѣлъ, что ей слишкомъ было бы тяжело—остаться дѣвицею. А притомъ она не пошла бы за дьячка. Все сіе вмѣстѣ дѣлало меня мрачнымъ, задумчивымъ. Отъ сего же я слишкомъ мало занимался ученіемъ. Исполнялъ уроки только для вида. Отъ чего я гораздо поотсталъ отъ своихъ товарищей.

А ко всему сему присовокупляться стали и мои время отъ времени сильнѣе воспламенявшіяся чувствованія къ женскому полу. На прекрасную дѣвицу я не могъ смотрѣть безъ огня. Къ счастью, во взаимностяхъ ихъ ко мнѣ я не былъ счастливъ и единственно по сему я былъ доселѣ невиненъ. Дѣвочка всегда предпочитала мнѣ другого молодца, хотя, по моему, моего мизинца не стоившаго. Но и я былъ разборчивъ. Хотѣлъ дружбы отъ такой, которая меня собою плѣняла. При совершенной моей (тѣлесной) невинности, у меня много однако было романическихъ затѣй. Прежде всѣхъ, я полюбилъ одну дворовую, изъ вольно-отпущенныхъ, дѣвицу Прасковью Емельяновну. Дѣвица точно достойная: умница, свыше сверстницъ, прекрасная лицомъ, рѣчь рѣзкая, выразительная, вкрадчивая, сердце чисто невинное. Она меня полюбила, но не больше, какъ душою: едва дозволяла однѣ самыя невинныя прикосновенія и тогда трепетала, какъ рыбка. Другая—дворовая же дѣвица Дарья Андреевна. Эта тоже миленькая дѣвочка: голосъ имѣла пренѣжный (чѣмъ мнѣ особенно и понравилась), но была простенькая дѣвочка и мое къ ней расположеніе готова была удовлетворять далеко; но я остановился на одной дружбѣ невинной. Несчастная! она была увлечена и потеряла невин-

ность отъ какого-то нечестивца ¹⁾, скотскаго, который купилъ себѣ удовольствіе на одинъ разъ и заставилъ эту дѣвочку плакать всю жизнь. Лѣтъ пять назадъ, я ее видѣлъ; она и осталась дѣвицею. А Прасковья Емельяновна скоро вышла замужъ. Я и въ это время уже ее видѣлъ. Но тутъ я получилъ отъ нея отвращеніе. Въмѣсто трепещущей невинности, я увидѣлъ уже нахальство. Такъ глупые чувственные мужья, скотски пресыщаясь наслажденіями супружества, убиваютъ украшеніе женщинъ — цѣломудренную стыдливость. Тутъ она хотѣла быть ко мнѣ снисходительна, на сколько мнѣ угодно, но я —отринулъ. Было и еще нѣсколько дѣвицъ, которыми я плѣнялся и которыя отвѣтствовали мнѣ взаимностію. Онѣ всѣ сами были невинны, или по крайней мѣрѣ не позволяли мнѣ больше душевной дружбы и чрезъ то и меня оставили невиннымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже и готовились было пасть со мною въ грѣхъ, но я сего ужасался, или спасаемъ былъ непредвидимыми обстоятельствами. Вотъ это моя темная сторона; не хочу дальше разкрывать ее. Эта грусть еще и доселѣ со мною. Во всемъ могу бороться и побѣждаю, только здѣсь я вовсе безъ силъ. Боже мой! Твое азъ есмь твореніе, да не погибну!

Но возвратимся къ исторіи: будучи потрясенъ страшнымъ приключеніемъ со мною отъ звѣрства ученика Горскаго, я пріѣхалъ на вакацію домой совсѣмъ увядшимъ. Предъ отѣздомъ на вакацію изъ Семинаріи, я былъ предваренъ, якобы Горскій намѣревался подстеречь меня на дорогѣ и если не убить, то избить безчеловѣчно. Какія же было можно принять предосторожности? Никакихъ! положился на единый Промыслъ Божій, который меня и сохранилъ. Удивительно. кажется въ этотъ самый разъ мнѣ довелось даже и ночевать именно вмѣстѣ съ Горскимъ на дорогѣ (семинаристы обыкновенно на ночлегъ собирались въ одну квартиру). Здѣсь съ самимъ Горскимъ случилось самое гнусное приключеніе. Напившись пьянъ до безчувствія, онъ ночью ухватилъ одного мальчика изъ крестьянъ, тутъ-же ночевавшихъ, и хотѣлъ содомства. Мальчикъ закричалъ. Услышали его спутники мужики и открылась сцена постыдная. Я спалъ, приключенія этого не слыхалъ; но, вставши по-утру, узналъ

¹⁾ Купецъ Варигинъ—милліонеръ, но умеръ нищимъ.

все. Мужики разсвирѣпѣли, какъ львы и требовали законной расправы. Не знаю, какъ это кончилось постыдное дѣло: я уѣхалъ. Горскій тогда еще былъ удержанъ: кажется, помирились на винѣ.

Въ Москвѣ меня встрѣтилъ дядюшка Николай Борисов. со слезами и благодарилъ Бога за мое спасеніе.

Этотъ Горскій послѣ былъ діакономъ и я его видѣлъ у зятя и сестры въ селѣ Горбовѣ. Мой батюшка этому Горскому далъ строгій выговоръ. Батюшка приписывалъ избавленіе мое св. Николаю Чудотворцу (симъ образомъ меня благословилъ батюшка).

Дома я жилъ грустно, чувствовалъ себя очень слабымъ и всѣ пріятности молодая мнѣ были скучны. Наконецъ, меня поразила жестокая болѣзнь. 17-го августа я былъ въ Рузѣ у двоюроднаго моего брата священника Павла Мат. Онъ меня подчивалъ пуншемъ изъ дурной французской водки. Я насилу выпилъ чашку. Пошелъ домой; дорогою былъ веселъ. Пришелъ домой спокойно; легъ спать, уснулъ; по-утру, на зарѣ проснулся. Почувствовалъ нестерпимую рѣзь въ животѣ, такъ какъ будто отъ поясницы къ мочевому члену какая то бѣжала струя съ нестерпимымъ рѣзомъ ¹⁾; я сперва крѣпился, потомъ началъ охать, а наконецъ вовсе потерялъ терпѣніе. Родители испугались; пришли въ жалость, а помочь не умѣютъ. Вздумали купить вина (водки), налили рюмку, насаливъ вино крѣпко солью; я выпилъ: меня вырвало, но ни малѣйшаго облегченія. Къ половинѣ дня рѣзь немного утихъ, но я уже померкъ совершенно. Аппетитъ вовсе пропалъ. Меня задавила какая-то безпредѣльная грусть. Все въ мірѣ мнѣ стало противно. Между тѣмъ, тотъ рѣзь меня не оставлялъ. Стали совѣтовать деревенскія разныя средства: ничто не помогало. Присовѣтовали сходить къ ворожеѣ. Хотя я не вѣрилъ такому магическому лѣченію, но отъ нестерпимости страданій, рѣшился попробовать. Я ходилъ къ ней съ матушкою. Ворожея молилась, процѣживала воду сквозь какія-то травяныя цѣвки, посматривала въ окно, брызгала меня наговоренною водою, положила меня на лавкѣ, покрыла скатертью и начала тихонько своими зубами сквозь скатерть грызть, начиная отъ груди ниже до

¹⁾ Мнѣ послѣ медики объяснили, что это текло сѣмя мужское

pudendum. На меня напалъ ужасъ. Она сказала: „ему при-
придчилось. Его сглазили.“ Въ самомъ дѣлѣ, когда я шелъ
изъ Рузы, со мною встрѣтились наши крестьяне мужчины
и женщины, шедшіе на барщину. Мнѣ тогда это показалось
нѣсколько правдоподобно.

Борожея дала намъ своей воды, чтобъ я ее понемногу
выпивалъ и мазался. Но это все было пустяки; я не получилъ
облегченія нисколько.

Прострадавъ такимъ образомъ недѣли двѣ, я рѣшился
отправиться въ Москву, чтобъ тамъ отъ ученыхъ врачей
получить пособіе, если можно. Я сталъ даже забываться. Мнѣ
стало думать, что я сейчасъ умру. Однажды матушка
шила что-то. Я ее спрашиваю: „ты, матушка, мнѣ шьешь
саванъ?“ Матушка со слезами на глазахъ, меня увѣряла,
что шьетъ рубашку, или что другое: я не повѣрилъ.

6-го, или 7-го сентября я отправился съ матушкою и еще
съ двумя двоюродными сестрами—дѣвками въ путь пѣш-
комъ. Дошелъ до Звенигорода совершенно легко. 8-го числа,
въ день Рождества Пресвятыя Богородицы я былъ въ Сав-
винѣ монастырѣ. Молился за литургією (это здѣсь храмовой
праздникъ; я для него и пошелъ). Служилъ Преосв. вика-
рій—Кириллъ, говорилъ экспромтомъ плохую проповѣдь.
Мнѣ немножко было легче. Я воротился съ матушкою на
квартиру отобѣдать и послѣ—простился. Онѣ остались тутъ:
я пошелъ одинъ въ Москву. На ночлегъ пришелъ въ Уборы
и ночевалъ у діакона, зятя о. Инспектора Θεодотія. Здѣсь
умница діаконица, сестрица о. Инспектора доживала свой
вѣкъ. Она была въ лютой чахоткѣ. Мнѣ ее было смертельно
жаль (она скоро умерла). Премиленъкая женщина. Мужъ ея
едва-ли не потерялся отъ безмѣрной тоски.

Пришелъ въ Москву къ дядюшкѣ. Здѣсь сперва старался
отыскать умнаго лѣкаря, который, бы разгадалъ мою бо-
лѣзнь (мнѣ казалось, что моя болѣзнь слишкомъ мудрена
и едва-ли излѣчима. Я все собирался умирать). Тутъ со
мною было нѣсколько приключеній, а именно: 1) Однажды я
пришелъ къ обѣднѣ въ Дѣвичій Страстной Монастырь (предъ
обѣднею я напился чаю и не исправился). Началась обѣдня
и я скоро почувствовалъ нужду вытти. Но вытти мнѣ каза-
лось преступленіемъ: я томился и стоялъ. Наконецъ, къ
„Елицы оглашенніи“ я рѣшительно потерялъ терпѣніе; вы-

шелъ исправился и опять вошелъ въ церковь. Начали пѣть „Иже херувимы“. Вдругъ какой-то мужикъ заревѣлъ, какъ дикій волъ, и началъ ужасно метаться. Я обмеръ; мнѣ казалось, что его бѣсъ вооружилъ на меня за то, что я выходилъ изъ церкви и вошелъ неумовенный. Народу было много, но больше женщины. Однако его схватили и возились съ нимъ полчаса: бѣсъ давалъ ему силы. Я не смѣлъ вытти. Боялся, чтобъ онъ меня не схватилъ, и по окончаніи обѣдни прибѣжалъ домой полумертвый. 2) Дядюшка мнѣ нашелъ доктора, просилъ его за меня. Я къ нему пришелъ. Докторъ этотъ пьяный человѣкъ. Какой-то мистикъ, едва-ли не массонъ. Жену свою ненавидитъ по какому то неистовому и хульному отвращенію вообще отъ женскаго пола. Всякую женщину онъ хотѣлъ проклинять. Къ нему-то я пришелъ. Онъ живетъ въ антресоляхъ. Нижний этажъ занимаетъ жена и, кажется, съ дѣтьми! (чѣмъ-жъ дѣти, если онъ ненавидитъ жену?) Меня сперва встрѣтила жена, женщина степенная, кроткая, пріятная, лѣтъ 37. Когда я спросилъ Петра Ив., она мнѣ показала лѣстницу на антресоли. Я взошелъ. Мой докторъ не совсѣмъ былъ мнѣ радъ. Я его просилъ помочь мнѣ. Онъ мнѣ сказалъ: „Пей въ отварной водѣ по 15 капель анисоваго масла. Да у меня есть свое; прими у меня на первый разъ“. Подали отварной воды, онъ налилъ меньше полрюмки; потомъ сталъ лить анисовое масло. Руки его дрожать; капельки масла премаленькія, онъ мнѣ налилъ больше гораздо 15-ти. Я выпилъ; потомъ уйдя отъ него, зашелъ пообѣдать къ дядюшкиному тестю діакону у Спаса въ Наливкахъ. Меня посадили за столъ. Не могу держать ложки въ рукахъ: выпадаетъ. Я одурѣлъ. Отсюда я скоро ушелъ. У меня было желаніе отстоять какую-либо службу въ женскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ мнѣ Иванъ Ив. Казариновъ указалъ чудотворный образъ Божьей Матери—цѣлительницы. Чтобъ провести время до вечерни, я болтался около Кремля; пошелъ къ вечерни, мнѣ было время отъ времени дурнѣе. Я приложился къ образу. Слушалъ вечерню. Начали читать правило. Я чувствовалъ, что скоро упаду: принужденъ былъ вытти. Пройдя немного, я сталъ изнемогать. У меня померкло въ глазахъ и вертѣлось. Нанялъ извозчика и полумертвый вошелъ къ дядюшкѣ. Въ эту ночь до половины я страдалъ: у меня кружилось въ головѣ, какъ

бы отъ угара; я бредилъ. Но, слава Богу, по-утру проснулся опять здоровымъ. Посему я не сталъ уже пить анисовое масло.'

Послѣ такихъ приключеній, я все оставался въ прежнемъ мракѣ и меланхоліи. Можетъ быть только сіи потрясенія приостановили распространенія сей тяжелой болѣзни. Стали мнѣ совѣтовать, чтобъ я шелъ въ Марьинскую больницу. Я согласился. Въ зтотъ день, (около 20-хъ чиселъ сентября) мнѣ показалось, будто меня кто-то рано поутру будилъ, говоря: „Не лѣнись! вставай. Благовѣстятъ къ заутрени. Ступай въ Благовѣщенскую церковь“. Я зналъ, что на Тверской есть Благовѣщенская церковь; спрашиваю: „та-ли, что красная?“—Отв.—„да!“ Я проснулся, и точно благовѣстили. Я одѣлся, побѣжалъ, но Благовѣщенская церковь была заперта. Не помню, а, кажется, я побѣжалъ къ другой. Но мнѣ въ 8 часовъ надо было быть въ больницѣ. Я побѣжалъ домой. Написалъ о себѣ свидѣтельство и просилъ священника подписать. Все сдѣлано; я пришелъ въ больницу. Меня спросили о болѣзни.—Я сказалъ.—„Ученая болѣзнь! хорошо, мы тебя скоро вылѣчимъ.“ Записали. Тотчасъ въ баню. Обмыли; одѣли въ больничное платье. Помѣстили въ комнатѣ опасныхъ! Я ужаснулся; стали лѣчить; сперва для очищенія, а потомъ настоящія лѣкарства. Когда я пожаловался на комнату, въ которой меня помѣстили, думая, что меня также сочли опаснымъ: меня тотчасъ перемѣстили въ другую, сказавъ, что на первый разъ не было свободной койки между неопасными, потому и помѣстили въ опасной. Меня доктора ласкали, увидѣвъ, что я читаю Цицерона de Oratore. Ободряли, пеклись особенно отъ другихъ. Но мнѣ не помогало. Я погрузился въ ужасную тоску. Пробывъ здѣсь съ недѣлю, я рѣшительно потерялъ терпѣніе; началъ проситься, говоря, что я себя чувствую теперь хорошо. Меня уговаривали; я умолялъ. Страданія больныхъ, которыхъ въ одной моей комнатѣ было 17, ужасали меня, кругомъ слышу о болѣзняхъ и смерти. Это домъ смерти, писалъ я брату. Мнѣ самому здѣсь надобно умереть, а не излѣчиться. Дѣйствительно, по свойству моей болѣзни, больница была бы мнѣ громомъ. Мнѣ надобно было лѣчиться свободою, воздухомъ.

Черезъ восемь, иль девять дней меня выпустили. За мною

пришелъ ученикъ Моск. Семинаріи Никита, шуринъ Павла Матв. моего двоюроднаго брата. Только я вышелъ на свѣжій воздухъ, пришелъ въ какое то изступленіе, побѣждалъ бѣгомъ, какъ бы опасаясь, чтобъ меня не воротили въ больницу; смѣялся, плакалъ, былъ весь въ конвульсіяхъ. Прибѣжалъ къ дядюшкѣ, бѣгаю по комнатамъ, не могу нарадоваться свободѣ, плачу и смѣюсь. Въ самомъ дѣлѣ больница—ужасное мѣсто. При мнѣ умеръ іеродіаконъ изъ монастыря и еще нѣсколько. Видѣлъ солдата, недвижимо лежащаго, котораго надобно кормить; языка нѣтъ. Какая жалость! Спасибо сидѣлкамъ; ходятъ, не гнушаются. Есть строптивые больные; со всѣми ссорятся, всѣми недовольны. Сестры милосердія тоже попечительны: больныхъ уговариваютъ, утѣшаютъ разсказами. Чистота въ высшей степени: мнѣ перемѣняли каждый день рубашки, потому что на ночь мазали какой-то мазью. Я былъ въ церкви. Читалъ.

Побывъ немного въ Москвѣ и почувствовавъ себя лучше, я рѣшился ѣхать въ Семинарію и точно, уѣхалъ въ первыхъ числахъ Октября. Въ Семинаріи, не смотря на всѣ горести, мнѣ было легче. Я, такъ сказать, износилъ свою болѣзнь. Ректоръ не хотѣлъ, чтобъ я далѣе былъ Сеніоромъ. Меня помѣстили въ 1-мъ номерѣ съ учениками Богословія, просто, какъ частнаго человѣка. Это мнѣ было слишкомъ прискорбно. Я пожаловался о. Инспектору, и мнѣ дана комната въ старшинство, башня, что къ Лаврѣ, вверху, гдѣ жили ученики Философіи и одинъ Богословъ. Тутъ я помирился со своею жизнію. Началъ заниматься дѣлами и утѣшаться дружбою товарищей.

Въ это время я видѣлъ удивительный сонъ: я спалъ; ночь была мѣсячная. Вижу, растворяется дверь, входитъ старецъ съ длинною бородою, въ бѣлой длинной рубашкѣ—старецъ лѣпообразный; подойдя ко мнѣ, онъ меня слегка толкнулъ въ бокъ, я проснулся. „Ты спишь“, сказалъ онъ: и безпечень, а какія страшныя происшествія на землѣ: люди въ возбужденіи мятутся; пороки умножились до безмѣрности, вопль ихъ слышится на небесахъ! Скоро зашумятъ сильнѣе. Прольются рѣки крови. Ты много увидишь самъ и будешь не зрителемъ только, но тебѣ надобно будетъ дѣйствовать и спасать. Нынѣ война на церковь! и она будетъ жестока! а ты спишь и безпечень!“ Я ужаснулся отъ сихъ рѣчей, сми-

ренно ихъ выслушивая. Потомъ спросилъ меня старецъ: „что у тебя за книги на окнѣ“? Я ему ихъ пересчиталъ. „Подай мнѣ Библію“, сказалъ онъ. Я подалъ. Старецъ разгнулъ книгу и подалъ мнѣ читать. Я началъ читать; прочелъ съ полглавы. Чудные глаголы! Какая выпрeнняя необъятная премудрость! Мнѣ казалось, что я поднялся надъ землею и надъ всѣмъ человѣчествомъ столько, что мнѣ казалась земля за маленькій шаръ, а люди, какъ пылинки. Я смѣялся надъ дѣлами человѣческими. Ихъ заботы, крушенія, замыслы, начинанія, величайшія дѣла показались меньше дѣтской игры, сущими безсмысленными пустяками. То было подо мною, но надо мною и вокругъ меня какое-то безконечное море неизъяснимо утѣшительнаго, духовнаго, но мнѣ въ нѣкоемъ чувственномъ образѣ представившагося свѣта. Здѣсь я ощутилъ, что есть подлинное существенное вѣдѣніе. Я коснулся своимъ разумомъ только послѣдняго края его: вижу, что цѣлой вѣчности не достанетъ изслѣдовать и уразумѣть видѣнное. Я былъ въ блаженнѣйшемъ утѣшеніи. Глаголы Божіи, мною прочтенные, были столь крупны, что ихъ единица въ безмѣрность превосходила все, что я доселѣ на землѣ узналъ и выучилъ; что на одну мысль надобно написать столько-бы книгъ, что ихъ не вмѣстилъ бы міръ. Тутъ я подумалъ: вотъ что слово Божіе. А мы его хотимъ измѣрять своимъ разумомъ. Божіе безконечно, какъ Онъ самъ. Однако вмѣстѣ съ симъ я чувствовалъ, что все это есть видѣніе, а не бодрственное состояніе. Старецъ потребовалъ отъ меня Библію обратно. Мнѣ жаль было ее отдать, однако не смѣлъ. Я старался замѣтить листъ, на которомъ написаны прочитанные мною глаголы Божіи. Помнится, будто 8-я и 9-я главы Притчей, иль Еклезіаста; однако совершенно не припомню. Видѣніе кончилось. Старецъ отъ меня тихо пошелъ вонъ и скрылся. Въ ту минуту я точно, проснулся. Я лежалъ спокойно (а не сидѣлъ, какъ мнѣ въ видѣніи казалось) на кровати и покрытый одѣяломъ. Книжки точно лежали на окнѣ предо мною и между ними Библія въ 8-ю долю, по которой я будто читалъ. Пробужденіе было сладкое. Душа трепетала какою-то небесною радостію.

Едва я сталъ пробуждаться, тотчасъ подумалъ: „у насъ въ Государствѣ великія перемѣны. Живъ ли Государь?“ И что-жь? Это видѣніе было именно на 19 ноября, когда скон-

чался Императоръ Александръ Павловичъ. Когда пришла вѣсть о его кончинѣ, я еще болѣе умилился о дарованномъ мнѣ отъ Господа видѣніи. Такое видѣніе глубоко впечатлѣло въ душѣ моей благоговѣніе къ св. Писанію, которое, по милости Божіей, и доселѣ остается со мною. Притомъ я возблагодарилъ Господа и за то, что удостоиваюсь толикаго Его приближенія къ себѣ. Что же касается до первой рѣчи старца, то часть ея я уже вижу; остальной съ трепетомъ ожидаю, полагаясь на премудрый и благій Промыслъ Божій.

Остальную часть сего послѣдняго года я уже прожилъ мирно. О. Ректоръ, впрочемъ, не возвратилъ мнѣ своей милости; я остался отъ него отчужденнымъ, хотя впрочемъ, не было никакихъ мнѣ притѣсненій. Предъ Масленицею, о. Ректора назначили во Епископа-Викарія въ Петербургъ. Онъ былъ въ восхищеніи; радовались и сослужащіе: ибо не уважать и не любить такого достойнаго Ректора было невозможно.

Удивительно, вотъ русскія примѣты: предъ полученіемъ увѣдомленія о семъ изъ Петербурга, недѣли за полторы, появился у насъ въ классѣ хорекъ, и во время лекцій о. Ректора расхаживалъ по классу. Это было раза два, иль три. Потомъ онъ скрылся: и ни прежде, ни послѣ, его не видали. Классическая комната была вмѣстѣ и жилая и въ верхнемъ этажѣ. Хорька ни прежде, ни послѣ никто не видалъ. Толкуйте что хотите, а вышло необычайное не даромъ.

При прощаніи о. Ректора съ Семинаріею, былъ въ Виваніи праздникъ. О. Ректоръ въ послѣдній разъ служилъ въ домово́й,—Митрополичьей церкви въ Воскресенье. Мнѣ назначилъ о. Инспекторъ русскую рѣчь. Другіе писали стихи и латинскую рѣчь. Написавши рѣчь, я принесть къ о. Инспектору для прочтенія; о. Инспекторъ прочелъ и разбранилъ меня: „Дурная рѣчь! видно, что ты ненавидишь Ректора. Дуракъ! что ты за человѣкъ? какъ смѣешь сердиться на своего начальника, учителя и отца? Зачѣмъ забываешь и его къ тебѣ благодѣянія?—возьми эту, напиши другую рѣчь!“ Я почувствовалъ всю силу упрека, побѣждалъ домой, помолился Богу тайно и написалъ другую рѣчь. Эта уже очень понравилась о. Инспектору; онъ ее расхвалилъ. Я произнесъ предъ о. Ректоромъ сію рѣчь. У него слезы на глазахъ: видно.

что хоть съ сей минуты, онъ простилъ меня. (Пишу 28 іюля 1842 г. и именно въ день Ангела бывшаго моего, незабвеннаго, о. Ректора, нынѣ Архіепископа Волынскаго Никанора. Онъ теперь въ Петербургѣ въ Синодѣ присутствующій).

На мѣсто Никанора, Ректоромъ въ нашу Семинарію, опредѣленъ былъ о. Платонъ, Инспекторъ Моск. Академіи. Этотъ Ректоръ полюбилъ меня очень и трактовалъ меня, какъ перваго ученика. Посыпались на меня его милости, довѣренность его ко мнѣ чрезвычайная: такъ что и о. Инспекторъ сталъ меня подозрѣвать. О. Ректоръ хотѣлъ прочесть лекціи своего предмѣстника и для того выбралъ меня чтецомъ. Съ недѣлю я ходилъ къ нему по вечерамъ и просиживалъ у него иногда до полуночи. Тутъ много было ученыхъ рѣчей—и о. Ректоръ еще болѣе сталъ меня любить и—уважать. Это заставило спрятаться въ щель моихъ непріятелей. На перерывъ они старались заискивать себѣ мою благосклонность, опасаясь моего мщенія. Я имъ точно, отмстилъ—благодареніемъ. Не похваюсь: это Божіе. Но я многихъ изъ нихъ спасъ отъ 3-го разряда и дурного поведенія ¹⁾. Просилъ о. Ректора и о. Инспектора утѣшить сихъ несчастныхъ хорошими аттестатами и для многихъ успѣлъ.

Въ послѣднюю треть, случилось два происшествія, которыя расскажу: 1) По вызову профессора Архангельскаго, нѣсколько учениковъ собрались половить ночью рыбы въ прудахъ. Пруды сіи принадлежатъ Лаврѣ. Ученики были въ куражѣ; на нихъ наѣхалъ Лаврскій іеромонахъ Анастасій,—подъэкономъ, человѣкъ разсѣянный и нестерпимый гордецъ. Этотъ Анастасій тотчасъ приказалъ штатнымъ схватить Семинаристовъ. Семинаристы ободрились; дѣло дошло до драки. Анастасій отъ нихъ убѣжалъ къ одному штатному въ домъ и тѣмъ спасся отъ побоевъ. Поутру пріѣзжаетъ къ Ректору Намѣстникъ Лавры, жалуется на семинаристовъ и грозитъ писать къ Митрополиту. Ректоръ перепугался; сообщаетъ Инспектору, назначаетъ строгій розыскъ. По приказанію Инспектора, ученики заперлись; говорятъ: мы были дома, рыбы не ловили, не знаемъ никакихъ приключеній. Ректоръ призываетъ меня, проситъ ради Бога успокоить его и донести: кто ловилъ рыбу и кто былъ зачинщикомъ и участни-

¹⁾ Т. е. отъ аттестаціи дурной

комъ въ ночномъ дебоширствѣ. Я ему отказалъ на отрѣзъ, сказавъ, что я ничего не знаю. И дѣйствительно, тогда не зналъ ничего.

Черезъ нѣсколько времени, о. Ректоръ позвалъ меня опять и презлостно упрасивалъ меня, чтобъ я ему разскажалъ дѣло, какъ было. Въ это время я точно, узналъ порядочно, какъ происходило то происшествіе. Я сказалъ: „Если Вашему Высокопреподобію нужно это только для личнаго Вашего успокоенія, извольте, я разскажу, какъ слышу. Но я не скажу Вамъ ничего, если захотите преслѣдовать этихъ несчастныхъ рыболововъ“. Ректоръ: „Вотъ тебѣ Богъ свидѣтель, что скажешь, то останется только со мною. Не хочу мстить, хочу только себя успокоить“. Выслушавъ такое свидѣтельство, я разскажалъ, что и какъ зналъ. И что-же? Несчастный Ректоръ жестоко отмстилъ всѣмъ тѣмъ, кого я исчислилъ. Иныхъ исключилъ, другихъ замаралъ поведеніемъ. Я доселѣ объ этомъ жалѣю и не могу надивиться правиламъ человѣка, который такъ мало цѣнитъ свою клятву.

Я повинился о. Инспектору; онъ меня разбранилъ. Но я сказалъ, какъ вынудилъ отъ меня тѣ рѣчи о. Ректоръ. Я просилъ о. Инспектора, сколько можно, спасти тѣхъ семинаристовъ. Полагаю, что онъ имъ помогъ. Ибо иначе Ректоръ ихъ всѣхъ отправилъ бы въ Губернское. 2) Въ Вознесеніе пріѣхалъ въ Виѣанію о. Ректоръ Академіи Поликарпъ. Онъ любилъ купаться. Зазвалъ съ собою нашего Ректора, Инспектора и профессоровъ. Накупавшись досыта, они развеселились; позвали семинаристовъ и заставили ихъ себя потѣшать. Я обо всемъ этомъ слышалъ и жалѣлъ, что наши начальники предъ нами дѣтскими обнаруживаютъ свою слабость. Однако я оставался въ сторонѣ. Уже поздно вечеромъ, одинъ семинаристъ, найдя меня, разскажалъ все безобразіе семинарскихъ потѣхъ и, изъ жалости къ начальникамъ, просилъ, чтобъ я приберегъ начальниковъ и разогналъ семинаристовъ. Я тотчасъ побѣжалъ на мѣсто веселія. Вижу, что оба ректора, почти безъ чувствъ, валяются по землѣ. а предъ ними танцуютъ и пляшутъ удалые семинаристы, припѣвая плясовыя пѣсни. Половина семинаристовъ были такъ же пьяны. Я нашелъ о. Инспектора. Спросилъ его: „Не прикажете-ли семинаристовъ разогнать, а васъ проводить до

келій?“ О. Инспекторъ обрадовался и просилъ ради Бога спасти ихъ отъ позора. Онъ бѣдняжка дрожалъ: былъ выкупанъ во всей одеждѣ. Отобравъ нѣсколько благонамѣренныхъ, остальнымъ семинаристамъ я приказалъ сейчасъ убираться въ Семинарію. Спасибо, семинаристы послушались, а мы взяли обоихъ Ректоровъ и другихъ немощныхъ и на рукахъ донесли до келій. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Но семинаристы уже выпросили на другой день рекреацію. Я просилъ старшихъ уговорить семинаристовъ,—чтобъ они не раздражали болѣе смятенной совѣсти начальниковъ; провели бы рекреацію тихо. Самъ я весь день оставался въ комнатѣ, для того, чтобъ быть примѣромъ другимъ. Не смотря на это, нашлись шалуны, которые дурачились и именно были пьяны, что и узвано было о. Инспекторомъ.

Вечеромъ, послѣ ужина, по обыкновенію, мы старшіе пришли къ о. Инспектору съ рапортами о благосостояніи семинаріи. Инспекторъ былъ мраченъ, напиралъ и на меня. Я рѣзко отвѣчалъ, считая себя слишкомъ заслужившимъ не суровость отъ начальниковъ, а благодарность. Но я былъ со сна. Голосъ мой хрипѣлъ. Глаза были темны. Инспекторъ подумалъ, что я пьянъ; я не догадался о его подозрѣніяхъ.

На другой день, то была суббота, послѣ обѣднѣй классъ повтореніе историч. уроковъ, а Исторіи профессоръ—Инспекторъ. Онъ прибѣжалъ въ классъ раздраженнымъ. На ту бѣду я не пришелъ въ классъ. Послѣ обѣда я любилъ уснуть; меня не смѣли побудить: я спалъ. Спрося, гдѣ я, Инспекторъ послалъ за мною. Пришелъ ученикъ Зерновъ—будить меня, говоря, что меня требуетъ Инспекторъ. Я, полагая, что Зерновъ меня обманываетъ, чтобъ отвязаться отъ него, говорю: „Скажи, что не иду“. Зерновъ пришелъ во второй разъ; тутъ я узналъ, что тутъ нѣтъ шутокъ, тотчасъ вскочилъ, собрался и вошелъ въ классъ. Инспекторъ прямо на меня; спрашиваетъ урокъ. Хорошо я не могъ отвѣтить. Онъ, изругавъ меня, велѣлъ сѣсть на послѣднемъ мѣстѣ. Мнѣ это слишкомъ было больно. Послѣ класса, я прихожу къ Инспектору объясниться: онъ не принимаетъ. Я требую настоятельно. Вышелъ Инспекторъ. Дрожа отъ досады, я объяснилъ Инспектору, сколько сдѣлалъ добра для сохраненія ихъ чести и какъ я нынѣ вовсе невиненъ. Мы помирились.

Наконецъ, настало мое окончаніе курса въ Семинаріи. Митрополитъ Филаретъ производилъ испытанія въ Академіи. Мы ждали его къ себѣ въ гости. Митрополитъ остороженъ и загадоченъ: напередъ ничего не скажетъ. Нашему о. Ректору сказалъ уже вечеромъ, что онъ завтра у насъ будетъ на экзаменѣ. Ректоръ пріѣхалъ въ Семинарію опрометью; тотчасъ за мною; меня нѣтъ. Послали пол-семинаріи искать меня повсюду. Я былъ въ деревнѣ (Аванасовѣ) съ версту, иль побольше отъ Семинаріи. Нашли. Я почувствовалъ, что требуюсь для важнаго дѣла, бросился бѣгомъ, снялъ сапоги. Запыхавшись, я прибѣжалъ къ воротамъ монастыря, обулся и вошелъ въ монастырь тотчасъ, надѣясь отдохнуть, пока доложить обо мнѣ Ректору. Но онъ—тутъ и есть!—Съ ужасомъ (смѣшно!) меня извѣщаетъ, что завтра на экзаменѣ будетъ митрополитъ. У меня немножко было въ головѣ, отвѣчаю: „Не беспокойтесь, о. Ректоръ, мы уроки знаемъ славно, зададимъ пыли Его Высокопреосвященству (это собственныя мои тогдашнія слова)“. Ректоръ усмѣхнулся; просилъ, умолялъ меня, чтобъ мы твердили уроки.

Митрополитъ назначилъ присутствовать на нашемъ экзаменѣ о. Ректору Академіи; не велѣлъ себя дожидаться, обѣщаясь пріѣхать къ 11-ти часамъ. Въ 9 часовъ начали экзаменъ: отвѣчали живо; спрошенъ былъ и я.

Ѣдетъ Митрополитъ. Начальники бросили экзаменъ; побѣжали къ воротамъ встрѣчать Митрополита. Подѣхалъ Митрополитъ; отворили карету: не выходитъ. Вышелъ. Наши начальники, низко поклонясь, идутъ къ благословенію. Митрополитъ пошелъ мимо ихъ. Вошли въ залу; пропѣли молитву. Сѣлъ! Вотъ рѣчи Митрополита: „зачѣмъ вы бросили свое дѣло и побѣжали навстрѣчу мнѣ? развѣ я не зналъ, что вы занимаетесь дѣломъ? Развѣ я не сказалъ вамъ, что я буду къ 11-ти часамъ? Зачѣмъ вы выбѣжали? Грабить меня хотѣли, что-ли? иль подумали, что я пріѣхалъ васъ грабить?“ Такое начало ужасно насъ смутило.

Поданъ конспектъ. Митрополитъ спрашиваетъ съ перваго момента и именно меня. Ректоръ подбѣжалъ говорить: „это было пропущено моимъ предмѣстникомъ“.—„Зачѣмъ же ты поставилъ въ конспектѣ?“ Ректоръ замолчалъ. Вопросъ былъ о шестидневномъ сотвореніи міра. Эта статья точно была опущена. Мы ее не учили. Я почти сталъ въ тупикъ. На-

чать: „Deus creavit totum hunc mundum sex dierum spatio“—и остановился, прибирая далѣе мысли и слова. Митр., полагая, что я оробѣлъ, спросилъ: „quare?“ Ректоръ, думая мнѣ помочь, подбѣжалъ и шепчетъ мнѣ на ухо: „quare? quare?“—мнѣ было крайне досадно; сбивалъ меня и смѣшилъ. Я что-то сказалъ; Митр. посадилъ. Послѣ меня пошли статьи уже выученныя; мои товарищи отвѣчали бойко. Такимъ образомъ мое пророчество Ректору сбылось. Точно, задали пыли, но—кромѣ меня! Такъ Господь посмѣвается самонадѣянности!

Впрочемъ это мнѣ нисколько не повредило. Я имѣлъ счастье хорошо отвѣчать на вопросы Митрополита и, кажется, и въ сіе время былъ удаченъ. Меня назначили въ Академію вмѣстѣ съ двумя другими: Иваномъ Вас. Платоновымъ Холмогоровымъ и Павломъ Сем. Модестовымъ. Такъ кончилось мое ученіе въ Семинаріи.

Скажу о Виѣніи и окрестностяхъ ея.

Основаніе монастырю и Семинаріи сей положилъ Митрополитъ Платонъ. Мѣстоположеніе здѣсь холмисто и перекрещено оврагами, въ которыхъ текутъ очень маленькія ручейки. Вся сія земля, кажется, принадлежала Лаврѣ. (Впрочемъ немного наръзано и отъ обывателей). Митрополитъ устроилъ огромную, каменную плотину немного пониже соединенія трехъ ручьевъ, изъ коихъ одинъ идетъ изъ Пассада, другой отъ деревни Аѳанасовой слѣва и третій отъ Корбуха справа. Запертая такимъ образомъ вода скопилась въ огромный прудъ, иль озеро съ версту въ діаметрѣ.

Противъ сего же пруда поставлена Семинарія, а вровень съ плотиною монастырь. Возвышенность, на которой монастырь и Семинарія, вся покрыта лѣсомъ-березами; часть сихъ деревьевъ уже очень древняя, а больше—средняго роста. Прудъ отъ Семинаріи и монастыря на западъ, а съ востока, отъ сѣвера къ югу, бѣжитъ изрядная рѣчка, имѣющая со стороны Семинаріи высокій и крутой берегъ. Эта рѣчка есть граница, отдѣляющая Московскую Губернію отъ Владимірской.

Къ сѣверо-востоку отъ Семинаріи, меньше, чѣмъ въ верстѣ за сею рѣчкою, село Глинково—Владимірской губерніи. Здѣсь былъ кабакъ, куда несчастные семинаристы хаживали

пить вино (грѣшенъ и я!), это въ шутку мы называли „путешествіемъ за Евфратъ“. Не безъ бѣдъ бывало такое путешествіе. Инспекторъ насъ сторожилъ, и не дешево расплачивался попавшійся семинаристъ. На югъ отъ Семинаріи и монастыря широкою грядою на версту тянутся прекрасныя, березовыя, очень чистыя рощи, пересѣкаемыя небольшимъ полемъ, огородами и слободкою штатныхъ служителей. На сѣверъ и сѣверо-востокъ тоже березовыя рощицы, узкою полосою по скату берега къ прудамъ расположенныя. Тутъ есть и прекрасныя луга.

Съ версту отъ Семинаріи, на сѣверо-востокъ, огромный садъ, иль роща то же березовая, называемая Корбуха. Этотъ садъ насажденъ Митрополитомъ Платономъ. Съ трехъ сторонъ онъ былъ огражденъ кирпичною, въ 1½ сажени стѣною; четвертая прислонялась къ лѣсу, называемому Исакиевская роща. Корбуху въ срединѣ отъ сѣверо-востока къ юго-западу разрѣзываетъ прекрасный прудъ. Корбуху отъ Виѣанской земли отдѣляетъ большая дорога, идущая изъ г. Александрова въ Сергіевъ Посадъ.

Покойный Митр. Платонъ весьма любилъ сію рощу. Здѣсь былъ построенъ прекрасный лѣтній домъ. Здѣсь любилъ онъ съ семинаристами и съ ихъ учениками гулять. Тутъ бывала музыка, гимнастическія игры, даже театръ, составлявшійся обыкновенно изъ тѣхъ же учителей и семинаристовъ. Піесы для театра составляли сами г.г. ученые, они вѣрно были простодушно-забавны. Здѣсь не было и запаха женщинъ. Эта была простая игрушка, очень милая и совершенно невинная. Такія гулянья обыкновенно бывали въ Майѣ, когда, по старинѣ, давались ученикамъ рекреаціи.

Покойный Митр. Платонъ былъ въ душѣ поэтъ и по собственному характеру и, кажется, по духу того времени. Тогда, въ Царствованіе Императрицы Екатерины, весь дворъ и во всѣхъ поступкахъ своихъ былъ сущая поэзія и театръ. А Митрополитъ былъ законоучителемъ сперва Императора Павла, потомъ Александра. Слѣдс., наглядѣлся на все.

Сперва Митрополитъ основалъ монастырь и назвалъ его Впечанію, кажется, потому, что воображалъ Сергіеву Лавру, отъ которой Виѣанія въ трехъ верстахъ,—Іерусалимомъ. И точно, Виѣанія отъ Іерусалима находится въ подобномъ разстояніи.

Въ монастырѣ одна церковь очень замысловатая и совершенно особенная. Она кругло-овальна, имѣетъ видъ корабля, въ серединѣ, на югъ и сѣверъ прямой выступъ, что дѣлаетъ подобіе креста. За алтаремъ особая, впрочемъ соединенная съ церковью, какъ бы часовня, для ризницы: это еще болѣе уподобляетъ церковь кораблю; ибо теперь восточная часть церкви есть—носъ, а западная (которая тупѣ восточной) есть корма корабля. Но особенно примѣчательна церковь внутри. Входите: предъ вами гора, какъ бы натуральная: тутъ растутъ деревца, кустики, травка, мохъ, текутъ ручейки. тутъ и заяцъ въ норѣ. Налѣво на гору входъ, какъ бы натуральный: перекладины изъ сухихъ тычинокъ съ сучками (онѣ впрочемъ желѣзныя и выкрашены подъ дерево). Направо хорошая деревянная лѣстница. На горѣ главный алтарь — Преображеніе Господне. Алтарь есть сущій цилиндръ, который съ верху вѣнчается короною. На подзорахъ, надъ мѣстными образами разставлены разноцвѣтныя хрустальныя, разныхъ фигуръ, вазы: въ нихъ ставились свѣчи, иль стаканчики съ деревяннымъ масломъ; видъ дѣлалъ восхитительный. На мѣстныхъ образахъ Преображенія и Божіей Матери (Купятицкой — въ крестѣ) повѣшены брилліантовые кресты, вѣроятно съ клобука Митрополита. У алтря на правой стѣнѣ высокой живописи образъ Трехъ радостей, налѣво въ параллель — шитый Императрицею Марією Ѳеодоровною образъ Благословенія І. Христомъ еврейскихъ дѣтей. Картина прекрасная. Внизу два стиха: „Благословляетъ васъ Христосъ, птенцы незлобны; о если бы и мы могли вамъ быть подобны!“

По окончаніи горы, вровень съ площадію алтаря кругомъ церкви, хоры на столбахъ, устройство очень красивое и легкий вкусъ. Хоры направо и налѣво начинаются двумя какъ бы башенками пирамидальной фигуры; съ боковъ огромныя зеркальныя стекла—по одному въ каждой. Это прообразъ двухъ сѣней для Моисея и для Іліи (см. Матѳ. 17. 4).

Внутри горы другой алтарь: Воскрешеніе Лазаря. Для входа въ церковь сію сдѣлана дверь какъ бы вырытая изъ земли и церковь будто пещера. Направо и налѣво въ сію же гору также двери—поменьше. Справа кладовая, а стѣва могила Митрополита Платона. Это умирительно. Больше 25-ти лѣтъ онъ былъ живъ послѣ сего и смотрѣлъ на свою

могилу. Надъ могилою большая бронзовая выпуклая доска: на ней могильный крестъ и надпись, кто тутъ погребенъ.

Въ этой же пещерѣ, противъ могилы Митрополита, стоитъ гробъ, въ коемъ обрѣтены нетлѣнные мощи Преподобнаго Сергія. Гробъ совершенно крѣпкій изъ дубовыхъ досокъ. Его грызутъ богомольцы зубами. Алтарь храма праведнаго Лазаря простенькій съ выпуклостію посерединѣ. Иконы писаны на рубчатыхъ доскахъ. Рубцы вызолочены. Сей храмъ очень маленькій и низкій. Онъ теплый; здѣсь обыкновенно служатъ зимою.

На юго-западной сторонѣ монастыря—домъ Митрополичій въ два этажа: низъ каменный; верхъ деревянный. Внизу келіи: двѣ монашескихъ, кухня и прочія принадлежности. Въ верху комнаты Митрополита, онѣ не велики: зала малая и большая, гостинная: только парадныхъ комнатъ. Зала украшена богатыми портретами Императора Павла (въ юношествѣ), Потемкина, самаго Митрополита на 50-мъ году его жизни и проч. Малая гостинная простенькая, но большая изящная и великолѣпная. Примѣчательны: паркетъ изъ дорогихъ деревъ, мозаическіе столы, такія же картины и еще что-то. Стулья старинные въ бронзѣ, съ богатыми подушками. На юго-востокъ, въ концѣ корпуса, домовая церковь Сошествія Святаго Духа. Квадратная зала, выкрашенная густо голубцемъ. Въмѣсто карниза по стѣнамъ кругомъ большими печатными золотыми буквами написано: Истинніи поклонницы поклонятся Отцу Духомъ и Истиною и проч. Іоан. 4, 23. 24. Въмѣсто иконостаса—занавѣсъ, на которомъ съ правой стороны вышита Богородица, съ лѣвой Арх. Гавріиль. Лики написаны. Впрочемъ передъ занавѣсомъ легкій балюстрадъ деревянный, на которомъ поставлены два образа: на правой сторонѣ Спаситель, пишущій на землѣ (см. Іоан. 8, 3 сл.); на лѣвой Сошествіе Святаго Духа. Оба сіи образа въ кружкахъ за стекломъ. Изображенія съ золотомъ съ чернью. На престолѣ ковчегъ изъ яшмъ, сердоликовъ и ониксовъ, говорятъ, подаренъ французскимъ королемъ Людовикомъ XVIII. Два подсвѣчника (на престолѣ же) мраморные. Въ этой церкви бывало служивалъ о. Ректоръ по зимамъ и тутъ же мы говѣли на первой недѣлѣ поста. Ученики обыкновенно стояли въ залѣ и въ передней, кромѣ пѣвчихъ

Виванія есть мѣсто погребенія Лаврскихъ монаховъ. Подъ симъ предлогомъ и выпрошена у Императрицы Екатерины. Императоръ Павелъ, а послѣ, кажется, и Александръ были здѣсь у Митрополита и монастырь возвели во 2-й классъ. Для сего поставленъ эмблематическій памятникъ противъ спальни Митрополита. При входѣ въ комнаты Митрополита, на крыльцѣ написано: „Господь сохрани твое вхожденіе Твое и исхожденіе твое“. Это пріятно и поучительно. Спальня Митрополита маленькая, почти темная, кровать желѣзная съ навѣсомъ, вѣроятно для занавѣса. Здѣсь въ рамкахъ два письма къ нему отъ Александра и Константина Павловичей, когда они были князьями, кажется, еще въ отрочествѣ. Писаны по линейкамъ крупно. Простыя выраженія уваженія къ Митрополиту. Потолокъ въ спальнѣ зеркальный. Затѣпливо и, мнѣ кажется, безпокойно.

Теперь о Семинаріи.

Семинарія выстроена отъ монастыря на сѣверъ саженьяхъ въ 70-ти. Планъ ея довольно фантастическій. Она имѣетъ видъ замка. Лицевая сторона на западъ, обращенная къ пруду, имѣетъ въ срединѣ аудиторію, иль публичную залу въ верхнемъ и библіотеку въ нижнемъ этажѣ. Это зданіе выходитъ на нѣсколько изъ фасада корпуса и имѣетъ овальную фигуру. Лицевой корпусъ обоими концами соединяется съ двумя корпусами на сѣверъ и югъ посредствомъ башенъ, которыя поставлены на углахъ. Сѣверный и южный корпуса также оканчиваются башнями. Остальная часть площади Семинаріи замыкается полукружіемъ, разсѣченнымъ въ срединѣ дорогою въ Семинарію. Въ сихъ полукружіяхъ направо и налѣво семинарскія службы. У входа въ Семинарію поставлены два пирамидальные столба, подобные тѣмъ, что на заставахъ. Вверху, на перемычкѣ, соединяющей сіи столбы, устроенъ какъ бы фонарь, иль домикъ: тутъ повѣшенъ звонокъ.

Внутри Семинаріи и снаружи между двумя этажами устроены были деревянные, на столбахъ хоры, крытыя тесомъ. Это служило мѣстомъ отличнымъ для прогулокъ и для сообщенія со всею семинаріею изъ каждой комнаты.

Въ библіотекѣ семинарской до 2,000 томовъ и книги

драгоцѣнныя. Жаль, что ихъ не читають ни семинаристы, ни учителя. Первымъ не даютъ, послѣдніе лѣнятся.

Зала, иль аудиторія убрана очень пріятно. По стѣнамъ ея вверху поставлено семь алебастровыхъ бюстовъ: впереди Спаситель, по сторонамъ Апостолы и Святители. Надъ ними нѣсколько изреченій изъ Св. Писанія золотыми буквами. Въ задней части залы—хоры. На нихъ поставленъ органъ—очень изрядный. На немъ обыкновенно играли въ экзаменъ священныя пѣсни.

Кромѣ того по стѣнамъ были развѣшаны въ большихъ рамкахъ программы диспутовъ, бывавшихъ при Митрополитѣ. Онѣ всѣ на атласѣ. Нѣкоторыя печатаны, а больше писаны. Каждый листъ непременно имѣетъ какую нибудь свою аллегорію, въ самыхъ затѣйливыхъ эмблемахъ. Каѳедра очень фигурна и легка; передняя часть въ видѣ выгнутого налоя, съ обоихъ сторонъ входъ. На передней части написанъ человѣкъ: у него въ рукахъ зажигательное стекло, вверху солнце. Человѣкъ стекломъ симъ зажигаетъ полусухое дерево и оно дымится; вверху надпись: „Свѣтъ отъ свѣта“. Комнаты жилия всѣ очень простыя, даже, кажется, не штукатуренныя. Въ Семинаріи кромѣ семинаристовъ, никого не жило. Ректоръ жилъ въ монастырѣ, въ Митрополичьихъ комнатахъ. Для профессоровъ выстроенъ порядочный двухэтажный корпусокъ, близъ монастыря. Кромѣ того, послѣ Митрополита оставался еще деревянный домъ, внѣ монастыря, похожъ на господскій. Въ немъ, говорятъ, жила племянница Митрополита. И въ этомъ корпусѣ жили профессора. Тутъ же было правленіе и больница.

По выходѣ моемъ изъ Семинаріи, здѣсь выстроенъ другой огромный корпусъ, на сѣверъ отъ Семинаріи. Теперь уже здѣсь всѣ классы, тутъ живетъ и Ректоръ и прочіе. Этотъ корпусъ уже новаго простого стиля. Въ прежней семинаріи, кажется, теперь живутъ одни семинаристы.

Зимою жизнь въ Виѳаніи очень скучна. Дорога къ Семинаріи маленькая; кругомъ снѣга; народу нѣтъ: суцая пустыня. Но лѣтомъ здѣсь весьма весело. Гулянье по лѣсамъ, лугамъ, полямъ, оврагамъ,—отлично пріятное, для ученыхъ уединеній—множество мѣстъ. Птички распѣвають. Въ прудахъ вода для купанья. Богомольцевъ очень много, именно лучшаго класса, которые помнятъ Митр Платона и изъ

уваженія къ его памяти посѣщаютъ его заведенія и его гробницу. И къ семинаристамъ прїѣзжаютъ родные и знакомые всѣхъ сортовъ. Напр., у меня матушка бывала почти ежегодно.

Для прогулки и развлеченія мы изрѣдка хаживали въ Посадъ и Лавру. Иногда семинаристы шалили, напивались пьяные; но больше хаживали для покупки бумаги и проч. и иногда помолиться въ Св. Лаврѣ.

Хаживалъ и я; и помню, какъ утѣшала меня святѣйшаго и благоутѣпнаго Лавры. Были и такія времена, что я утромъ рано вставши, бѣгалъ въ Лавру, чтобъ отслушать раннюю обѣдню и послѣ опять приходилъ въ Семинарію къ 8 часамъ утра. Это были блаженныя минуты благочестія. Къ сему приводили меня мои горестныя, а иногда и радостныя обстоятельства. Я былъ будто не на землѣ, когда слушалъ обѣдню въ Троицкомъ Соборѣ, гдѣ почиваетъ угодникъ Божій—Преп. Сергій. Я его дважды видѣлъ во снѣ и съ утѣшеніями. Были прекрасныя времена моей юности, когда я вечеромъ, гуляя съ другомъ, велъ разговоры высоко-утѣшительные. Моя душа нерѣдко бывала необыкновенно высока; меня слушали съ утѣшеніемъ. И горестныя мои обстоятельства я дѣлилъ съ друзьями. Вообще мои прогулки были совершенно невинныя и даже примѣчательно-значущія. Благодарю Бога, что лучшія лѣта моей юности проведены въ невинности съ утѣшеніями ума и сердца. Я учился у хорошихъ учителей и науки возвышали мою душу. Часто я восхищался ученіемъ. Сочинять любилъ и часто былъ доволенъ своею работою.

Теперь о моихъ учителяхъ и начальникахъ.

Въ словесности: 1) Иванъ Иванов. Лилеевъ. Студентъ 1-го Петербургской Академіи курса, профессоръ. Этотъ г. профессоръ примѣчательнѣе для меня всѣхъ и сдѣлалъ мнѣ больше всѣхъ добра. Онъ училъ насъ словесности по Бургію. Переводилъ, толковалъ, прибавлялъ индѣ изъ Рижскаго, изъ Лещинскаго и только. И было прекрасно. Особенно онъ много дѣлалъ намъ добра, критикуя наши экспромты, произносимыя въ классѣ; тутъ мы видѣли, что умъ и что глупость, гдѣ языкъ и гдѣ нѣтъ его.

Иногда онъ занималъ насъ переводами классическихъ латинскихъ писателей. Мы переводили рѣчи Ливія, Курція, Цицерона, плачь Овидія. Ив. Ив. великій знатокъ латинскаго языка: онъ намъ показалъ сокровище его и силу. Я ему обязанъ. Онъ отличный педагогъ. Умѣлъ кстати и поощрить, и наказать. Велъ себя отлично благородно, хотя совершенно безъ тщеславія и гордости. Былъ великій мастеръ говорить изящно, безъ изысканности.

Много споспѣшествовали нашимъ познаніямъ: 1) такъ называемыя выписки и Excerpta. Это статьи изъ книгъ русскихъ и латинскихъ, которыя мы должны каждую недѣлю выписать, а латинскую и перевести, а притомъ то и другое наизусть выучить. 2) Прокламація, т. е. произнесеніе съ кафедръ. Это было въ субботу вечеромъ. Говорили 6 учениковъ по очереди. Латинскія рѣчи и стихи переводились и переводы ихъ читались съ кафедръ. Сими упражненіями мы приобрѣтали языкъ и прокламацію. Не шутка—я въ Академіи отличался произношеніемъ проповѣдей и нынѣ, по милости Божіей, слишкомъ много имѣютъ значенія мои проповѣди. А благодарность моя—главно—Ив. Ив. Лилееву.

Ив. Ив. Лилеевъ изъ отличныхъ студентовъ Академіи (взятъ въ Академію изъ Моск. Семинаріи и родомъ Московскій). Онъ имѣлъ несчастіе въ Академіи примѣшаться къ мятежникамъ, возставшимъ на эконома Академіи; или, какъ говорятъ другіе, за какія то романическія похожденія лишень степени магистра, которой заслуживалъ, оставлень студентомъ и однако въ Виѣніи тотчасъ получилъ право профессора. Долго онъ былъ въ Виѣніи, именно, съ 1815, иль 16 по 1830 иль 31 годъ. Слѣдст., 15, иль 16 лѣтъ. Послѣ былъ вытѣсненъ отсюда глупымъ Ректоромъ. Онъ поступилъ во Владимірскую Семинарію на Словесность же. И здѣсь пробылъ 10, иль 11 лѣтъ. Нынѣ онъ себя уволилъ самъ по немощамъ. Я его видѣлъ во Владимірѣ въ 1835 г., проѣзжая въ Вятку. Онъ уже поникъ и ему тягостно было содружество съ ребятами, т. е. профессорами, которые въ 2 раза и болѣе были его моложе и глупѣе и притомъ и надмѣяны не по уму. Я ему писалъ изъ Петербурга, приглашая написать учебную книгу для Словесности; онъ отказался скромно.

2) Николай Вас. Щуцкій. Товарищъ Ив. Ив. Лилеева. Ма-

гистръ, профессоръ Исторіи, изъ малороссовъ. Странный человекъ! не умѣлъ интересоваться своими уроками никого. Ходить по классу и говорить для себя. Ученики шумятъ, уроковъ не учатъ. Онъ не взыскиваетъ. Этотъ человекъ въ Семинаріи былъ даромъ: онъ былъ и секретарь. Черезъ 4 года онъ вышелъ и теперь, кажется, служить въ Петербургѣ свѣтскимъ и—плохо.

3) Трофимъ Ивановъ. Платоновъ, профессоръ Исторіи (на мѣсто Щуцкаго), магистръ 2 го Моск. Академіи курса. Человекъ съ ревностію, въ характерѣ горячъ, воспитанія мужицкаго и съ дурью. Онъ однако заставилъ насъ учиться Исторіи, и мы кое-что знали. Нынѣ онъ въ Москвѣ священникомъ. Давно овдовѣлъ. Жена его, къ несчастію, дѣвочка избалованная, воспитана на танцахъ и театрѣ и, кажется, была влюблена въ актера; вышла за нашего чудака и—умерла тоскою. Я изъ любопытства постарался быть у Троф. Ив.; былъ, видѣлъ его жену на закатѣ дней ея: она сидѣла въ креслахъ, кругомъ обложенная подушками. Чудны судьбы! Кого править и винить, право не знаю.

Въ философіи. 4) Яковъ Семеновичъ Платоновъ, магистръ 3 го курса Моск. Академіи. Онъ вступилъ въ профессію вмѣстѣ съ нашимъ вступленіемъ въ среднее отдѣленіе. Помню, вступая въ свою должность, онъ намъ говорилъ рѣчь по-латынѣ и припоминаю одну мысль и слова: *ego, ut meis defectibus descendatis*“. Профессоръ былъ очень умный: большой мастеръ толковать. Онъ меня точно познакомилъ съ философіею. Направленіе умствованія солидное. Былъ религіозенъ; ни отнюдь не касался какими-нибудь сомнѣніями, иль пререканіями истинъ священныхъ. Только удерживалъ насъ отъ неумѣстныхъ богословствованій, приговаривая: „погодите, будетъ время, когда будете богословствовать. Теперь напрягайте свой разумъ. Имъ пытайте доказывать свои мысли“. Онъ не имѣлъ пристрастія ни къ кому; уважалъ по достоинству.

Года черезъ три онъ еще въ Виѣніи женился. Взялъ дочь Московскаго священника. Я ее видалъ раза два, иль три близко, а больше издали. Говорятъ, что жена его была злая женщина и безчувственная, Бѣдняжка, Яковъ Семеновъ скоро вышелъ изъ Виѣніи, получилъ мѣсто священника въ Москвѣ въ приходѣ Ивана Воина, что на Якиманкѣ. Былъ священ-

никомъ почтеннымъ; его любили, но онъ имѣлъ горькую страсть—пьянство. Не знаю: онъ ли вовлекъ въ тоже жену свою, или сама она была къ тому склонна, только они оба стали пить много—до позора. Тутъ пошли семейныя огорченія. Они оба умерли одинъ послѣ другого чрезъ мѣсяць, или меньше. Сперва жена, а потомъ онъ. Однако, они имѣли дѣтей двоихъ, или троихъ. Дѣти какія то корявыя, вѣроятно отъ безпорядковъ супружеской жизни и наслажденій (Это мужьямъ и женамъ твердо помнить должно. Наслажденіями супружескими нужно пользоваться во время, съ чистымъ тѣломъ и свѣжею головою). Этотъ Яковъ Семен. родной братъ моего учителя въ Училищѣ Алексѣя Семеновича.

5) Филиппъ Филипповичъ Измайловъ магистръ 2-го курса Моск. Акад. профес. Математики. Тоже умный благородный и заботливый профессоръ. Я былъ цензоромъ на его классѣ. Особенной ласки онъ ко мнѣ не показывалъ, но видно было, что цѣнилъ мое ученіе по его классу. Былъ весьма солиденъ и терпѣливъ противъ лѣности, шума и проч. учениковъ. Изъ себя никогда не выходилъ. Пробывъ на профессіи въ Виенѣ лѣтъ 8, онъ вышелъ, уѣхалъ въ Петербургъ и нашелъ себѣ мѣсто секретаря въ Св. Синодѣ. Здѣсь служилъ лѣтъ 12 именно по осень 1840 года. Съ сего времени переведенъ въ Тифлисъ прокуроромъ Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, гдѣ находится и донинѣ. Въ Петербургѣ я съ нимъ сблизился. Я бывалъ у него нерѣдко и онъ у меня бывалъ. Отличный человѣкъ, но вытѣсненъ изъ Синода за то, что умѣе всѣхъ и прямъ, какъ благородный человѣкъ. Недавно я ему послалъ черепаховую табакерку и онъ меня благодарилъ письмомъ (въ началѣ августа 1942 года).

6) Николай Ив. Архангельскій магистръ 6-го курса С.-Петербургской Академіи, профессоръ Исторіи и Еврейскаго. Я у него немного поучился по-еврейски. Плохой учитель, довольно нетрезвъ, коваренъ и дурнаго сердца. Я его не любилъ. Онъ нынѣ гдѣ-то въ Москвѣ священникомъ.

Теперь Инспекторы: 1) Павелъ Николаевичъ Наумовъ, старшій кандидатъ 1-го Петерб. Академіи курса, профессоръ Философіи и Инспекторъ. Я у него не учился (онъ вышелъ до моего перехода въ Философію). Сказывали, что былъ не-

далекій наставникъ. Но—Инспекторъ былъ грозный и наблюдательный. Семинаристы его боялись ужасно. Какъ мальчикъ, я былъ имъ и ласкаемъ, но какъ преступникъ, я не разъ попадалъ его гнѣву. Однако, онъ былъ разсудителенъ: умѣлъ цѣнить и преступленіе и характеръ. Онъ меня ввелъ въ грѣхъ. Въ благодарность (кажется) за то, что онъ не наказалъ меня жестоко за мое преступленіе (я напился пьянъ до безчувствія, и онъ меня въ семь положеніи видѣлъ. И не смотря на клеветы на меня, которыми одинъ дурной мой товарищъ хотѣлъ увеличить мое преступленіе, онъ наказалъ меня только стояніями на колѣняхъ въ столовой), онъ потребовалъ себѣ отъ меня услуги, именно, чтобъ я секретно доносилъ ему: всѣ ли ходятъ профессора въ классъ, въ свое ли время приходятъ и уходятъ. Помню, какъ это ненавистное порученіе было для меня убійственно: однако, я долженъ былъ его исполнять. Впрочемъ, оттягивая болѣе и болѣе, наконецъ, я вовсе пересталъ сіе дѣлать, не безъ досады Пав. Николаевича. Вотъ только здѣсь, за всю мою жизнь, я былъ точно, ябедникъ. Но думаю, что невольный грѣхъ простится. Павелъ Ник. женился и взялъ за себя молоденькую, какъ травочку, дѣвицу. Онъ былъ ужасно ревнивъ и тѣмъ положилъ свою жену въ гробъ. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ дочекъ, которыхъ воспитывала его сестра, жена священника въ Москвѣ при Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Отъ скорби и тоски Павелъ Ник., вышедши изъ Семинаріи, уѣхалъ въ Петербургъ: тамъ гдѣ-то служилъ. Но скоро умеръ, простудившись.

8) (). Иеронимъ іеромонахъ, магистръ 1-го курса Моск. Академіи. Онъ сперва у насъ былъ только профессоромъ Церковной Исторіи и Греческаго. потомъ, по выbytіи Пав. Ник., сдѣланъ и Инспекторомъ. Чудный и жалкій человекъ! Онъ порядочно зналъ свои предметы и былъ вообще не глупъ. Это *fatuus* по-латынѣ. Не умѣлъ вовсе обойтись съ семинаристами: смѣшилъ своею нетолковитостію. Напр. 1) два семинариста, родные братья, оба Извольскіе, младшій Петръ, старшій Сергій; онъ сто разъ спрашивалъ и все сбивался, называя старшаго Петромъ, а младшаго Сергѣемъ. 2) По порученію Правленія ему нужно было объявить ученику Герасиму, что онъ, какъ сынъ священника, можетъ оставаться и на полукошѣ (онъ былъ на пономѣ), особенно потому,

что, по случаю перевода изъ Училища учениковъ въ Семинарію, умножилось число бѣдныхъ. О. Іеронимъ не умѣлъ сего порученія исполнить хорошо. Онъ позвалъ ученика и, спросивъ его, на какомъ онъ содержаніи, изругалъ его: какъ онъ смѣлъ быть на полномъ коштѣ. Много и другихъ глупостей. Онъ скоро отъ насъ былъ взятъ. Его сдѣлали Ректоромъ въ Орловск. Семинаріи. Тамъ вышли странныя бѣды: Инспекторъ зарѣзлся; ученики сожгли семинарію. О. Іеронима уволили отъ Ректорства. Онъ былъ просто Архимандритомъ въ монастырѣ. Однако ему опять кто-то выхлопоталъ Ректорство въ Вятской Семинаріи. Тамъ онъ былъ 6 лѣтъ. Послѣ вызванъ на чреду въ Петербургъ и тамъ скончался. (Я его по Вяткѣ преемникъ. Буду говорить еще).

9) О. Θεодотій Іеромонахъ, магистръ 6-го курса Петерб. Академіи. Онъ поступилъ на мѣсто о. Іеронима. Этотъ человекъ и съ познаніями и съ характеромъ. Жаль, имѣетъ одну слабость: жестокую вспыльчивость. Бѣда, если разгорячится, тогда готовъ на все. Это его и конфузило. По горячности однажды онъ приказалъ наказать розгами служителя. Служитель въ самомъ ли дѣлѣ, иль притворился умирающимъ; и это дѣло его сконфузило. Митрополитъ Моск. Филаретъ его не любилъ. Чрезъ 6 лѣтъ онъ былъ посланъ Ректоромъ въ Уфимск. Семинарію, оттуда лѣтъ чрезъ 5 въ Рязань; послѣ былъ на чредѣ и затѣмъ поставленъ Епископомъ—Викаріемъ въ Новгородъ въ 1837 году, гдѣ и находится донынѣ. Онъ меня любилъ и любитъ. Я его уважаю доселѣ. Въ Семинаріи онъ отличалъ меня отъ всѣхъ. И—не похваюсь,—онъ не ошибался.

Теперь Ректоры: 1) Никаноръ Архимандритъ Москов. Высокопетровскаго монастыря. Онъ поступилъ на Ректорство въ Виѣанію изъ Намѣстниковъ Троицкой Лавры въ 1818 г., именно въ то время, какъ я переведенъ въ Семинарію. Такого Ректора другого я не видалъ. Вотъ его отличительныя свойства: сердцемъ мягокъ и нѣженъ, оттого отлично благотворителенъ, попечителенъ по дому службы безъ лицемерства, отмѣнно правосуденъ въ разборѣ дѣлъ, умѣлъ держать себя въ попечительномъ отдаленіи отъ сослужащихъ, особенно младшихъ; умѣлъ пріобрѣсти рѣшительную важность въ Семинаріи: одно око о. Ректора уже повелѣвало всѣмъ. Я пользовался отличными его милостями, но еще

испыталь и гнѣвъ его—горькій, хоть незаслуженный. О семъ писано выше. О. Ректоръ отъ насъ позванъ въ началѣ 1826 года въ Петерб. и тамъ произведенъ во Епископа—Викарія Петербургскаго. Отсюда онъ переведенъ во Епископа въ Калугу, изъ Калуги въ Минскъ Архіепископомъ, изъ Минска въ Житомиръ. На сей 1849 г. онъ позванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

11) Платонъ, Архимандритъ того-же монастыря, магистръ I-го курса Моск. Академіи. Это былъ жалостный человѣкъ. Ума недалекаго, но съ большими претензіями на знаніе. Характеромъ—ужасно подозрительный. Я при немъ былъ недолго съ масляницы до іюля. Онъ меня полюбилъ и отличилъ отъ всѣхъ: это было мнѣ отраднo послѣ моихъ бурь. Однако, какъ я замѣтилъ, что его благосклонность сомнительна въ томъ отношеніи, на добродѣтели ли она основана, я сталъ тяготиться его благосклонностію. Поступокъ его со мною безсовѣстный описанъ выше. Я его внутренно уничтожилъ. Однако онъ не переставалъ любить меня. Изъ Виѣннѣи онъ былъ взятъ въ Кіевскую Академію въ Ректора. Но онъ уже въ послѣдней степени имѣлъ чахотку: едва доѣхалъ до Кіева и тамъ скончался. Началъ онъ службу въ Моск. Академіи, гдѣ тотчасъ по окончаніи курса сдѣланъ былъ бакалавромъ и Инспекторомъ. Послѣдняя должность его сокрушила: онъ ее ложно понималъ. Разставлялъ свои уши для всякаго вздора, отчего всегда былъ смущенъ. Былъ слишкомъ взыскателенъ; не умѣлъ хладнокровно перенести иногда грубаго отпора отъ студента. Слишкомъ важничалъ надъ студентами и оттого вызывалъ на грубость. По смѣшному заблужденію хотѣлъ, чтобъ студенты были сущіе монахи (разумѣя подъ монашествомъ одну плаксивость и безотчетное послушаніе), оттого губилъ людей весьма достойныхъ, которые имѣли свободный характеръ. Въ Виѣннѣи его добила постройка корпуса въ Семинаріи. Тутъ столько его напрасныхъ скорбей, столько обидъ ему отъ другихъ и другимъ отъ него! Здѣсь раскрылась чахотка! Но и въ мое время онъ былъ желтъ въ лицѣ, изъ рта прескверно пахло. У него и тогда была цынготная болѣзнь. Жаль его: я его поминаю.

Мое ученіе въ Московской Академіи.

(1826—1830 годы)

Ученіе въ низшемъ отдѣленіи.

(1826—1828 годы).

Въ Академію я явился очень поздно. Слѣдовало быть къ 15-му августа; я явился 29-го вечеромъ. Причиною просрочки было желаніе видѣть блестящее торжество Коронаціи Государя Николая Павловича. Я осмѣлился дожидать сіе торжество, а послѣ продлить еще нѣсколько дней для шитія какого-то платья. Я не видалъ самой Коронаціи. Объ этомъ не смѣлъ и помыслить. Москва преисполнена была людьми. Сѣхалась вся знать Россіи. Какое множество иностранцевъ должностныхъ (посланниковъ и проч.) и простыхъ посѣтителей! На день Коронаціи Кремль былъ запертъ. Я потолкался у Никольскихъ воротъ и не могъ пройти: не пустили. Я пошелъ къ Троицкимъ (кажется) воротамъ. Въ сіи ворота въѣзжала въ Кремль знать, имѣвшая право—присутствовать при Коронаціи. Здѣсь я наглядѣлся на блестящія экипажи и на людей, особенно женщинъ, осыпанныхъ драгоценными камнями. Послѣ того, я гулялъ въ Кремлевскихъ садахъ и въ самомъ Кремлѣ, гдѣ была изумительная иллюминація. Она продолжалась три дня; Кремль весь былъ облитъ огнями. Весьма красиво иллюминированъ былъ Иванъ Великій. Онъ былъ въ разныхъ огняхъ и около главы препоясанъ огнями такъ, что какъ бы лавровые листья, иль зубцы отгибались отъ столпа колокольни и дѣлали изъ нея будто корону.

Не разъ бывалъ я на разводахъ; видѣлъ Государя съ генералами. Видѣлъ посланниковъ въ фантастическихъ Гомеровскихъ костюмахъ. Видѣлъ дѣтей Государя. Насытилось око видѣніемъ.

Въ Академію пріѣхалъ я предъ всенощнымъ. Явился къ Инспектору; онъ немножко побранилъ. Далъ текстъ на разсужденіе; „законъ пѣстунъ нашъ бысть во Христа и проч.“ съ тѣмъ, чтобъ на другой день къ обѣду подать. Я пошелъ ко всенощной; послѣ легъ спать. Поутру немного написалъ и подалъ. Былъ и устный экзаменъ по Богословію, въ залѣ, вмѣстѣ съ другими. Все хорошо; я принятъ и началъ учиться.

Скучно мнѣ было, что Инспекторъ помѣстилъ меня въ проходной комнатѣ (въ № 11) и съ дурными товарищами

Это были Рязанскіе студенты: вольница. Одинъ Вятскій — пьяница и два Пермскихъ—сущіе медвѣди. Я тяготился такимъ сообществомъ потому, что былъ вѣчный шумъ, хоть, дурачества.

Послѣ Рождества меня перевелъ однако Инспекторъ во внутреннюю сосѣдную комнату (12 №). Здѣсь я успокоился; тутъ жили Калужане и одинъ Казанскій пріемилый студентъ. Но здѣсь былъ пьяница старшій. Здѣсь я постарался сблизиться съ моими товарищами и успѣлъ, мы другъ друга любили.

25-го сент. въ день Преставленія Преподобнаго Сергія, послѣ коронаціи, Государь, по обычаю предковъ Его, пожаловалъ въ Лавру на богомолье, съ супругою, съ матерію, Михайломъ Павлов. и супругою его. Государь пріѣхалъ въ 3, иль 4 часа пополудни. Народу было множество. Встрѣчалъ Митрополитъ во Св. вратахъ съ монахами. Мы были разставлены въ двѣ линіи у баллюстрады. Государь съ правой, а Императрица съ лѣвой стороны вели подъ руки Императрицу Марію. Государь величественный, полный думъ; Государыня томная женщина; Матерь Ихъ важная и мужественная старуха. Государь съ Государыней остановились въ залахъ конференціи Академической; Марія Ѳеодоровна въ комнатахъ Митрополита. Мих. Павл. съ супругою у Намѣстника, иль у казначея. По верху нашихъ академическихъ корпусовъ размѣстились придворные; тутъ была и графиня Орлова.

Государь, въ сопровожденіи Митрополита, былъ въ Академической залѣ, въ столовой, въ библіотекѣ, и въ нѣсколькихъ комнатахъ. Говорилъ съ Митрополитомъ ласково. Государю поднесены были Митрополитомъ стихи, писанные студентами на сей день. Государь пробылъ въ Лаврѣ ровно сутки. На другой день уѣхалъ въ 3, иль 4 часа—пополудни, отстоявъ обѣдню. Послѣ сего мы уже начали ordinarily учиться и размѣстились какъ слѣдовало.

Въ низшемъ отдѣленіи я учился довольно прилежно. Увидѣвъ, что изъ товарищей моихъ, собравшихся изъ 17 семинарій, есть и умнѣе и даровитѣе меня, я увидѣлъ яснѣе свои недостатки и позаботился по возможности дополнять недостающее. Я записался на нѣмецкій языкъ: но такъ какъ я въ семинаріи ему не учился, а грамматику твердить въ

Академіи залѣнился, то и бросилъ сей языкъ. II доселѣ я его не знаю, хотя нѣсколько разъ принимался учиться. По гречески я захотѣлъ учиться; обратилъ вниманіе и точно, успѣлъ изрядно. Баккалавръ былъ умный. По математикѣ я учился безъ ревности, однако порядочно. Я хорошо зналъ ее въ Семинаріи. Психологію слушалъ, уроки писалъ и училъ, но логику бросилъ. Какой-то сонный Баккалавръ. Ничего нельзя удержать въ памяти, что говорилъ. Да и лекціи были очень не богаты.

Метафизику слушалъ со вниманіемъ, но нравственную пересталъ слушать. Профессоръ (Теодоръ Александровичъ Голубинскій) съ прекраснымъ философскимъ направленіемъ, но лѣнивъ, а оттого не твердъ въ своемъ порядкѣ, преподавалъ эклектически, безъ связи и часто вовсе не занимательно.

Исторію философіи я слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Баккалавръ былъ отличный, мастеръ преподавать. Ясно, логически, безъ дигрессій, словомъ преподавалъ мастерски. Но расширивъ слишкомъ преподаваніе и тратя бездну времени въ повтореніяхъ, онъ едва успѣлъ дойти до новой философіи, что и было бы весьма интересно. Но тутъ мы уже не слышали ничего.

По общей Словесности профессоръ просто даромъ ѣлъ хлѣбъ. То-ли лѣнился, то-ли не умѣлъ сдѣлать интереснымъ свой предметъ. Но мы его не слушали и онъ не обижался.

Въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ я написалъ разсужденія четыре, иль 5. 2 изъ нихъ примѣчательны: 1) о предчувствіяхъ. Это разсужденіе заинтересовало и Баккалавра. Оно у меня въ черномъ цѣло. 2) Объ отношеніи Рационализма Платонова къ Интеллектуализму Аристотеля. Это разсужденіе довольно пространно. Хорошо сихъ философій я не зналъ, но въ общемъ восхищался идеализмомъ Платона и уничижалъ интеллектуализмъ Аристотеля. И это разсужденіе въ чернѣ цѣло. Его профессоръ не читалъ. Не помню, какія я тогда читалъ книги. Немножко почиталъ Платона: это помню. Кажется еще Сенеку, Тацита, Горація.

Изъ низшаго отдѣленія въ высшее я перешелъ въ первомъ разрядѣ и десяткѣ. Не смотря на мои упущенія по нѣкоторымъ классамъ, нашли, что я стою того, что дали. А я, смотря ближе на сотоварищей, видѣлъ, что немного мнѣ и равныхъ, а лучше себя право, кажется, не видалъ, по

крайней мѣрѣ во всѣхъ частяхъ. Въ продолженіи первыхъ двухъ лѣтъ умерли два студента несчастно: 1) Михаилъ (позабылъ фамилію) изъ Калужскихъ. Въ воскресенье (онъ, кажется, не былъ у обѣдни) онъ передъ обѣдомъ выпилъ водки, видно много; пошелъ обѣдать, обѣдалъ, вышелъ, пошелъ въ свою комнату, на дорогѣ упалъ и испустилъ духъ. Жалостная смерть! поучительна и удивительна! Трудно разгадать ея причины. Студентъ былъ веселый, живой, лѣтъ 20-ти. Я не видалъ его смерти; это случилось послѣ Крещенія вскорѣ. Я былъ въ Москвѣ. Пріѣхалъ на похороны и поступилъ въ 12 № на его мѣсто. 2) Павелъ Семеновичъ Модестовъ, мой товарищ присный, изъ Виѣанскихъ. Братъ Якова и Алексѣя Семенов. Миролюбовыхъ—моихъ учителей. И этотъ умеръ тоже внезапно. Былъ публичный экзаменъ; мы оканчивали (кажется) курсъ въ низшемъ отдѣленіи. Модестовъ былъ прилеженъ, уроки училъ, но, пришедши въ залу, горевалъ, опасаясь конфуза на экзаменѣ. „Я“, говорилъ онъ: „сегодня видѣлъ страшный сонъ. Такихъ не видывалъ“. Сна онъ не рассказаль. Не знаю: спрашивали-ль его на экзаменѣ; только экзаменъ вообще проведенъ благополучно. Павелъ Сем. послѣ обѣда, кажется, подгулявши, пошелъ въ Виѣанію. Тамъ подбавилъ еще; купался на Корбухѣ и, возвращаясь въ Академію, у самага Посада, на поворотѣ къ нашей слободкѣ, упалъ и—испустилъ духъ! Мы пришли отъ всемогнущаго; я лежалъ на кровати. Мимо нашихъ оконъ бойко промчались дрожки. Я встрепенулся. Выбѣжали на крыльцо: и насъ поразили вѣстію, что Модестовъ скончался. Я бросился въ его комнату; онъ положенъ на кровати: будто живой. Меня объялъ ужасъ. Кровоупусканіе не дѣйствовало: изрѣзали обѣ руки, не пошло крови ни капли. На погребеніи были оба его брата и мать: посылали за ними въ Москву. Царство ему небесное! Но чуденъ былъ этотъ Павелъ Семен. Онъ бранилъ и ненавидѣлъ цѣлый міръ. Жестоко бранилъ особенно жестокосердныхъ своихъ братьевъ. Бывало, я старался умягчить его: не уговоришь. У него видно была какая-нибудь скрытная болѣзнь, иль злая ипоходрія. Онъ былъ въ тѣлѣ, и въ лицѣ свѣжъ и румянъ. Я говорилъ надъ нимъ рѣчь

Въ сіе время, именно въ Генварѣ 1827 года, моя сестра Александра была выдана въ замужество за Амвросія Вас. Это меня успокоило. Я былъ на сей церемоніи и дождался

даже пока его произвели во священники. Амвросій писалъ мнѣ предъ симъ, въ Октяб. иль Нояб., что онъ едва удерживается, чтобъ отказаться отъ сестры. И ему отвѣтили то же, что и прежде, т. е., грозилъ гнѣвомъ Божиимъ. Онъ остановился и въ концѣ Ноября получилъ мѣсто. Въ первую вакацію я былъ у него, на его мѣстѣ. Онъ былъ въ селѣ Мячковѣ—Луковѣ, Коломенскаго уѣзда, отъ Коломны верстахъ въ 10. Село прекрасное; народъ богатый; нѣсколько храмлетъ на старообрядчество, но вообще набоженъ и богатъ. Было и раскольниковъ домовъ 60; но все же оставалось православныхъ домовъ 150, иль больше. И къ нему пришелъ съ батюшкою, къ храмовому ихъ празднику Успенію. Прекрасно; мнѣ все понравилось. Священника почитаютъ. Я былъ въ одномъ домѣ крестьянскомъ. Меня окружили: начали со мною состязаться. И есть изъ нихъ не дураки. И порадовался его житію.

Мы съ Амвросіемъ съѣздили къ 2 товарищамъ, которые по сосѣдству были священниками. 1) Павелъ Лебедевъ. Этотъ бѣдняжка взялъ за себя 40-лѣтнюю дѣвицу, обольстясь мѣстомъ и родствомъ съ Андрониковскимъ Архимандритомъ Гермогеномъ. Эта невѣста родная сестра Гермогену и наслѣдница родительскаго ихъ мѣста. Не знаю, кого здѣсь винить больше. Глупъ семинаристъ, что рѣшился взять совершенно отцвѣтшую женщину; глупа и женщина, что рѣшилась вытти за человѣка, котораго она почти вдвое старше: глупѣе ихъ всѣхъ— братъ, что содѣйствовалъ такому неравному браку. Послѣдствія вышли, какихъ надо было ждать. Лебедевъ сталъ пить и волочиться за молоденькими; жена его съ досады тоже пьянствуетъ. И домъ ихъ—сухая темница. Я весьма пожалѣлъ ихъ. (Былъ у сего Лебедева я и въ другой разъ, года черезъ 3. Мои опасенія вполне оправдались. Онъ уже безъ стыда имѣлъ молоденькихъ и пилъ. Жена его тоже стала пьяница. Дѣтей у нихъ нѣтъ). 2) Никаноръ Покровскій. Этотъ счастливъ. Жена его молоденькая, какъ травочка, премилая собою, не капризная, уминица. Тутъ я пришелъ въ другую досаду. Мнѣ было жаль, что такой милый цвѣточекъ сорванъ такимъ чудачкомъ. И точно, этотъ Покровскій, при умѣ очень недалекомъ, какой то взбалмошный (говоря по-московски), опрометчивый, пусто-смѣхъ, мужикъ, чувствованій низкихъ и горѣлку тянеть

крѣпко. И собою—какая то бѣловолосая кукла. Эта миленькая женщина крѣпко меня полюбила. Даже готова была уступить мнѣ частицу своихъ брачныхъ восторговъ. И не смѣлъ (уже я замышлялъ о монашествѣ!). Но впрочемъ, отъ сихъ сценъ, и отъ разгоряченія воображенія виновными парами, мое сердце закипѣло; я зарыдалъ, рыданіе усилилось до того, что я сталъ изнемогать. Впрочемъ, меня уклали, я уснулъ и окрѣпъ. Кажется, ту женщину зовутъ Марья Платоновна. Отъ Амвросія Вас. я отправился домой съ батюшкою и сестрою Марьею, которая тутъ гостила доселѣ. При разставаньи я горько плакалъ и самъ не знаю, о чемъ. Мнѣ видно было, что Амвр. не будетъ хорошо жить съ сестрою (это скоро и оправдалось). И насъ онъ принялъ довольно холодно. Но, кажется, при наполненной виновными парами головѣ и малыя досады дѣлаются большими. И плакалъ отъ досадъ.

Тутъ я видѣлъ два ужасныхъ зрѣлища: 1) одинъ мужикъ опился. Мы ходили смотрѣть. Лежитъ черный, какъ котелъ. Дочь замужняя упала, подходя къ нему, и начала бѣситься. 2) Женщину сѣкли кнутомъ, за покушеніе отравить пасынка. Женщина лѣтъ 30; ей дано только 3 удара, однако она къ вечеру умерла. Ужасная сцена! отъ перваго удара у нея подкатился весь животъ къ груди; два послѣдніе удара были, уже такъ сказать, по животу. Каждый разъ въ ту жъ минуту багровѣлъ и дѣлался чернымъ. Ужасная сцена!

Этотъ мой Амвр. Вас., проживъ въ селѣ Мячковѣ немного побольше года, въ Великомъ постѣ пріѣхалъ ко мнѣ, умолялъ меня, чтобъ я согласился на выходъ его изъ сего села, для перехода въ другое, по его рѣчамъ, несравненно лучшее село. Сколь ни странно показалось мнѣ его желаніе, сколь я его не убѣждалъ оставить такія затѣи, грозя и гнѣвомъ Божиимъ и прогнѣваніемъ Митрополита (ибо что можно было представить въ резонъ для перехода изъ прежняго прекраснаго села?): Амвросій только просилъ, чтобъ я написалъ отъ него просьбу Митрополиту. И написалъ и не въ формѣ бумаги, а въ видѣ письма. Оно написано съ чувствомъ и видво сильно. Помню, въ оправданіе малодушія просителя, я воспользовался тѣмъ, что Св. Григорій Богословъ отказался отъ Архіерейства въ плохомъ городѣ Куманакъ, куда его хотѣлъ произвести св. Василій Великій. Паче чаянія,

наша просьба возымѣла дѣйствіе. Отказано 30-ти; Амвросію даво просимое мѣсто, гдѣ онъ и находится до нынѣ.

Но его Богъ постигъ великими скорбями на семь мѣстѣ, безъ сомнѣнія, въ наказаніе за его строптивость, гордость и маловѣріе (по крайней мѣрѣ я такъ думаю). Первая бѣда: открылись жестокія сомнѣнія въ разсужденіи вѣрности его къ женѣ. Въ томъ селѣ оставалась прежняя попадья вдова, женщина еще молодая. Я не знаю, правъ, или виноватъ Амвросій. Но это несчастіе едва не положило во гробъ его жену, мою матушку и помрачило жестоко его самого. Онъ получилъ испуги. Вторая бѣда: его вѣчныя ссоры и съ сосѣднимъ духовенствомъ и въ духовномъ правленіи и со своимъ причтомъ и съ прихожанами. Это жалостный человѣкъ. Не разъ я принимался его убѣждать. Не внемлетъ; даже однажды обезчестилъ и меня самого самымъ пасквильнымъ письмомъ. Ужасно жаль его, но мудро помочь (2 сент. 1842 г. Одесскій монастырь).

Первые два года въ Академіи мною прожиты безпечально. Занимался кое-чѣмъ по учености, но больше лѣнился, тяготясь жизнію воспитательною. Хотѣлось дѣйствовать. Жду не дождусь окончанія курса. На окончательномъ экзаменѣ былъ Митрополитъ. Я жестоко скакнулся; вотъ почему. Экзаменъ былъ два дня. Меня спросили въ 1-й день по Метафизикѣ. Кое-какъ я отвѣтилъ, однако, не худо. На другой день я пришелъ только посмотрѣть на экзаменъ. Полагалъ, что не буду спрошенъ (такъ увѣряли меня и Баккалавры). Случилось не такъ. Меня (съ 2-мя другими) спросили 1-го—изъ Исторіи Философіи. Надобно было отвѣчать объ Анаксагорѣ, Анаксимандрѣ и Анаксименѣ. У меня не прочитано. Помню, что одинъ полагалъ за начало вещей—воду, другой—воздухъ, третій что-то еще. Надобно было отвѣчать связно и послѣдовательно, при томъ по латынѣ. Я не могъ сказать ничего. Митрополитъ подивился, подумалъ, что я испугался; не бранилъ: отпустилъ. Но мнѣ было и стыдно, и досадно остаться дуракомъ. Надобно было еще отвѣчать по Физикѣ. Спасъ Богъ. Не дошла чередъ. И тутъ опять бы я переконфузился. Статья была объ электричествѣ. Я не видалъ опытовъ, слѣдовательно, опять сталъ бы въ пень.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Ж И З Н Ь

архимандрита Никодима Казанцева.

(Окончаніе).

Ученіе въ высшемъ отдѣленіи.

1828—1830 годы.

На вакацію, по окончаніи ученія въ низшемъ отдѣленіи Академіи, я приглашенъ былъ на родину къ княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Меньшиковой, моей матери крестной, для обученія ея сына и дочери закону Божію, Грамматикѣ Русской, Ариѳметикѣ. Я былъ весьма тому радъ, особенно оттого, что зналъ, что это послужить къ великому утѣшенію и ободренію моимъ родителямъ, уничиженнымъ и умаленнымъ. Такъ и случилось. Точно, мои родители воскресли и крестьяне ради меня стали весьма почитать и моихъ родителей. Я училъ сына ея Владиміра 15 лѣтняго и дочку Александру 11 лѣтнюю. Владиміръ—тупой и избалованный барченокъ; Александра—острая и живая дѣвочка. Они учились у меня играючи; однако я имъ сдѣлалъ много добра. Тутъ я увидѣлъ, какъ глупы доселѣ наши вельможи. Дядька князенька нѣмецъ—мѣщанинъ Митавскій,—не имѣющій никакого образованія, кромѣ что умѣетъ по-нѣмецки читать и писать. Французъ съ женою старики, люди и въ старости вѣтренные; только не глупъ, но несносно гордъ былъ англичанинъ. Несмотря на то, что я былъ учитель дѣтей княгини, я былъ отребіе, и меня трактовали не лучше лакея. Надобно было терпѣть. За вакацію дано мнѣ 100 рублей. На нихъ я сшилъ себѣ суконную шинель, которой не имѣлъ доселѣ. Я пробылъ у княгини до конца Августа, слѣдств., въ Академію явился поздно.

Судя по тому, что я переведенъ былъ въ высшее отдѣленіе, кажется, въ первыхъ пяти, я полагалъ, что буду почетнѣе должностію старшаго. Случилось не такъ. Я остался рядовымъ, можетъ быть и потому, что явился поздно. Маленько однако я поскучалъ. Меня опредѣлили въ 1-й № комнатъ. Я былъ доволенъ. Сотоварищество прекрасное (половина прежнихъ, съ которыми я жилъ первые 2 года). Старшій — почтенный: это Ив. Васил. Холмогоровъ-Платоновъ, Виеанскій мой товарищъ, пріобрѣтшій себѣ неотъемлемое право 1-го студента регулярнымъ занятіемъ по всѣмъ классамъ, зрѣлостію ума и солиднымъ поведеніемъ. Первую треть я живо принялся за ученіе. Сталъ ходить на всѣ классы и показалъ, что и я могу быть и съ поведеніемъ и съ успѣхами.

На Рождество я ѣздилъ въ Москву. Здѣсь со мною было 2 приключенія. Первое. Со священникомъ Павломъ Андр. Левитскимъ, моимъ двоюроднымъ братомъ, мы были вечеромъ у моей тетки просфорницы въ приходѣ въ Драчахъ. Мы оба были маленько нетрезвы. Тутъ я по неосторожности и совершенно неожиданно сдѣлался причиною ссоры съ жильцами тетки, столь жестокой, т. е. ссоры, что едва не дошло дѣло до схватки. Не знаю, какъ мы спаслись. А за такую исторію я могъ бы потерять свою голову. На другой день я благодарилъ Бога, что спасся. Вотъ причина къ ссорѣ. Мы пришли къ теткѣ: ея нѣтъ. Брату Павлу захотѣлось напиться. Я пошелъ въ кухню попросить воды. Тутъ вбѣжалъ постоялецъ, дерзко закричалъ: что я за человѣкъ и какъ осмѣлился войти. Я сказалъ, что я племянникъ хозяйки дома и взошелъ попросить воды. Вотъ вся моя вина. Дерзкій постоялецъ (чиновникъ, служащій въ Почтамтѣ) едва меня не ударилъ, а послѣ расшумѣлся столь жестоко, что мы едва ушли. Безумный человѣкъ могъ бы насъ опозорить, кликнувъ полицейскихъ. А мы къ несчастію были не совсѣмъ трезвы. Второе: это приключеніе лучше умолчать: однако оно меня такъ трясло, что я рѣшился, не отлагая времени, поступить въ монашество (пишу 10 окт. 1842 г.).

Пріѣхавши въ Академію изъ Москвы, я серьезно занялся мыслию о монашествѣ. Мое желаніе было всегдашнее — быть монахомъ. Теперь я не о томъ думалъ: итти, или нѣтъ въ монахи, а о томъ, теперъ итти, или по окончаніи курса.

И думалъ, если пойду я въ монахи по окончаніи курса, то я не узнаю монашество въ низкихъ его степеняхъ. Тогда я тотчасъ буду Инспекторомъ какойнибудь Семинаріи и профессоромъ. Меня будутъ почитать и бояться, а я буду самъ себѣ господинъ. Гдѣ-жъ тогда монашеское уничиженіе, послушаніе и малость. Нѣтъ! пойду въ монахи сей-часъ, пока я еще студентъ. Тутъ я буду подъ начальствомъ, будучи самъ ничто. Тутъ я увижу и испытаю, что такое монахъ съ одною рясой, безъ имени. Последняя мысль побѣдила. Съ мѣсяць я походилъ въ церковь, помолился и, перекрестясь, написалъ просьбу и подалъ. Это, помнится, было 6-го Февр. въ 1829 году. Мнѣ тогда было немного побольше 25 лѣтъ.

Я пришелъ съ просьбою къ Инспектору Архимандриту Евлампію (нынѣ Епископу въ Орлѣ). Инспекторъ шелъ къ Ректору. Спросилъ бѣгло, какую я имѣю нужду. Я подалъ ему просьбу. Прочелъ и разсѣянно мнѣ сказалъ: „Подумали ли вы? Не напрасно-ли вы это затѣваете? Я бы не совѣтовалъ“. И тотчасъ меня отпустилъ, взявши однако просьбу.

Такой ледяной пріемъ человѣка, рѣшающаго судьбу цѣлой жизни, меня удивилъ. Однако дѣло уже начато. Я не имѣлъ счастья нравиться Инспектору, можетъ быть и потому, что я самъ не имѣлъ къ нему нисколько уваженія и въ мысляхъ былъ вовсе съ нимъ не сходенъ. Конечно, этого прямо я не смѣлъ обнаруживать, но, вѣдь: лицо есть зеркало души. Кто хочетъ, прочтетъ и увидитъ въ семъ зеркалѣ много. И же отъ природы совершенно простъ и открытъ.

Не знаю, въ тотъ ли же день, иль спустя нѣсколько, о. Инспекторъ вечеромъ позвалъ меня къ себѣ. Не помню, говорилъ ли онъ мнѣ что-нибудь, но помню: онъ пересчиталъ мою просьбу и велѣлъ мнѣ снова переписать. Чудный человѣкъ! У меня было написано: „имѣю желаніе поступить въ монашество: 1) по любви къ уединенію; 2) по любви къ ученію“. О. Инспекторъ поправилъ: „хочу поступить въ монашество для внутренняго самоочищенія“ и проч. (кажется, это собственныя его слова).

Теперь всякій видитъ, почему я не могъ уважать Инспектора. Пустыя грезы и мечты у него были—дѣйствительность. Однако я не смѣлъ отказаться, переписалъ просьбу по-его и принесть. Ее послали въ Петербургъ. Я ждалъ рѣшенія не-

терпѣливо. Прошло недѣль 7 и—пришло рѣшеніе. О. Инспекторъ призвалъ меня къ себѣ и велѣлъ готовиться. Явился портной съ экономомъ, сняли мѣрку и тотчасъ сшито было все монашеское платье. Меня постригли за литургіею въ 5-е воскресенье великаго поста. Съ вечера я ходилъ исповѣдаться къ духовному отцу Іеромонаху Иринею, старцу древнему и строгому (онъ уже скончался). Возвратясь отъ него, я слушалъ всенощное въ залѣ о. Ректора съ прочими. Потру я ушелъ въ главную залу, чтобъ тамъ помолиться и надѣть длинную монашескую рубашку. Тутъ были студенты; однако скоро ушли. Я молился оцѣпенѣлый предъ образомъ Покрова Пресв. Богородицы. Просилъ ея покрова на будущую новую жизнь. Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Сердце мое дрогнуло. Завернувшись въ шинель, я пошелъ въ трапезную церковь (гдѣ обыкновенно была Академическая служба). До времени малаго выхода, мнѣ дали келью трапезнаго. Я тутъ былъ одинъ. Мнѣ велѣли для себя прочесть часы. Предомною слѣдованная Псалтирь. Я прочелъ умиленно. Въ кельѣ было большое зеркало. Я взглянулъ и испугался себя самого: былъ блѣденъ, какъ полотно. Пришли за мною со свѣчами: о. Инспекторъ и экономъ Іеромонахъ Палладій. Я сбросилъ шинель, остался въ одной рубашкѣ, какъ мертвецъ. Вышелъ въ столовую. Мнѣ велѣли предъ образомъ Спасителя положить 3 поклона. Потомъ одѣли меня справа и слѣва мантиями; я пошелъ закрытый согбенный. Пѣвчіе запѣли умиленно: „Объятія Отца отверсти ми потщися“. У меня полились слезы рѣкою. Въ продолженіе всего постриженія я плакалъ навзрыдъ и измочилъ слезами все монашеское одѣяніе.

О. Ректоръ, Архимандритъ Поликарпъ (онъ уже скончался, царство ему небесное!) былъ очень чувствителенъ. Онъ постригалъ почти всегда со слезами. Это еще болѣе меня трогало. Кончилась церемонія; меня поставили у образа Спасителя. Въ продолженіе литургіи я началъ успокаиваться и постепенно приходилъ болѣе и болѣе къ какой-то истинно не земной радости. Меня причастили. Послѣ литургіи, по обычаю, я былъ порученъ о. Инспектору, яко духовному отцу. Послѣ, съ пѣніемъ стиха: „Познаимъ, братіе, таинства силу“ и пр. меня повели вонъ изъ храма, въ Троицкій Соборъ къ мощамъ Угодника Божія Сергія. Затѣмъ я приведенъ былъ

въ свою келлію, которая была уже обитаема двумя сотова-рищами монахами и третьимъ священникомъ (пишу 24 окт. 1842 г.).

Въ день постриженія студента о. Ректоръ обыкновенно дѣлалъ у себя обѣдъ. Меня позвали на обѣдъ съ прочими моими сомонахами. Я былъ уже веселъ, какъ дитя. Выпилъ рюмку какого-то вина. За обѣдомъ о. Ректоръ разсказалъ, почему онъ назвалъ меня Никодимомъ. Въ эту ночь у него ночевалъ Ив. Ив. Лилеевъ, профессоръ Словесности Виѣанской Семинаріи (они съ о. Ректоромъ по Академіи товарищи). О. Ректоръ сказалъ Лилееву: „Завтра у насъ постриженіе; будемъ постригать студента Казанцева. Онъ вѣрно твой ученикъ?“ Ив. Ив.—„да!“— „Чѣмъ ты его помнишь?“—Ив. Ив.: „Кроткій дѣтиска! помнится, однажды въ Великую Субботу онъ очень хорошо читалъ непорочны за заутренею“. О. Ректоръ: „Пусть же будетъ онъ Никодимъ во имя праведнаго Никодима, служившаго при погребеніи Спасителя“. За такое объясненіе спасибо. Мнѣ мое имя очень нравится. Когда я служу литургію, то всегда цѣлую Антиминсъ (въ Херувимскую), вижу праведнаго Никодима у ногъ Спасителя и тѣмъ умиляюсь. О, если бы это умиленіе меня спасло отъ грѣховъ моихъ!

Послѣ обѣда о. Ректоръ вынесъ книжку и благословилъ ея—на память постриженія. Это Псалтирь, съ его надписью. Я ее храню и она меня спасла отъ многого! О. Ректоръ сказалъ: „Наши отцы говорили: пусть лучше солнце остановится отъ своего теченія, нежели умолкнетъ Псалтирь отъ чтенія“. Послѣ о. Ректоръ мнѣ вручилъ подрясникъ, присланный мнѣ на благословеніе отъ Митрополита Филарета. И этимъ я былъ очень утѣшенъ. Я храню его и хочу сохранить какъ можно долѣе. Вотъ мое постриженіе! для меня оно сдѣлало въ жизни важную эпоху. 13 слишкомъ лѣтъ прошло съ того времени, и сколько событій сладкихъ и горькихъ было со мною!

Слѣдующая недѣля поста по нашему была еще учебная. Я не ходилъ въ классъ, а ходилъ въ церковь. О. Инспекторъ прислалъ мнѣ выговоръ и требовалъ, чтобъ я ходилъ въ классъ: я отказался. Опять видно: что это за человѣкъ. Ну, Богъ съ нимъ! Мои товарищи и друзья студенты отъ меня отделились, уважая мой санъ: я увидѣлъ, что уже я

не ребенокъ. Я постриженъ 31 Марта 1829 года. Съ того времени, до прїѣзда въ Лавру Митрополита, я былъ монахомъ. 5 іюля, въ день Преп. Сергія, Митрополитъ положилъ меня во Іеродиакона. Благодать Діаконства меня восхитила: я радовался, какъ дитя.

Занявшись полною душою дѣломъ своего монашества, я вовсе потерялъ изъ виду мои обязанности студента: учился очень лѣниво и на классы даже ходилъ не ко всѣмъ учителямъ. Этого я теперь жалѣю, но уже не воротить!

2-й годъ моего ученія въ Высшемъ отдѣленіи былъ лучше: я кое-чѣмъ занимался. Писалъ проповѣди, и онѣ были очень одобряемы. Особенно помню одну: на день Введенія. Я говорилъ „о младенчествѣ духовномъ“, описывая оное, какъ высочайшее совершенство характера Христіанскаго. О. Ректоръ усумнился было одобрить мою проповѣдь, но когда услышалъ ее отъ меня въ церкви, благодарилъ меня за нее. Я тамъ понялъ младенчество въ чертахъ незлобія, безпритворства, довѣрчивости, простоты и протолковалъ о высшихъ поступкахъ, въ какихъ христіанинъ обнаружилъ бы оныя съ величайшимъ совершенствомъ.

Въ послѣднюю треть года я занялся сочиненіемъ разсужденія о дѣвствѣ христіанскомъ. Это разсужденіе едва не положило меня въ могилу: въ полтора мѣсяца, ходя притомъ въ классы и исправляя огромныя повторенія уроковъ, я написалъ болѣе 50 листовъ сочиненія рѣшительно оригинальнаго, ни откуда ничего не заимствуя, собственно изъ своей головы. Разсужденіе вышло хоть безъ отдѣлки, но точно, богатое особенно по смѣлости и новости взгляда моего на сей предметъ, а также и по его полнотѣ. Въ немъ я сильно (какъ мнѣ и теперь кажется) доказывалъ, что Богъ создалъ людей для дѣвства, а не для жизни брачной, что бракъ есть слѣдствіе паденія, какъ способъ рожденія новыхъ людей, взамѣнъ грѣшниковъ, которымъ, по суду Божію, надлежало умирать; даже, что самое паденіе прародителей едва ли не было сокрушеніе печати дѣвства. Это я доказывалъ всѣми образами: и разумомъ, и исторією, и опытами, сведеніемъ мѣстъ св. Писанія ¹⁾. Это разсужденіе я подаль о. Инспек-

¹⁾ Смѣло и вѣрно ли! надобно получить откровеніе отъ Бога, а не собою рѣшать. 29 маія 1872 г.

тору. Онъ меня раза два бралъ въ садъ и тамъ, ходя со мною, заставлялъ меня читать. Бѣдняжка о. Инспекторъ конфузился при рѣзкихъ мѣстахъ, гдѣ я выставлялъ на сцену неблагообразіе и вопль природы противъ покушеній на похищеніе дѣвства. „Нѣтъ съ! это тово-съ, тово-съ; пожалуйте, пожалуйте!“ вотъ были его тусклыя междометія въ рѣзкихъ мѣстахъ моего разсужденія. Впрочемъ Инспекторъ было вооружился противъ моего разсужденія, но я, съ одной стороны не будучи разувѣренъ имъ въ моемъ образѣ мысли, съ другой—не находя времени приняться и написать другое разсужденіе, принялся его доканчивать и подалъ о. Ректору. Оно у меня еще хранится. О. Ректоръ не похвалилъ за многоглаголаніе, но уважилъ мою любовь дѣвства, сказавъ: „Видно, что сочинитель убѣжденъ въ преимуществѣ дѣвства предъ жизнію брачною и, конечно, избралъ первое, а не послѣднее.“

Подходило время окончательнаго испытанія и — конецъ столь долгаго моего ученія. Я ждалъ его нетерпѣливо, но и скорбѣлъ, что былъ во многомъ не исправенъ. Но, слава Богу, выдержалъ и внутреннее и публичное испытанія благополучно: не сдѣлалъ рѣзкихъ отвѣтовъ, но отвѣчалъ ординарно хорошо. Кончилъ курсъ я въ 1 разрядѣ 5 и получилъ степень магистра. Это меня восхитило и я благодарилъ Бога!

1-го іюня, въ день рожденія Императрицы Александры Θεодоровны, Митрополитъ Филаретъ рукоположилъ меня во Іеромонаха. Я былъ на небесахъ отъ радости. Но тутъ со мной случилось искушеніе: когда надо было вытти на молебень, я, не зная, гдѣ встать, спросилъ стоявшаго въ литургію подлѣ меня Іеромонаха Дамаскина: гдѣ мнѣ встать? Онъ сказалъ: „Становись около меня“. Но онъ былъ соборный, слѣдс., стоялъ высоко. Я, какъ дитя, безъ всякихъ мыслей, сталъ около него. Митрополитъ, замѣтивъ это, послалъ Протодіакона поставить меня на мое мѣсто. Я слышу приказаніе; горю стыдомъ. Протодіаконъ, протѣснившись до меня, сказалъ: „Отецъ, вы не на своемъ мѣстѣ. Его Высокопреосвященство приказалъ мнѣ поставить васъ на ваше мѣсто; пожалуйте“. Это онъ проговорилъ мнѣ крупно и громко, а потомъ потащилъ меня книзу и поставилъ на послѣднее мѣсто! оно довелось уже не на помостѣ храма (въ Троицк.

соборѣ), а на ступеняхъ соли. Я горѣлъ стыдомъ и меня видно было всей церкви. Искушеніе, оно для меня поучительно на всю жизнь; и много разъ уже меня спасало. Спасибо Владыкѣ. Однако дивлюсь: Владыка будто именно отъ сего былъ скученъ весь день!

Черезъ недѣлю, иль побольше сего, будучи на совершенной свободѣ, я вздумалъ сходить помолиться Богу въ Ростовъ. Подговорилъ съ собою для охоты товарища изъ Владимірскихъ — Михаила Тимоѣ. Преображенскаго (съ нимъ впослѣдствіи я встрѣтился въ Вяткѣ на службѣ), мнѣ совершенно преданнаго. Къ намъ привязался еще Яковъ Ильичъ Владыкинъ, тоже Владимірскій. Пошли пѣшкомъ. Первую ночь ночевали въ селѣ (позабылъ названіе), гдѣ былъ я, еще бывши въ Риторикѣ. На другой день пришли въ Переславль и остановились въ Никольскомъ монастырѣ у строителя и смотрителя училищъ. Тутъ со мной вышло нѣсколько приключеній горькихъ: 1) Я вздумалъ покупаться въ озерѣ; былъ уже вечеръ. Мы побѣжали къ озеру, раздѣлись и въ воду. Озеро, со стороны города, весьма мелко и эта мель простирается больше версты отъ города. Ища глубины хотъ въ поясъ, я все бѣжалъ дальше и забѣжалъ, думаю, съ версту. Солнце уже садилось; съ озера потянулъ холодный вѣтеръ. Вбѣжавъ въ воду немного пониже пояса и окунувшись нѣсколько разъ, я поспѣшилъ вонъ. Здѣсь то я ужаснулся своего положенія: я былъ мокрый, но больше половины меня наружу. Бѣжать по водѣ, пока она въ колѣно и выше, скоро нельзя; между тѣмъ, холодный вѣтеръ пижетъ меня насквозь. Я чуть не падалъ. Выбѣжалъ; чувствую, что озябъ смертельно. Накинувши кое-какъ рубашку и подрясникъ, а остальное схватя въ охапку, я бросился бѣжать, чтобъ согрѣть себя. Бѣжалъ до самаго монастыря что есть силъ и — не нагрѣлся. Вбѣжалъ въ комнаты и тотчасъ сказалъ о своей глупости. Тутъ уже готовъ былъ самоваръ: это, кажется, къ моему счастью. Я попросилъ рому; выпилъ чашку, двѣ, а можетъ быть и 3: согрѣлся, охмѣлѣлъ и уснулъ. Такъ прошла эта бѣда; но едва ли совсѣмъ. 2) Одинъ Переславльскій священникъ, товарищъ моимъ двумъ спутникамъ, просилъ преусердно меня къ нему вмѣстѣ съ тѣми двумя. Я согласился. Мы были. У священника былъ сынъ малютка. Отецъ и мать подвели

его ко мнѣ, чтобъ я благословилъ. Благословляя его, я сказалъ безъ всякихъ хитростей вотъ что: „Расти дитя, утѣшай собою родителей и будь магистромъ“. Я не догадался, но одного изъ моихъ спутниковъ это взбѣсило. Это Владыкина. Онъ студентъ, точно, весьма хитрый и начитанъ, но за лѣность и, кажется, не мастерское перо, попалъ во 2-й рядъ и кончилъ кандидатомъ. Тѣ мои слова малютокъ онъ принялъ на свой счетъ и протолковалъ такъ: „будь, дитя, умень какъ я, а не какъ эти мои товарищи“. Сказавъ свои рѣчи простой душою, я нисколько о нихъ не думалъ. Пошли отъ священника. Владыкинъ сталъ ко мнѣ придирааться: началъ меня дурачить, поносить. Я сперва сердился, потомъ въ горячности самъ началъ его бранить. Но Владыкинъ своими язвительными и нестерпимо поносительными рѣчами довелъ меня до того, что я зарыдалъ и въ это время впервые въ жизни—открылась со мною истерика. Умираю; спирается дыханіе. Тутъ Владыкинъ и другой мой товарищъ испугались. Тотчасъ бросились мнѣ въ ноги и просили прощенія. Это было уже въ комнатахъ зрителя—ночью. Они вывели меня на свѣжій воздухъ, и я едва отдышался. На 2-й день, иль чрезъ день послѣ сего, мы пошли далѣе въ путь. Я изнемогалъ. Мы пошли не по большой дорогѣ, а правѣ—бокомъ, чтобъ зайти въ село и поклониться Чудному Кресту. Были тутъ у діакона: ночевали. Этотъ Чудный Крестъ колоссальной величины. На немъ Спаситель вырѣзанъ; онъ изъ древа. Надпись на немъ древняя греческая: „Εἰς αὐτὸν τανυῖ“. Онъ явился здѣсь въ болотѣ и указанъ окрестнымъ жителямъ огненнымъ надъ нимъ столбомъ. Это мѣсто поднялось горою и стало церковью. На семъ мѣстѣ и поставленъ очень хорошій, древняго вкуса, храмъ. При Крестѣ Спасителѣ, въ тоже время, явился образъ Николая Чудотворца. Отъ сихъ св. Иконъ содѣявались и доселѣ содѣяваются чудеса благодати Божіей. Меня поразило и привело въ трепетное благоговѣніе воззрѣніе на Чудный Крестъ Господень.

Другую ночь мы ночевали въ селѣ Порѣчьѣ Оно на берегу Ростовскаго озера, противъ Ростова. Это столица огородниковъ. Село, какъ городъ: каменные дома. Очень большое село. Церковь небольшая, но колокольня превысокая. Поутру мы наняли лодку и поплыли чрезъ озеро. Меня вос-

хищало зрѣлище огромныхъ водъ, еще невиданныхъ мною (озеро попер. 8 вер., въ длину до 15 ти).

Пріѣхали въ Ростовъ и остановились въ Яковлевскомъ монастырѣ. Меня обласкали удивительно о. Архимандр. Иннокентій—старецъ благочестивый и о. Намѣстникъ Флавіанъ. У послѣдняго я и квартировалъ. Въ день св. Пророка Іліи я сподобился служить въ храмѣ, гдѣ почиваютъ Святит. Ростовскіе: Іаковъ и Димитрій. Удивительно благоухаютъ мощи Святителя Димитрія. Рака его огромная и едва ли не лучшая изъ всѣхъ въ Россіи. О. Архимандритъ насъ обвезъ по всѣмъ монастырямъ Ростовскимъ и усладилъ насъ своими интересными и душеполезными повѣстями. Я былъ весьма утѣшенъ. Спасибо доброму о. Архимандриту: послѣ того, какъ мы у него нагостились досыта ¹⁾, онъ отправилъ насъ въ Лавру на перемѣнныхъ, давши намъ 25 руб.

Эта милость для меня была, кажется, необходима: я бы пѣшкомъ не дошелъ. Потрясеніе, полученное мною въ Переславлѣ, оставило глубокіе слѣды: я померкъ. Пріѣхавши въ Академію, я скоро отправился на прощаніе съ родными: услышалъ, что меня назначаютъ профессоромъ Богословія во Владимірскую Семинарію. Былъ въ Коломнѣ и въ селѣ сего уѣзда Бояркинѣ у зятя, потомъ уѣхалъ къ родителямъ. Тутъ, погостивъ немного, простился и поѣхалъ въ Москву.

Мое здоровье мнѣ отказывало. Я былъ ужасно грустенъ и дряхлъ. Пріѣхалъ въ Академію, чтобъ получить по формѣ себѣ назначеніе. 2-го сентября о. Ректоръ надѣлъ на меня и на о. Филарета (моего товарища) магистерскіе кресты, поздравилъ насъ и обласкалъ. Тутъ мнѣ о. Ректоръ объявилъ, что я опредѣленъ не во Владимірскую, а въ Тульскую Семинарію, вторымъ профессоромъ Богословія и Инспекторомъ Семинаріи. Такъ кончилось мое длинное и тяжелое ученіе въ Училищахъ, въ Семинаріи и въ Академіи.

Скажу о нѣкоторыхъ приключеніяхъ въ продолженіи моего ученія въ Академіи.

1-е. Въ Академію я поступилъ очень хилымъ. У меня ноги были, какъ ледяныя, не могъ нагрѣть. Оттого у меня голова была дурна и я былъ мраченъ. Меня о. Инспекторъ

¹⁾ Тутъ былъ и о. Филаретъ Гумилевскій.

помѣстилъ въ дурной комнатѣ, и я мучился ею цѣлую треть. Ужасно беспокоили меня мои товарищи—ребята вольные и избалованные. Это рязанскіе. Но одинъ вятскій, Дановъ—рѣшительно выводилъ меня изъ терпѣнія. По Вятски онъ, обыкновенно когда удавалось, напивался до безчувствія, такъ, что не разъ опасались за его жизнь. Въ этомъ видѣ, онъ всегда придирался, не знаю почему, ко мнѣ. Ругалъ меня всячески, укорялъ за мою будто дурную жизнь въ Семинаріи (которой онъ не зналъ). Благодарю Бога! я претерпѣлъ для заповѣди Божіей. (Этого бѣднягу Данова исключили чрезъ годъ изъ Академіи. Я его видалъ въ Вяткѣ, бывши тамъ Ректоромъ. Онъ уже священникъ. Живетъ временами трезво, съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ. Въ бѣдномъ Черемисскомъ селѣ: имѣетъ охабку дѣтей. Его зовутъ Максимъ Θεоктист. Онъ просилъ моего посредства за него у Архіерея; но было безуспѣшно, потому что о. Максимъ не ровень поведеніемъ).

Послѣ Рождества о. Инспекторъ перемѣстилъ меня въ 12 №. Эта комната хороша и товарищи добрые. Я былъ утѣшенъ. Здѣсь я поступилъ на мѣсто студента изъ Калужскихъ, скончавшагося внезапно. Въ Воскресенье, не бывши у обѣдни, едва-ли не полѣности, онъ предъ обѣдомъ выпилъ едва-ли не 2 рюмки водки, пошелъ обѣдать, немного поѣлъ, пошелъ домой, на дорогѣ упалъ и—умеръ. Поразительное приключеніе! Это было безъ меня; я пріѣхалъ къ его похоронамъ. Событіе сіе надолго покрыло всѣхъ насъ какимъ-то ужасомъ.

Въ этой комнатѣ я прожилъ цѣлые полтора года. Товарищи премилые, особенно одинъ утѣшалъ насъ всѣхъ—изъ Казанскихъ, Ник. Ив. Паникскій. Былъ кротокъ, какъ дитя: великій мастеръ и охотникъ забавлять анекдотами, которыхъ онъ зналъ много. Любимое его слово шельмовство и теперь помню. (Бѣдняжка, будучи въ Высшемъ Отдѣленіи, онъ предавался пьянству. Я былъ уже монахъ. Просилъ, убѣждалъ его оставить эту глупость. Нѣтъ, такъ и прожилъ дурно, оттого и курсъ кончилъ не богато. Онъ не получилъ себѣ мѣста, и я слышалъ, что онъ и доселѣ куралесить. Это непостижимо. Именно милой души человѣкъ. Если еще живъ, желаю ему счастья. Но здѣсь насъ всѣхъ крайне беспокоилъ нашъ старшій Алекс. Вас. (впослѣдствіи Іеромонахъ Амвросій) Неклюдовъ изъ Вологодскихъ Это низко пьяный че-

ловѣкъ, пилъ запоемъ и часто. А во время сихъ пароксизмовъ, не спитъ всю ночь, бродить, кричить, тащить съ собою гулять. Сущее мученіе. (Онъ уже скончался; вотъ его исторія: еще живя съ нами, онъ подалъ просьбу въ монашество. Просьба принята и отослана въ Синодъ. Обыкновенно, дѣло это тянется 6, или 7 недѣль. Ал. Ив. крѣпился, былъ всегда трезвъ. Наконецъ, 7-го Генв. на день Іоанна Предтечи онъ разрѣшилъ и ужасно безобразно. Въ этотъ день былъ имѣяинникъ нашъ товарищъ Ив. Яков. Предтеченскій изъ Калужскихъ, протоіерейскій сынъ. Какъ водится, онъ кое-чего купилъ на именины. День прошелъ хорошо. Съ вечера всеобщее (видно, на другой день было Воскресенье). Я ушелъ ко всеобщему. Они остались. Прихожу отъ службы: батюшки мои! Нѣтъ ни единой кровати на мѣстѣ, тюфяки и подушки разбросаны по полу, столъ опрокинутъ, чашки перебиты: сущій хаосъ. Нашъ старшой, какъ воевода, въ одной рубашкѣ, безобразно пьяный, расхаживаетъ между своими руинами. Еще до меня у него уже былъ Инспекторъ и ужаснулся. Что-же? на другой день изъ Синода присланъ указъ—постричь въ монашество Алек. Ив.! Въмѣсто постриженія его выслали въ другой номеръ, однако, кажется, старшимъ же. Тутъ онъ прожилъ до великаго поста трезво и въ мрачномъ сокрушеніи. Ему назначили проповѣдь на „блуднаго сына“. Я слышалъ эту проповѣдь: весьма умная. Послѣ, въ постъ его постригли и нарекли Амвросіемъ. Докачилъ курсъ онъ изрядно. Не помню, чтобъ онъ былъ пьянъ. Такъ какъ онъ былъ изъ лучшихъ студентовъ, то его оставили при Академіи Баккалавромъ Церковной Исторіи. Въ это время онъ разрѣшилъ снова и пилъ цѣлый годъ, съ малыми промежутками, пребезобразно. Чрезъ годъ его изъ Академіи перемѣстили въ Костромскую Семинарію; тамъ онъ тоже былъ жестоко дурень. Его оттуда послали въ Ростовскій Яковлевскій монастырь. Здѣсь онъ исправился. Ему опять дали Инспекторство въ Тобольской Семинаріи. Здѣсь уже онъ кончилъ свое поприще. Сперва лишили его ученыхъ должностей, потомъ священства, и даже монашества. И въ семъ то жалостномъ видѣ, онъ милостынно возвращался на родину—въ Вологду. И не дойдя до нея немного, именно уже въ Вологодск. губ., найденъ мертвымъ на полѣ. Ужасная исторія; не осуждаю, а жалѣю о человѣкѣ.

Поживъ нѣсколько, мы очень свыклись между собою. Пріятно вспомнить, какъ мы хаживали въ Пафнутіевъ садъ (за стѣною Лавры), въ Посадъ, по лѣсамъ, въ Виванію. Съ Виванією я разстался для Академіи съ жалостію и, бывало, когда приду сюда изъ Академіи, не посмотрюсь на прежнія знакомыя мѣста. Вообще, младшимъ студентомъ Академіи я жилъ очень утѣшительно. Благодарю Бога, меня товарищи любили, а нѣкоторые, видя мои достоинства, даже уважали. Въ шутку меня звали дьячкомъ, за то, что я рѣдко стригся, любя носить долгіе волосы, любилъ долгое платье и не терпѣлъ модничанья.

Я любилъ ходить въ церковь. Молодые мои товарищи надо мною за то шутили, но я не могъ себѣ отказать отъ хожденія во храмъ, какъ только это было можно. Начиная съ ранней весны и во все лѣто, въ Лавру обыкновенно стекается великое множество богомольцевъ, большею частію простой народъ; хотя впрочемъ, особенно лѣтомъ, много бываетъ дворянъ и купцовъ. Любя ходить въ церковь, я тѣснился между богомольцами. Бывали и шалости. Глупая и злая привычка пить водку, кажется, много унесла моего здоровья. Покаюсь, не разъ, не два, а можетъ быть десятки разъ я бывалъ пьянъ безобразно и какъ дорого я платилъ за это! Пусть я былъ счастливъ, ни разу не былъ на судѣ у начальства за это. Но мученія совѣсти за дурныя рѣчи и поступки въ семъ видѣ, мученія тѣлесныя, это были мои мстители за негодную шалость.

Страсть къ женскому полу также меня мучила ужасно и не разъ приводила къ конфузамъ. Я искалъ дружбы одной дѣвочки Александры (дочери экспедитора на почтѣ), она была благосклонна, но дѣло кончилось одною сердечною дружбою: я ужасался дальнѣйшаго.

Однажды, кажется, въ Пасху я поднимался даже на чашу огромнѣйшей и высочайшей въ Россіи Лаврской колокольной. Даже имѣлъ смѣлость обойти ее кругомъ и, держась за цѣпи, коими придерживается крестъ, смотрѣть внизъ. Смѣлость необыкновенная! Слава Богу, что со мною ничего не случилось. Странно: ночью, отъ бессонницы, перебирая въ головѣ, гдѣ я сей день былъ, когда вспомнилъ, какъ я смѣло лазилъ по колокольнѣ, сталъ столько пугаться, какъ будто я теперь тамъ и боялся какъ бы не свалиться и съ кровати.

(Быль въ моей жизни и другой подобный случай: у насъ въ селѣ, въ вакацію, сорвало бурей шпигъ съ колокольной. Туда подмостились, чтобъ сдѣлать новый. Я захотѣлъ испытать свою смѣлость: влѣзъ къ самой шейкѣ по веревкѣ, но оттуда едва слѣзъ и перепугался столько, что у меня въ мускулахъ сдѣлалась боль ужасная, такъ что я долго не могъ владѣть ни руками, ни ногами. Это, кажется, было на 15-мъ году иль раньше, моей жизни).

Въ высшемъ отдѣленіи 2 года мною прожиты скучнѣе. Первая треть была однако порядочная. Я утѣшался дружбою товарищей и полюбилъ заниматься дѣломъ. Но съ Рождества, задумавъ итти въ монахи, я почти оставилъ всѣ дѣла до самаго постриженія и во все это время былъ весьма грустенъ и мраченъ. Въ этотъ промежутокъ случилось со мною 2 предурныя приключенія: 1-е. Я былъ у вечерни въ Троицкомъ соборѣ (уже въ великій постъ). Тутъ меня увидѣлъ кончившій курсъ семинаристъ Виѣанскій Григорій Воздвиженскій, еще мой землякъ (изъ села Воздвиженія пономаревъ сынъ). Онъ меня сталъ просить, напиться чаю, въ гостиницу. Онъ пріѣхалъ съ Московск. священникомъ вдовымъ, изъ прихода, что въ Печатникахъ, у котораго онъ и жилъ. Я согласился. Прихожу. Здѣсь сущій кабакъ: штофовъ и бутылокъ цѣлый рядъ. Я ужаснулся. Начали меня просить травникомъ: я отказался; сладкою водкою: я отказался. Винограднымъ виномъ (какимъ, не знаю) я согласился, полагая, что оно вовсе не хмѣльно. Въ это время я былъ чуть живой отъ грусти тяжелой. Не помню, много ли я пилъ, но я скоро забылъ все и потерялъ память. Здѣсь я ночевалъ. Вставши утромъ, я ужаснулся своего поступка. Съ досадою на своихъ угостителей, кивнувъ имъ, я побѣжалъ въ Академію и благодарю Бога, что Инспекторъ не узналъ, что я не ночевалъ въ Академіи. 2-е. Вечеромъ поздно, полагая, въ 10-мъ часу, иль еще позднѣе, я вышелъ на улицу походить и подумать. Началъ расхаживать по аллеямъ между соборовъ. Потомъ, подойдя къ часовнѣ, что надъ св. кладяземъ, я остановился у окна и смотрѣлъ въ него на горящую внутри часовни лампаду, творя молитву. Слышу: подходитъ челоувѣкъ; это монастырскій часовой. Окрикнулъ: я подальъ голосъ: „Что ты за челоувѣкъ? чего ты тутъ смотришь?“ Потомъ еще про себя: „цѣлы ли замокъ и печать“.

Осмотрѣлъ съ фонаремъ: цѣло! Когда я сказалъ, что я студентъ, прогуливаюсь и подошелъ къ окну просто посмотреть на огонекъ: часовой не вѣрилъ; зоветъ къ намѣстнику. Я испугался ужасно: о. намѣстникъ не терпѣлъ студентовъ: а тутъ я, точно, виноватъ; да еще къ крайней моей бѣдѣ у меня немного было въ головѣ. Я сказалъ сторожу: „Пойдемъ лучше къ нашему начальству. Пошли; а я и своихъ забоялся не меньше. Слава Богу! довелъ меня до нашего крыльца сей строгій часовой, далъ мнѣ натацію и воротился. И здѣсь я возблагодарилъ Бога, что попалъ въ бѣду и спасся.

Послѣ постриженія въ монахи, я жилъ въ особой отъ студентовъ комнатѣ, близъ о. Ректора и залы, вмѣстѣ съ другими студентами-монахами. Въ то время были: Никонъ, Іоасафъ и бѣлый священникъ Стефанъ. Никонъ изъ Тульскихъ, человѣкъ очень религіозный и постникъ, но лицемеръ, надменный, нечеловѣколюбивый и величайшій лжецъ. Іоасафъ изъ Тамбовскихъ священниковъ; почти дуракъ, нестерпимый гордецъ и пьяный. Флегматикъ въ крайней степени и по воспитанію невѣжда. Священникъ Стефанъ умный парень изъ Московск. Епархіи, изъ села Воздвиженска, что въ 11 верстахъ отъ Лавры. Полгода жилъ съ женою и овдовѣлъ. (Этотъ бѣдняжка не стерпѣлъ гнета отъ Инспектора, который трактовалъ его хуже студента свѣтскаго. Онъ исключился чрезъ годъ, сколько я его ни уговаривалъ. Послѣ, лѣтъ 6 прожилъ въ Андрониковѣ Монастырѣ; и наконецъ, сложилъ съ себя санъ, женился на дѣвчкѣ, которую, вѣроятно, сманилъ прежде и теперь помощникомъ Инспектору въ училищѣ, что при воспитательномъ домѣ въ Москвѣ. Жалѣю, что въ проѣздъ въ Одессу я у него не былъ).

Послѣ меня постриглись въ монахи еще три студента: Филаретъ изъ Тамбовскихъ (Дмитрій Григ. Гумилевскій), коварно кроткій, религіозенъ, но лицемеренъ и надмененъ, но уменъ. Поликарпъ изъ Пензенскихъ (Карпъ Мильтоновъ) простенькій, кроткій непритворно, педалекій. Павелъ изъ Тульскихъ-младшій, кротокъ, очень неглупъ, религіозенъ, больной съ самаго постриженія. (Перешедши въ высшее отдѣленіе, послѣ насъ въ первую треть, онъ скончался чахоткою. Примѣчательно: онъ со мною послалъ письмо въ Тулу къ роднымъ. Я не собрался еще передать его, какъ услы-

шалъ, что онъ скончался. Тутъ я полюбопытствовалъ распечатать и прочесть письмо покойника. Что же онъ пишетъ? скорбитъ сильно и раскаивается, что пошелъ въ монахи! Это меня сильно смутило и дало мнѣ самому горькую задачу).

Никонъ, по окончаніи курса, посланъ былъ въ Пермскую Семинарію Инспекторомъ, оттуда въ 1834-мъ году въ Тульскую Семинарію Ректоромъ, гдѣ находится и донинѣ.

Іоасафъ былъ посланъ смотрителемъ въ Епифанскія училища (Тульской Епархіи). Къ Пасхѣ спился съ кругу, растратилъ казну, былъ судимъ, посланъ въ Бѣлевскій монастырь, тамъ поссорился и потерялъ священство, послѣ поссорился еще и потерялъ монашество. Давно уже и скончался.

Филаретъ оставленъ былъ при Академіи Баккалавромъ, послѣ тутъ же Инспекторомъ; потомъ здѣсь же Ректоромъ и въ прошломъ году (1841) въ декаб. произведенъ во Епископа въ Ригу—онъ же и Викарій Псковскій, гдѣ и донинѣ находится.

Поликарпъ былъ посланъ въ Иркутскую Семинарію Инспекторомъ, потомъ въ Смоленскую Инспекторомъ же. Бѣдняжка! онъ, кажется, и доселѣ въ Смоленскѣ тѣмъ же и недавно Архимандритомъ.

Вотъ мои товарищи, съ которыми я жилъ и мучился. Свящ. Стефанъ былъ мой любимый товарищъ: съ нимъ я любилъ дѣлить время. Однако, было скучно, что онъ былъ довольно вѣтренъ и нетерпѣливъ. Съ о. Поликарпомъ впоследствии я лучше сдружился. Съ нимъ пилъ чай и гулялъ. Но это былъ мѣшокъ, котораго не скоро вызовешь на улицу. О. Іоасафъ меня почиталъ (какъ и другихъ) ребенкомъ въ сравненіи съ собою, презиралъ отвратительно: я платилъ ему тѣмъ же и едва-ли не съ процентами.

О. Филаретъ жилъ съ нами немного. (Онъ постригался въ послѣднюю треть). Видя ласки къ себѣ начальниковъ, онъ, подъ личиною молчаливости, пренебрегалъ насъ всѣхъ, а меня паче другихъ. Видя, что я не ихъ десятка. Однако, онъ меня не обижалъ.

О. Никонъ, вотъ этотъ былъ мой мучитель. Онъ ненавидѣлъ меня, какъ собаку, а я, чувствуя себя немножко по-лучше и, зная его малость и лицемѣрство, презиралъ его

вдвое. Оттого мы особенно съ нимъ жили дурно. Даже нѣсколько времени я столько былъ имъ раздраженъ, что не могъ ни ѣсть, ни молиться, ни заниматься вмѣстѣ. Всѣ мѣры употреблялъ, чтобъ отъ него быть подальше. Это, наконецъ, стало меня столько мучить, что я сталъ молиться Богу, чтобъ Онъ смирилъ меня: было тщетно. Я несъ это бремя во все мое съ нимъ житіе. Къ большой досадѣ о. Инспекторъ этого Никона сдѣлалъ старшимъ надъ нами. И о. Никонъ былъ столько глупъ, что вздумалъ въ самомъ дѣлѣ поступать съ нами, яко старшій. Я тутъ былъ для него остень бодушій. Но, однажды, за это онъ мнѣ отплатилъ изрядно. Вотъ исторія: 17 марта одинъ изъ младшихъ студентовъ (Алексѣй Михайловичъ), будучи имянинникъ, позвалъ меня къ себѣ на чай. Я былъ. Меня онъ приневолилъ (именно—я не хотѣлъ) выпить двѣ чашки пунша съ дурною французскою водкою. Я пришелъ домой навеселѣ. Это было уже вечеромъ. О. Никонъ, бывъ послѣ ужина у Инспектора, донесъ на меня, что я не въ своемъ видѣ. Инспекторъ пожаловалъ къ намъ. О. Инспекторъ имѣлъ обыкновеніе заставлятъ при себѣ прочесть вечернія молитвы. Онъ заставилъ меня. Я понялъ, что это значитъ и сталъ отказываться. Инспекторъ спросилъ: „почему?“ Я отвѣтилъ: „потому, что я не въ своемъ видѣ, пусть прочтетъ трезвый, а у меня есть въ головѣ“. Инспекторъ заставилъ кого-то другого. Послѣ молитвъ, онъ отозвалъ меня въ другую комнату и наединѣ сталъ мнѣ сказывать, какъ дурно пить хмѣльное; указывалъ на пьяныхъ Баккалавровъ (Амвросія и Евграфа); грозилъ мнѣ горькою участію и проч. Я принялъ смѣлость въ это время сказать ему много. Вотъ главное: „Вы, о. Инспекторъ, напрасно съ нами поступаете, какъ съ дѣтьми. Вамъ бы поправлять наши характеры, а не выматывать ихъ. Вы напрасно у монаховъ сдѣлали старшаго. Это обидно. Если нуженъ старшій у насъ, то не угодно ли сдѣлать такимъ о. Эконома, яко отца нашего духовнаго, или же не угодно ли вамъ самимъ принять названіе?—и вы нашъ отецъ. Если же нуженъ бы былъ старшій между нами изъ насъ, то вы выбрали бы подостойнѣе о. Никона. Мы его презираемъ. И чрезъ то вы дѣлаете обиду, напр., и мнѣ. И что такое о. Никонъ? лицемѣръ, который, полагаю, презираетъ и тѣхъ, кто его возвеличилъ. Лицемѣры неблагодарны.

Не опасайтесь за мою слабость. Благодарю Бога, чувствую, что еще далеко до бездны, которою вы мнѣ грозите. Даже мое здоровье не позволитъ мнѣ быть пьяницею“. Тутъ я растолковалъ, какъ дурно поступилъ о. Никонъ, донеся о. Инспектору на меня. Ошибка произошла отъ случая, а не отъ страсти пить. Тутъ, говорилъ я, было бы лучше покрыть братнее согрѣшеніе. Не знаю, какъ принять отъ меня о. Инспекторъ такія рѣчи, но видно было, что его удивляла моя свобода и смѣлость (такъ у насъ давятъ свободу!)

Въ другой разъ, помня обиду, нанесенную мнѣ ябедою о. Никона, я вздумалъ, и очень глупо, отсмѣять ее и ему и Инспектору. Было воскресенье женъ-мүроносицъ. Въ этотъ день я именинникъ. О. Инспекторъ служилъ и я. Я ему читалъ правила предъ обѣдней. Послѣ правилъ мнѣ Инспекторъ сказалъ: „Пожалуйте сегодня вечеромъ ко мнѣ на чай: позовите и свою братію“. Я объявилъ приглашеніе. Служили. Послѣ обѣда, какъ именинникъ, я угощалъ, помню, сладкою водкою гостей. Тутъ былъ и мой братъ. Зная, что вечеромъ мнѣ надобно быть у Инспектора, мнѣ слѣдовало бы ничего не пить: я захотѣлъ сдѣлать на зло; хоть умѣренно, но выпилъ. Пришли къ Инспектору. Онъ насъ посадилъ. Мнѣ далъ книжку и велѣлъ читать вслухъ. У меня прилипаютъ языкъ. Грустно это было о. Инспектору. Послѣ и самъ я потушилъ, но уже не воротишь, что сдѣлаешь.

Примѣчательны были въ это-же время два сна. Первый: однажды лѣтомъ, послѣ ужина, мы съ о. Никономъ заспорили объ о. Моисѣѣ, Ректорѣ Тульской Семинаріи, впоследствии помѣшавшемся въ разсудкѣ. О. Никонъ жалѣлъ и защищалъ его, доказывая, что обиды, какія дѣланы ему были отъ Тульск. Преосвящ. и отъ сослужащихъ, были столь велики, что они свели его съ ума. Я, напротивъ, говорилъ, что хоть и жаль о. Моисея за его теперешнее положеніе; только ежели онъ отъ огорченій помѣшался въ разсудкѣ, это не дѣлаетъ чести его благочестію. „Какъ, вѣдь онъ монахъ! надобно было терпѣть и проч.“ Мы остались каждый при своемъ. Я легъ спать и вижу во снѣ: „будто я схожу съ ума. Это меня ужаснуло. Думаю: что я буду? сушая скотина! Плачу, молюсь, кричу: Господи, помилуй! Нѣтъ! сумасшествіе, какъ облако черное приближается ко мнѣ, подавляетъ меня: чувствую, что я уже заговариваюсь. Остается уже маленькая

искра ума, которая сейчас также должна угаснуть. Я молюсь жарко и пугаюсь. Проснулся и крещусь, радуясь, что это былъ сонъ, а не правда. Сейчас я вспомнилъ разговоръ мой объ о. Моисей, раскаялся и съ тѣхъ поръ стараюсь всячески избѣгать осужденія ближняго: своему Господеви стоитъ, или падаетъ каждый! (Вотъ исторія о. Моисея, сколько знаю: онъ 1-го курса Московской Академіи, лучшій Магистръ. Былъ Баккалавромъ. Обойденъ Инспекторствомъ и симъ огорчился; сталъ пить. Его послали Ректоромъ въ Тулу. Здѣсь онъ пожилъ довольно и дразня больше и больше Архіерея, наконецъ вывелъ его изъ терпѣнія. Завелись бумаги. Дѣло кончилось тѣмъ, что о. Моисея перевели въ Волынскую Семинарію Ректоромъ же. Чудный человѣкъ! не захотѣлъ ѣхать. Подалъ просьбу въ Комиссію Дух. Училищъ и дожидался, что его опять оставятъ въ Тулѣ. Ждалъ долго: тамъ не отвѣчаютъ. Архіерей употреблялъ всѣ мѣры выпроводить его изъ Тулы (а при томъ онъ жилъ въ Архіерейск. домѣ) и не могъ. Наконецъ, не велѣлъ топить его комнаты (а это было зимою). О. Моисей сидитъ въ нетопленныхъ. Велѣлъ выставить рамы: тутъ то о. Моисей собрался. Поѣхалъ на долгихъ; пріѣхалъ въ Волынъ. Тамъ его не приняли. Назначенъ другой уже Ректоръ и онъ былъ тамъ! О. Моисей пріѣхалъ назадъ и отправился въ Моск. Лавру, гдѣ ему назначено мѣсто-жительства. Это было въ 1826 году и именно въ тотъ годъ, какъ мы поступили изъ Семинаріи въ Академію. При насъ въ Лаврѣ онъ жилъ уже очень странно: былъ сущій помѣшанный. Бывало, бродитъ по монастырю и за монастыремъ задомъ и передомъ, вертится дико. смѣется, плачетъ, то побѣжитъ бѣгомъ, то остановится. Однажды, кажется, въ рождество предъ Рождествомъ, онъ пришелъ къ нашему о. Ректору и, выйдя отъ него, сталъ на лѣстницѣ и плакалъ, какъ ребенокъ, навзрыдъ. Когда мы кончили курсъ и разъѣхались, я услышалъ, что о. Намѣстникъ Лавры, наскучивши такимъ гостемъ, просилъ Митр. Филарета вывести его изъ Лавры. Митрополитъ послалъ его въ Угрѣшскій монастырь. О. Моисей пріѣхалъ, напился чаю, сѣлъ и—скончался! Вотъ печальная исторія жалкаго монаха! Я молюсь за него и прошу Бога, да проститъ мое согрѣшеніе. Я его осуждалъ, а самъ хуже его стократно. О. Моисей еще въ Тулѣ мѣшался и оттого въ поступкахъ былъ стра-

нень. Преосвященный-же, не догадываясь о семъ, обижался имъ, какъ человѣкомъ здраваго разума. Выходить, что и Преосв. Тульскій (Дамаскинъ, онъ здравствуетъ и до нынѣ и все въ той-же Тулѣ) не виноватъ. Чудно и примѣчательно: послѣ о. Моисея тоже помѣшался въ умѣ родной его братъ, бывшій священникомъ въ Тулѣ, потомъ, кажется, его отецъ. Что такое, Господи? Еще (кстати) въ Тулѣ я зналъ семинариста-Богослова, у котораго отецъ, братъ, дядя, еще кто-то ослѣпли, одинъ, послѣ другого. Да и у семинариста сего глаза болѣли. И слѣпли безъ видимой причины. Чудно!..

2-й сонъ: мнѣ видѣлось, будто я пришелъ въ залу о. Ректора, гдѣ обыкновенно зимою служивали всенощныя. Вхожу: у иконъ слабый свѣтъ; въ залѣ полу-мракъ и нѣтъ почти никого. Увидѣлъ Баккалавра Иеромонаха Евграфа (тогда уже пьянствовавшего) и впереди у иконъ, рядомъ съ нимъ, какую-то бабу въ мѣщанскомъ костюмѣ, среднихъ лѣтъ, не-благообразную, суровую и какъ будто отъ распутства, померкшую. Я подивился, что она стоитъ у иконъ: думаю: что за дура? Нельзя молиться на иконы; ужели молиться на нее? Потомъ мнѣ стало что-то страшно. Я сталъ пугаться; пошелъ украдкою изъ залы вонъ. Смотрю, за мной бѣжитъ мальчишка съ ножомъ. Я обмеръ отъ страха. Вижу, что отъ него не убѣжать; я рѣшился съ нимъ сразиться и сперва старался вырвать у него ножъ. Схватился: рву ножъ, онъ вырывается. За черенокъ взять нельзя, хватаюсь за лезвие; однако не могу вырвать. Изрѣзалъ себѣ руки: кровь течетъ. Я напрягся, сшибъ его и у лежачаго наровлю вырвать ножъ. Не знаю, вырвалъ я у него этотъ ножъ, или нѣтъ, и поранилъ ли онъ меня имъ, больше того, что изрѣзаны руки; только онъ исчезъ; сказавъ мнѣ: „Помни, я блудъ“! Я тотчасъ проснулся, ужаснулся видѣнія и просилъ милосердіе Божіе защититъ меня отъ сего нечистаго. Этотъ сонъ мнѣ долженъ быть памятенъ во всю жизнь. Жалѣю, что я его тогда же не записалъ. Теперь прошло уже болѣе 12 лѣтъ послѣ того (пишу теперь 1 декабря 1842 года—въ Одессѣ). Да! этотъ врагъ многократно рѣзалъ болѣе, нежели мои руки! Горе мнѣ, грѣшнику сущу!

Вотъ все, что могу припомнить объ Академіи (да, тотчасъ по постриженіи и именно съ 1-го дня, я хотѣлъ было вести

записки о себѣ каждый день Писалъ съ недѣлю: надоѣло! бросилъ! А однако эти записки у меня еще цѣлы.

Теперь о моихъ Академическихъ Начальникахъ и Учителяхъ.

1) О. Ректоръ Академіи, Архимандритъ Поликарпъ, Докторъ Богословія. Родомъ онъ Тверскій. Въ наше время еще жива была его матушка-старушка и у него гащивала. Изъ С.-Петербур. Академіи I-го курса Магистръ ¹⁾, по фамилии, кажется, Гайтанниковъ. Онъ былъ сперва Ректоромъ въ СПб. Семинаріи, и оттуда въ концѣ 1824 го года опредѣленъ Ректоромъ въ нашу Академію. Профессоръ онъ былъ примѣрный; Богословію любилъ и занимался ею. Онъ писалъ намъ уроки свои: уроки очень хорошіе, хотя большею частію собраныя изъ Богослововъ. По латинѣ зналъ отлично, умѣлъ изъясняться на семъ языкѣ изрядно и часто толковалъ лекціи свои тоже по латинѣ. Его особенный даръ — остроуміе. И онъ часто совсѣмъ непринужденно былъ весьма остръ въ рѣчахъ. Преподаваніе уроковъ впрочемъ не богато: онъ парфразировалъ свои уроки: странная ошибка! Безъ парфразы мы умѣли понять его уроки; слѣдовало говорить то, чего нѣтъ въ урокахъ, но къ нимъ близко. Еще недостатокъ, иль ошибка: онъ изъяснялъ уроки, ходя. Оттого мы только половину слышали, другую нѣтъ. Да еще у него туфли часто бывали со скрипомъ. Не смотря на то, такъ какъ уроки его были отличные, то мы его классъ весьма любили и уважали. Онъ преподавалъ Догматику. О. Ректоръ держалъ себя весьма отдаленно отъ студентовъ; мы его только видѣли въ классѣ. Въ четыре года онъ только однажды прошелъ по комнатамъ студентовъ. Характера онъ былъ веселаго. Въ компаніяхъ онъ любилъ забавныя рѣчи, любилъ смѣяться и смѣшить: впрочемъ, сколько знаю, благопристойно. Имѣлъ маленькую слабость, именно: частенько бывалъ нетрезвъ, хотя мы не видывали его безобразнымъ. (Помню, только однажды, въ прощальное воскресеніе, онъ былъ весьма слабъ, едва держался на ногахъ). Какъ бы то ни было, за сію ли слабость, иль почему другому, только онъ былъ обойденъ въ Архіерействѣ. Даже ему отказали и отъ Ректорства, подъ пустымъ пред-

¹⁾ Потомъ и докторъ

логомъ, именно: оказались какія то, въ нѣсколько сотъ рублей начеты по переходящимъ суммамъ, которыя будто задержалъ секретарь ¹⁾. Это было въ началѣ 1836 го года (я тогда былъ въ Вяткѣ Ректоромъ); значить, онъ былъ Ректоромъ въ Академіи 12 лѣтъ.

Получивъ увольненіе отъ Ректорства, какъ сказываютъ, съ большою скорбію, онъ пріѣхалъ въ свой Новоспасскій, что въ Москвѣ, монастырь. Тутъ онъ сдѣлался весьма благочестивымъ; пересталъ пить вовсе, служилъ очень часто и говорилъ проповѣди. Его полюбили монахи и жители Москвы. Но въ то-же время, онъ сталъ гаснуть здоровьемъ. И наконецъ, совсѣмъ слегъ въ постель. Доктора не помогли; болѣзнь усиливалась, и онъ скончался, кажется, къ концу того-же 1836-го года. Такъ много значить душевная скорбь! О. Ректоръ скончался блаженно: за день до смерти онъ удостоился видѣнія. Къ нему пришелъ Угодя. Божій Николай Чудотворецъ (другіе говорятъ—великомученикъ Димитрій Солунскій) и отъ имени Божія объявилъ ему, что онъ долженъ умереть. О. Ректоръ просилъ продлить на нѣсколько времени жизнь свою, страшась своей неготовности стать на судъ Божій. „Земныхъ радостей я не ищу“, сказалъ онъ: „онъ для меня потеряны. Хотѣлъ-бы пожить на землѣ, чтобы приготовиться для вѣчности“. — „Не бойся“, сказалъ ему Посланникъ Божій: „ты спасенъ. За тебя много богомольцевъ: ихъ молитвами ты спасешься“.

О. Ректоръ, послѣ видѣнія тотчасъ созвалъ всю братію и разскалъ имъ свое видѣніе со слезами. Потомъ попросилъ причастить его и особоровать масломъ. И послѣ того, скоро и тихо скончался! Царство ему небесное! Хотя я не пользовался его особымъ расположеніемъ (потому что и не заслуживалъ), но я его и въ Академіи любилъ и уважалъ. Съ нимъ служишь, бывало, сердце радуется; оттого, что онъ былъ крайне простъ и безъ притворства благоговѣнь.

Примѣчательно: онъ не любилъ принимать къ себѣ женщинъ. Въ Посадѣ жила Графиня Толстая, вдова, среднихъ лѣтъ, собою очень пріятная. Ей очень хотѣлось познакомиться съ о. Ректоромъ:—онъ отринулъ. Съ этой стороны, думаю, о. Ректоръ былъ истинный дѣвственникъ.

¹⁾ Есть молва, что инспекторъ Академіи Филаретъ содѣйствовалъ къ сему увольненію его—доносамъ

Чтобъ объяснить неблагорасположеніе къ нему начальства, сказываютъ, будто нынѣшній Государь Николай Павловичъ во время ректорства о. Поликарпа въ Петерб. Семинаріи, будучи еще Великимъ Княземъ, видѣлъ его гдѣ то въ нетрезвомъ видѣ и будто онъ это помнилъ и когда представляли о. Ректора въ Архіереи, онъ его обходилъ. Можетъ быть, хоть впрочемъ, я сомнѣваюсь.

Скажу-ли, какъ я думаю? Едва-ли не Митрополитъ Моск. Филаретъ наложилъ на него свою руку; а почему, право не умѣю сказать. Знаю только, что о. Ректоръ былъ простъ и свободенъ: слѣдственно, могъ казаться Митрополиту неуважительнымъ. Знаю и то, что Митрополитъ на экзаменахъ часто о. Ректора немилостиво конфузилъ. Впрочемъ чужого не разберешь. О. Ректоръ уже въ вѣчности: царство ему небесное.

(На мѣсто о. Поликарпа въ Ректора произведенъ былъ о. Филаретъ, мой товарищъ. Подивились многіе, что такъ рано и столь молодого человѣка возвышаютъ: тутъ была воля Митрополита. Чудно; а этотъ ребенокъ (Филаретъ) получилъ страшную силъ и осмѣлился даже презирать и конфузить своего предмѣстника, который былъ его Ректоръ и профессоръ и котораго онъ не стоитъ — ей! — мизинца. Но о немъ скажу нѣчто послѣ).

2) О. Инспекторъ Архимандритъ *Евлампій*, изъ Ярославскихъ, 2-го курса Моск. Академіи, Магистръ. Постригся въ монашество онъ Баккалавромъ, потомъ сдѣланъ Инспекторомъ и Архимандритомъ. Скоро получилъ и кавалерію 2-й степени Анны, за ревизію Вятской и другихъ Семинаріи. Сказываютъ (ибо я самъ не знаю), что онъ, принявъ монашество, сначала былъ весьма смиренный и благоговѣйный монахъ. Но уже въ Инспекторствѣ, онъ значительно приподнялъ голову, не оставляя однако личины самаго напряженного благоговѣнія; за это я, не смотря на то, что онъ былъ мой начальникъ, не могъ быть къ нему привязанъ сердечно: даже—я его презиралъ. Онъ это отчасти видѣлъ и однако мстилъ мнѣ не болѣе, какъ пренебреженіемъ мевя. При самыхъ посредственныхъ дарованіяхъ, онъ погруженъ былъ въ ученость. Даже во время обѣда онъ заставлялъ что нибудь читать для себя вслухъ. Этимъ онъ мучилъ

часто своихъ любимцевъ. Къ счастію, я таковымъ не былъ, оттого избавился этой муки.

Однако, однажды онъ позвалъ меня къ себѣ почитать ему—вечеромъ. Подалъ мнѣ мелко-писанную тетрадь: переводъ изъ Богословіи нѣмца Зайлера. Досадно, не разберу, да и нѣмецкая чувствительность для меня приторна. Я былъ въ негодованіи. Помучился часа два. О. Инспекторъ тихонько ходилъ—и размышлялъ!? Послѣ завелъ со мною рѣчь о Зайлерѣ, котораго ей—онъ не понималъ. „Да - съ, онъ очень благочестивый человѣкъ. Хороши его правила и для монаховъ“. Я не утерпѣлъ, началъ говорить: „Не согласенъ! какіе учителя для монаховъ! У насъ есть учителя: Св. Василій Великій, Ефремъ Сирийскій, Отцы Соборовъ и проч. Вотъ это учителя. А нѣмецъ? его самого надо учить хоть бы онъ былъ и католикъ. Нѣмцы, да и вообще христіане другихъ исповѣданій, какъ то наивны и притворны въ правилахъ благочестія. То низки до подлости, то дерзки до похуленія святыхъ Божіей. Потерявъ православіе, они не умѣютъ быть истинно благочестивыми даже и тогда, когда того, повидимому, хотятъ. Нѣтъ! я не люблю нѣмцевъ!“ Такія и подобныя рѣчи я заговорилъ. О. Инспекторъ замолчалъ съ видимою досадою. Мы простились: и съ того времени, онъ уже не приглашалъ къ себѣ на чтеніе!

Такъ какъ о. Ректоръ не входилъ ни въ какія студенческія дѣла, то о. Инспекторъ у насъ былъ для насъ единственный начальникъ. Любилъ тѣхъ, кто предъ нимъ пресмыкался и отличалъ ихъ предъ другими. Это было больно. Не могъ терпѣть вовсе свободныхъ рѣчей, хотя бы совершенно основательныхъ, кажется, отъ собственной малости душевной и лицемѣрства, иль самопрельщенія. Учитель онъ былъ весьма прилежный. Обыкновенно сиживалъ въ классѣ полтора часа, а иногда цѣлые два, даже больше. Однажды, по пріѣздѣ съ ревизіи, онъ насъ морилъ дней 10, сидя въ классѣ цѣлыхъ 4 часа. Но что было его преподаваніе, его лекціи? ей, сушая чепуха. Жалость! Говорилъ онъ преобильно, періодически, но никогда не оканчивая періода. Слѣдств. безъ смыслу. Не имѣлъ нити въ лекціи: начиналъ о Фомѣ и оканчивалъ о Еремѣ. Безпрестанныя дигрессіи, тусклость, разсыпавшіяся горохъ, не соберешь ничего. Къ тому грубый языкъ, напр., мутилася (т. е. мутность, соръ), печность

(т. е. заботливость) и много другихъ совѣмъ дурацкихъ словъ, которыхъ теперь не припомню.

Бывало, говоря, онъ вздумаетъ спросить студента. Чтожъ? сперва подниметъ студента, потомъ начнетъ ему говорить, наговаривать съ три короба и спросить: „Ну что же вы скажете?“ Бѣдняжка студентъ вовсе не знаетъ: о чемъ его спрашиваютъ? А о. Инспекторъ преважно стоитъ, дожидаясь отвѣта и думая, что вопросъ его очень хитеръ. Потомъ начнетъ снова новую галиматью и горохъ: это въ поясненіе 1 вопроса. Студентъ пробурчитъ что-нибудь и они разстанутся.

Однажды была лекція о молитвѣ. Говоря множество тусклыхъ и несвязныхъ рѣчей, онъ наконецъ вздумалъ задать возраженіе „молиться нѣтъ нужды. Богъ всевѣдущъ и благъ“. (Это короткое возраженіе онъ изъяснялъ четверть часа). Что-же? ни самъ онъ, ни студентъ, котораго онъ спросилъ, не сказали солиднаго ничего. Оттого: а) что Инспекторъ безпрестанно прерывалъ на полсловъ студента и начиналъ новыя объясненія, изъ нихъ каждое составило бы лекцію; б) оттого, что Инспекторъ не умѣлъ прямо отвѣтить на свой вопросъ, ходилъ вокругъ него, а въ него не попадалъ. Чудный человѣкъ!

Между тѣмъ, не смотря ни на какія надъ нимъ насмѣшки, онъ преважно о себѣ мечталъ,—онъ преученый и самыхъ счастливыхъ талантовъ человѣкъ. Имѣя самъ языкъ тяжелый, тусклый, запутанный (подъ часъ и вовсе безъ смысла) онъ непремѣнно измараешь всякое сочиненіе, сколь бы оно ни было хорошо написано. Притомъ, онъ любилъ поправлять не выраженія, а самыя мысли, такъ что часто пересочинивалъ вновь поданную ему задачу. И что-жъ выходило? чепуха! Чудный человѣкъ! Досаду сію я доселѣ вполнѣ чувствую. У меня остались его лекціи—образчикъ нестерпимой глупости!

Однажды на экзаменѣ Митрополитъ, послушавъ его разсужденій, въ которыхъ онъ доказывалъ единство закона Моисеева и Евангельскаго, сказалъ ему просто дурака: о Инспекторъ пренебрегъ Митрополита, сказавъ: „Онъ не принялъ бы моихъ объясненій, а то я бы доказалъ, что говорю вѣрно (между тѣмъ истинно говорилъ дичь!). Онъ былъ преподавателемъ нравственной Богословіи.

По окончаніи нашего курса, онъ былъ сдѣланъ Ректоромъ въ Виѣвскую Семинарію. А отсюда, кажется, въ 1834-мъ г., произведенъ во Епископа въ Екатеринбургъ; теперь онъ въ Орлѣ Епископомъ-же. Студентовъ онъ мучилъ длинными лекціями, а теперь мучитъ православныхъ и духовенство длиннѣйшимъ служеніемъ (см. мою записку о переѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга въ Одессу въ 1841-мъ году. Я ѣхалъ чрезъ Орелъ и былъ у Преосв. Евлампія).

3) *Теодоръ Александровичъ Голубинскій*, профессоръ Философіи, Магистръ 1-го курса Моск. Академіи, нынѣ Протоіерей изъ костромскихъ. Этотъ человѣкъ примѣчательный, особенно отличается глубокомысліемъ, здравымъ и неподдѣльно благочестивымъ направленіемъ мышленія. Я ему обязанъ правильнымъ взоромъ на философію и особенно благодарю его за ученіе объ идеяхъ. Это важное ученіе лучше него, и даже такъ, какъ изъяснилъ намъ онъ, не знаю, кто-бы разумѣлъ. Встрѣчалъ я въ мелкихъ журнальныхъ статьяхъ русскихъ хвастуновъ эпизоды о сихъ идеяхъ: но—далеко до солиднаго и глубокаго изъясненія ихъ отъ Теод. Александ.

Впрочемъ, схоластически, Теодоръ Ал. былъ лѣнивъ. Онъ насъ училъ по пальцамъ, ни по книгѣ, ни по запискамъ. Притомъ, онъ не имѣлъ нити въ преподаваніи. Нынче толкуемъ объ идеяхъ, на другой день о Промыслѣ, тамъ о связи души съ тѣломъ; а то принесетъ охабку книгъ и изъ нихъ намъ почитаетъ, переводя самъ съ иностраннаго (больше съ нѣмецкаго) на русскій.

Однако и здѣсь я ему благодаренъ за то, что онъ раскрылъ мнѣ мой умъ и поднялъ его гораздо выше того, чѣмъ онъ былъ прежде. Притомъ его уроки я сравниваю съ искусствомъ настроить инструментъ для игры: онъ настроилъ нашу душу. Мы теперь умѣемъ извлекать изъ нея правильные и гармоническіе тоны. Спасибо ему!

Теперь, говорятъ, онъ разлѣнился ужасно и просто, какъ говорятъ, даромъ ѣсть хлѣбъ. Можетъ быть, и не диво. Наскучить одно и то же.

Нравственная черта его: никого не осуждать, никого не дурачить, всѣхъ хвалить. Это превосходно. Впрочемъ, хваля и дурного человѣка, онъ не лицемѣритъ, а только, умалчивая о дерзкомъ, отыскиваетъ хорошее и въ этомъ, по

тонкости своего ума и по христіанскому сердцу, всегда бываль счастливъ.

Особенно онъ любилъ уважать и отдавать справедливость талантамъ.

Странна женитьба Θεод. Ал.; ему хотѣлось взять за себя нѣмку, жившую компаніонкой у графини Толстой, дѣвушку лѣтъ 27-ми, очень неблагообразную, а впрочемъ, судя по виду, добрую и нѣжной души. Отказала: и онъ остался оплеваннымъ. Дивлюсь! такой бѣдной дѣвчкѣ и такой важный женихъ былъ бы кладъ, а она отринула. Мудрены женскія сердца.

Θеод. Ал. женился, наконецъ, на сестрѣ Вас. Ив. Кутневича (нынѣ оберъ-священника). И эта дѣвица была слишкомъ зрѣлая, полагаю, около 30-ти лѣтъ и тоже собою невзрачная, однако добрая и умная. Они жили прекрасно; имѣли дѣтей. Но года 2, какъ она скончалась! Θεод. Ал. самой бѣдной и смѣшной физики: сутуловатъ, близорукъ ужасно и голосъ имѣетъ какой-то дикій, завывающій, но словесность имѣетъ отборную, блестящую и неизысканную. Какой контрастъ!

4) *Петръ Спиридоновъ. Делицинъ*, профессоръ Математики. Магистръ 1-го курса Моск. Академіи, изъ Московскихъ, нынѣ священникъ, или Протоіерей. Этотъ человѣкъ отлично знаетъ свое дѣло. Но жаль, что математика столь скучная наука, что ее мудрено заставить полюбить. Я у него былъ изъ любимыхъ потому, что учился изрядно. Жена его, дочь Московскаго Протоіерея Петра Докучаева (скончавшаяся), бывшаго при Димитріе-Солунской церкви, что на Тверской. Женщина важная, умная, но гордая.

Петръ Спир. имѣетъ свѣтлую логику и языкъ логически точный. Его цера я читываль разсужденія. Жаль! отъ малости занятій и отъ скуки въ Посадѣ, онъ, бывало, прихаживалъ и въ классъ довольно въ куражѣ. Не осуждаю, а жалѣю. Петръ Спирид. мужчина высокій, фигура лица львиная, стоящая, но не уродливая, рѣчь рѣдкая, свѣтлая. Онъ и доселѣ при Академіи такъ же, какъ Θεод. Александр.

5) *Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ*, экстраординарный профессоръ Словесности 1-го же курса Моск. Академіи, Магистръ, изъ Московскихъ. (Онъ уже скончался въ Академіи въ 1832-мъ году). Профессоръ, говорили, весьма умный, но

какимъ онъ былъ для насъ, то меньше посредственнаго. Изъ-вивъ ужасно и въ лекціяхъ вовсе не интересенъ. Только за то, что онъ заслужилъ уже о себѣ мнѣніе, мы его почитали. Онъ любилъ забавить и шутить, не всегда однако благоприлично. Критикъ былъ очень ѣдкій. Подъ конецъ онъ жилъ не очень трезво. И едва-ли не отъ того скончался: онъ умеръ желтухою.

6) *Моисей Егоровичъ Молчановъ*, Баккалавръ Исторіи Философскихъ системъ 2-го, или 3-го курса Моск. Академіи. Магистръ изъ Московскихъ. Кривой. Преподаватель отличный и весьма прилежный. Ясность, логическая послѣдовательность—были всегдашнею чертою его преподаванія. Но не мастеръ былъ онъ задавать уроки. То недѣли двѣ ходить въ классы и просто толкуетъ, то вдругъ задаетъ выучить столь много, что нѣтъ возможности исполнить. Оттого очень немногіе знали его уроки. Онъ меня не любилъ отчасти и за то, что я не всегда былъ исправенъ, а послѣ какъ я узналъ, за то, что я казался ему пустосвятомъ! Прощаю: онъ не любилъ монаховъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ его товарища нынѣ несчастнаго Архимандрита Гавріила (бывшаго Баккалавромъ Моск. Академіи, потомъ Инспекторомъ въ С.-Петербургской Академіи, отсюда Ректоромъ Орловской Семинаріи, потомъ Минской; здѣсь отставленъ. Послѣ въ Казани Архимандритомъ, законоучителемъ въ Университетѣ, отсюда Ректоромъ въ Симбирской Семинаріи отставленъ и отсюда. Теперь, слышно, опять законоучителемъ въ Казанскомъ Университетѣ). Жена умница и не гнушалась, что мужъ ея кривой. Моисей Егоровичъ послѣ насъ вышелъ изъ Академіи, получилъ въ Москвѣ священническое мѣсто. Отсюда посланъ былъ на ревизію въ Пермскую Семинарію, переведенъ въ лучший приходъ, награжденъ скуфьею; но уже давно скончался. Былъ, точно, чахоточный, хотя, говорятъ, умеръ отъ простуды.

7) *Дмитрій Петровичъ Новскій*, Баккалавръ Психологій и Логикъ, Магистръ 4-го курса Московской Академіи изъ Ярославскихъ. И уменъ, и прилеженъ, но не мастеръ преподавать. Сыплеть рѣчи, какъ горохъ: ничего не запомнишь. Лекціи умныя, но языкъ латинскій—предурной. Ему я подалъ одно разсужденіе: о предчувствіяхъ. Оно ему понравилось и стоитъ того: еще оно въ черномъ у меня цѣло. Дмит-

ріи Петр. съ нами вышелъ изъ Академіи. Здравствуетъ и донинѣ священникомъ въ Москвѣ, кажется, въ приходѣ Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ.

8) *Александръ Родіоновичъ Сергіевскій*, Баккалавръ Греческаго языка, 4-го курса, Моск. Академіи, Виѣанскій, Магистръ, племянникъ Митрополита Московскаго Филарета. По-гречески зналъ посредственно, но былъ прилеженъ и точенъ. Характеръ имѣлъ преблагородный. Не гордился, что племянникъ Митрополита. Онъ женился на прекрасной дѣвицѣ, дочкѣ какого-то Московскаго Протоіерея. Послѣ насъ, вышелъ изъ Академіи, былъ священникомъ въ Москвѣ, простудился и скончался и уже давно. Жаль.

9) *Николай Ивановичъ Богоявленскій*, Баккалавръ Еврейскаго языка, 5-го курса Московской Академіи, Магистръ Виѣанскій изъ Владимірскихъ. Сперва онъ былъ въ Твери профессоромъ. Баккалавръ преревностный. По-еврейски выучился славно. Былъ весьма занимателенъ. Онъ написалъ Еврейскій лексиконъ съ русскимъ переводомъ изъ Гезенія, подалъ Митрополиту. Лексиконъ не понравился и его труды пропали. Онъ было сосваталъ себѣ невѣсту, именно, ту самую (какъ тогда говорили), которую взялъ Александръ Родіоновичъ. Должно было это его огорчить. Это ли самое, иль неудача лексикона, иль что другое его огорчило такъ, что онъ помѣшался въ разсудкѣ. И его видѣлъ однажды въ Москвѣ у Инспектора Семинаріи (нынѣ Ректора Московской Академіи) Евсевія, проѣзжая въ Вятку въ началѣ 1835-го года. Онъ сдѣлался какъ дитя, простенькій; въ то время жилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ—Христа ради.

10) *Иеромонахъ Амвросій*, Баккалавръ Церковной Исторіи 6-го курса Москов. Академіи Магистръ изъ Вологодскихъ (см. о немъ выше).

11) *Иеромонахъ Евграфъ* (Евѣимій Вас. Соколовъ-Михайловъ), Баккалавръ Герменевтики и Св. Писанія. Товарищъ о. Амвросія, изъ Виѣанскихъ; въ Реторикѣ—мой товарищъ,—Магистръ. Мы съ нимъ вмѣстѣ переведены въ Реторику, только онъ изъ Дмитровскаго, а я изъ Звенигородскаго Училища. У него былъ братъ Герасимъ Вас., тогда бывшій въ Философіи. Случилось, что мы съ Евфимомъ Вас. жили въ одной комнатѣ, а братъ его былъ нашимъ старшимъ, Ефимъ Вас. скоро почувствовалъ свой верхъ надъ нами;

онъ принялъ солидность и не мѣшался въ наше ребячество. Скоро онъ по латынѣ такъ узналъ, что безъ Лексикона читалъ Цицерона *de officiis*, ходя по рощѣ. Тутъ я увидѣлъ, что мы отъ него въ самомъ дѣлѣ далеки и я и завидовалъ, и уважалъ его невольно. Онъ былъ весьма богомоленъ. Бывало, какъ начнемъ читать молитвы вечернія, иль утреннія, онъ кладетъ преусердно земные поклоны. Послѣ двухъ лѣтъ, я остался опять въ Реторикѣ, а Ефимъ Вас. пошелъ въ Философію. И здѣсь, даже въ первую треть на экзаменѣ онъ отличился такъ, что его Ректоръ поставилъ первымъ. Тутъ полились на него милости отъ начальства. Вслѣдъ за Ректоромъ начали уважать его Инспекторъ и Профессора. Онъ сдѣланъ былъ старшимъ въ одной изъ риторическихъ комнатъ. Довелось мнѣ жить у него подъ старшинствомъ. Ев. Вас. такъ держалъ себя важно, что мы не смѣли къ нему подступиться, трактовалъ насъ всѣхъ наравнѣ. Тутъ запали въ его грудь гордость, и она то злодѣйка въ послѣдствіи его сокрушила. Перейдя въ Богословіе, онъ сдѣлался нестерпимо гордымъ. Открылась страсть—пить горькое. Ректоръ и Инспекторъ, уважая его таланты и успѣхи, смотрѣли на это сквозь пальцы, можетъ быть еще и потому, что почитали это минутнымъ заблужденіемъ, которое должно исчезнуть при его солидномъ характерѣ и остромъ разсудкѣ: случилось, къ несчастію, не такъ! Въ семинаріи онъ сею страстію избаловался порядочно, такъ что его почти можно было считать по семинареки пьяницею. Однако, онъ взялъ въ Академію и притомъ съ отличною рекомендаціею отъ нашего о. Ректора Никанора о. Ректору Академіи Кириллу. Счастіе то, иль несчастіе Ефима Вас., оо. Ректоры были между собою друзья: слѣдств., рекомендація одного была усвоена другимъ вполне, даже съ преизбыткомъ. Случилось, что къ этому времени переведены были въ Реторику два племянника о. Ректора Академіи Онъ ихъ держалъ при себѣ и Ефиму Вас. поручилъ ихъ приготовить къ Реторикѣ: порученіе важное. Лучшій студентъ Академіи и изъ старшихъ принялъ бы это предложеніе съ восторгомъ. Оттого Ефимъ Вас. и въ Академіи, только что поступилъ, и обратилъ на себя уважительное вниманіе отъ Баккалавровъ и студентовъ. Злая гордость зрѣла болѣе (ей была пища), а съ тѣмъ вмѣстѣ и низкая страсть—пьянство! Однако, и здѣсь безпорядки

его терпѣли, не смѣя тѣмъ огорчить о. Ректора, который, по вѣжности души своей, сдѣлался совершенно ему преданнымъ.

Однажды изъ Академіи пришелъ Ефимъ Вас. ко мнѣ, въ семинарію. Я купилъ полштофа сладкой водки и онъ выпилъ почти весь. Оттого онъ сдѣлался безумнымъ. Былъ у о. Ректора и у о. Инспектора, которые ужаснулись его безобразія. Такъ какъ онъ не могъ уже дойти до Академіи, то я, какъ невольный виновникъ его нетрезвости (ибо я не смѣлъ ему отказать) принужденъ былъ взять лошадь и довести его въ Академію. Однако Еф. Вас. былъ столько любимъ, иль такъ счастливъ, что это ему прошло безъ всего, хотя позоръ былъ на всю Академію. Въ высшемъ отдѣленіи Еф. Вас. скоро постригся въ монахи и нареченъ Евграфомъ (вѣроятно, въ память славнаго Ректора, сперва въ Троицко-Лаврской Семинаріи, а потомъ С.П.Бургской Академіи, къ несчастію, тоже погибшаго, кажется отъ пьянства и гордости).

Студентомъ о. Евграфъ держалъ себя хорошо и успѣлъ кончить курсъ отлично, кажется, первымъ. Онъ оставленъ былъ при Академіи Баккалавромъ. И тутъ то раскрылась въ немъ уже укоренившаяся крѣпко—страсть пьянства, предшественная и сопутствующая также неприступною гордостію. Къ тому ему попался товарищъ (о. Амвросій) столь же, если не болѣе, горькій пьяница. Сперва однако они пили сносно: даже иногда по праздникамъ служили въ церкви. Потомъ они уже вышли вовсе изъ границъ, такъ что пили безъ ума и Страстную и Пасху и не были ни у одной службы. Видя столь жалкое положеніе сихъ несчастныхъ и какъ земляки, особенно жалѣя объ Евграфѣ, я и другой мой товарищъ Иванъ Васильевичъ Платоновъ, однажды пришли къ о. Евграфу и начали его и стыдить, и упрашивать: напрасно! его надменность не допускала насъ говорить съ нимъ близко и—онъ потерялся.

Онъ былъ Баккалавромъ только одинъ годъ. Пришелъ іюнь—экзамены. Приѣхалъ Митрополитъ. Евграфъ не могъ явиться на экзаменъ. Огрѣшили. Митрополитъ послалъ его въ Ново-Голутвинскій монастырь, что близъ Коломны. Здѣсь я его видѣлъ въ 1832-мъ году, бывши у старшаго зятя Амвросія. Нарочно ѣздилъ въ сей монастырь, чтобъ увидѣть Евграфа. И здѣсь онъ пилъ, хотя меньше. Въ комнатѣ у

него отвратительный запахъ. Лице отвратительное, безобразное. Я просилъ его вразумиться. А онъ у меня просилъ денегъ. Я далъ ему талеръ. Отсюда, не видя надежды его исправить, перемѣстили въ Ростовскій Яковлевскій монастырь, гдѣ онъ снова встрѣтился съ Амвросіемъ. И тутъ то о. Евграфъ кончилъ свою жизнь; упалъ съ какой то высоты (въ горячкѣ, или пьяный) и убится до смерти. Страшный и поучительный примѣръ! Вотъ что гордость: погубила все и таланты, и честь, и стыдъ, даже благочестіе. Не смѣю осуждать. Я величайшій грѣшникъ, хотя не въ этихъ порокахъ. Но жалѣю о немъ душевно и поминую. Прости его, Господи!

12) *Андрей Григорьевичъ Лебедевъ*, Баккалавръ Церковнаго краснорѣчія 7-го курса С.Петербургской Академіи, Магистръ Тверской. Баккалавръ усердный, но малоинтересный. Меня онъ полюбилъ за проповѣди. Впрочемъ, его лекціи я училъ мало и рѣдко ходилъ на его классъ. По-Питерски онъ былъ аккуратенъ, но и малозанимателенъ. Послѣ насъ онъ пошелъ въ монахи, кажется, по убѣжденію: кроткій человѣкъ. Его скоро сдѣлали Ректоромъ въ Вологду. Въ 1838-мъ году онъ былъ вызванъ въ С.Петербургъ на череду священнослуженія и пробылъ до 1-го іюля 1839-г. (Я поступилъ тогда на его мѣсто на череду). Тогда онъ возвратился въ Вологду. Въ 1841-мъ году въ Августѣ онъ переведенъ въ Ректора же въ С.Петербургскую Семинарію, гдѣ находится и доннынъ. (Пишу 7-го Декабря 1842 года въ Одессѣ). Его зовутъ Θεογностъ. (Скончался Архіепископомъ въ Псковѣ).

13) *Василій Григорьевичъ Прилѣтовъ*, Баккалавръ сперва Математики, потомъ Богословія, послѣ Герменевтики и Св. Писанія, 6-го курса Московской Академіи, Магистръ изъ Пензенскихъ. Насъ училъ онъ одинъ годъ. Съ удовольствіемъ я слушалъ его объясненія пророковъ Аггея и Захаріи. Умный Баккалавръ; ясный, логическій. Послѣ насъ онъ былъ Секретаремъ. Теперь вышелъ изъ Академіи и не знаю: въ свѣтское званіе, или въ священники въ Москву.

14) *Иеромонахъ Платонъ*, Баккалавръ Церковной Исторіи (на мѣсто о. Амвросія) 2-го курса Московской Академіи. Магистръ, изъ Ярославскихъ. Онъ у насъ былъ Баккалавромъ послѣдній годъ нашего курса. Послѣ насъ его сдѣлали Инспекторомъ Академіи. Его исторія жизни примѣчательна: еще бывши студентомъ, онъ полюбилъ дѣвочку—послушницу

Хотькова женскаго монастыря, уговорилъ ее вытти за себя замужъ, женился и уѣхалъ въ Ярославль. Здѣсь онъ былъ профессоромъ Семинаріи, потомъ Ректоромъ Училищъ. Овдовѣлъ (наказаніе за то, что соблазнилъ послушницу) и пошелъ въ монахи. Къ намъ онъ попалъ въ Баккалавры, кажется, по ходатайству нашего Инспектора о. Евлогія, его земляка и товарища. Странный человѣкъ! онъ впалъ въ какую то ересь, похожую на молоканскую, или Массонскую. Сталъ говорить дурачества въ классѣ. Это дошло до Ректора. Ректоръ ему сталъ выговаривать, а о. Платонъ вздумалъ защищаться. У него были дѣти: обѣль дѣвочки, или одна (одна теперь замужемъ за профессоромъ Новгородской семинаріи, нѣкогда моимъ ученикомъ). Онъ какія то употреблялъ варварства надъ своими дѣтьми, по сектѣ, въ какую впалъ. Его учитель въ семѣ былъ какой-то помѣщикъ Дубовицкій (сосланный, кажется, въ Соловецкій монастырь).

Ректоръ, опасаясь заразы отъ сихъ чрезъ о. Платона, написалъ о семѣ Митрополиту. Митрополитъ потребовалъ объясненія отъ о. Платона. Сей, вмѣсто того, чтобъ раскаться въ своемъ заблужденіи, написалъ огромную Апологію на свои заблужденія. Митрополитъ при рапортѣ представилъ его объясненія св. Синоду. Синодъ потребовалъ его въ Петербургъ (въ это время о. Платонъ былъ уже Ректоромъ въ Нижегородской Семинаріи. Митрополитъ, полагаю, нарочно огвелъ его отъ своей Академіи потому, что онъ въ Нижній только пріѣхалъ и уже потребованъ былъ въ С.-Петербургъ). Отсюда его послали въ Валаамскій монастырь, гдѣ онъ и прожилъ на покаяніи побольше трехъ лѣтъ. Изъ Валаама его перевели въ Сергіеву Пустынь, что близъ Петербурга. Отсюда онъ былъ взятъ въ Петербургъ, имѣлъ порученія отъ Синода, именно: трудился надъ переводомъ правилъ Соборовъ (въ числѣ другихъ). Здѣшняя жизнь загладила его заблужденія. Ему дали монастырь въ Торжкѣ—Ефремовъ, а недавно перевели въ Тверской Отрочъ монастырь, гдѣ онъ находится и донинѣ.

Вотъ всѣ мои Академическіе Начальники и учителя. Были между ними люди достойные, но большая часть очень несоотвѣтствовала ни мѣсту, ни должностямъ. Это видно изъ описанія, какое я о нихъ сдѣлалъ, чрезъ 14 лѣтъ, слѣдственно, вовсе безъ предубѣжденій.

Здѣсь я хочу сказать о нашемъ обученіи въ Академіяхъ:

Удивительно, какъ слабо и вяло наше ученіе въ Академіяхъ. Профессоровъ множество, но у нихъ нѣтъ начальника, надзирателя. Отъ того каждый несетъ свою дичь, что знаетъ и чѣмъ самъ любитъ. У всѣхъ у нихъ есть страсть—писать свои уроки. Но что эти уроки? ей, сушая жалость; ни порядка, ни мыслей, ни языка, ни науки. Такъ, сбродъ всего, что попало. Притомъ нѣтъ самостоятельности. Ихъ мнимыя сочиненія суть выборъ изъ двадцати писателей, иногда вовсе другъ другу противорѣчащихъ, а иногда, что еще хуже, выборъ изъ одного. А что этотъ выборъ? переводъ, притомъ дурной и небрежный, одной страницы чрезъ десять. Да еще и это считаются прилежныя учителя. А лѣнныя? Боже мой! эй, даромъ ѣдятъ хлѣбъ. Они уже не пишутъ и дурныхъ уроковъ. Ходятъ въ классъ не готовые; говорятъ безъ плана и безъ цѣли, что попало. Оттого и неудивительно, что мы были лѣнны ходитъ въ классы. Къ иному, бывало, итти въ классъ значило итти на досаду. Харкаетъ, сморкаетъ, нюхаетъ табакъ, смотритъ въ окно, поговорить пустяки, потомъ о пустякахъ же спросить студента и возится съ нимъ полчаса: очевидно, чтобъ провести время.

Языкамъ учили тоже плохо. Переводъ аналитическій, притомъ извѣстной напередъ статьи и больше ничего. Домашнихъ упражненій никакихъ. А главное, за что я всегда досадовалъ, это ихъ лѣнность читать наши сочиненія. Вообразите: въ четыре года ни одинъ профессоръ ни одному студенту не сдалъ ни одной задачи. Это варварство! какъ же мы могли знать свои ошибки, иль соревновать хорошему? Еще странно: я кончилъ курсъ пятымъ студентомъ, а однако я въ высшемъ отдѣленіи только написалъ четыре проповѣди, а ни одного не подавалъ разсужденія, и молчали, не требовали! какая же это безпечность!

И числился на нѣмецкомъ языкѣ и пяти разъ не былъ въ классѣ: и мнѣ ни разу никто не сказалъ ни слова!

Отъ всего этого выходятъ вотъ какія странности: 1) насъ величаютъ Магистрами Богословія и проч., тогда какъ мы сущіе дураки; даже не умѣемъ перечислить главъ Богословія и не знаемъ его плана. И точно, напримѣръ, о. Ректоръ догматическое Богословіе съ нами прошелъ только до *de Angelis*. Прочее не дано.

О. Инспекторъ писалъ много, но безъ начала и безъ конца, какую-то галиматью, вмѣсто нравственной Богословіи.

Герменевтика была пустая на трехъ, или четырехъ листахъ.

Св. Писаніе намъ не толковали, кромѣ какъ добрый Василій Григорьевичъ Примѣровъ объяснилъ намъ прекрасно Аггея и часть Захаріи, въ одну треть.

На Церковной исторіи сперва былъ пьяница, а послѣ — какой-то лжевѣръ: бывало, все хвалилъ еретиковъ и копался въ ихъ навозѣ. Да и что? все же не дальше учебной книги. Церковное краснорѣчіе и само по себѣ не есть наука, да и бакалавръ былъ хоть усердный, но недалекій.

Метафизику и Нравственную Философію объясняли намъ пресловутый Федоръ Ал. Голубинскій, но у него не было: ни плана, ни лекцій, а такъ вѣчто. Оттого, нельзя сказать и того, что онъ намъ не изъяснялъ философіи, но и не изъяснилъ ее.

Психологія и Логика отъ Бакалавра дурныя. Исторія Философіи хороша: но мы дошли только до Аристотеля. Общая словесность не годилась никуда, да ея почти и не было. Математика была изрядная.

2) Мы, будучи глупы, бываемъ весьма надменны: думаемъ, что насъ умѣе нѣтъ. Оттого, что не научены ничему порядочно.

3) Словесность наша всегда тупа. Мы не можемъ писать скоро. Говоримъ высокопарно, по книжному. Обыкновенно бываемъ болтливы. Нашимъ рѣчамъ не дождешься конца тамъ, гдѣ нужно пять словъ.

4) Мы бываемъ упрямы, насъ не сломишь, хотя городимъ изгороды.

5) Къ дѣлу вовсе не годимся. За какую науку не примемся, ничего не знаешь. Надо самому доучиваться. Вотъ ваши славныя Академіи. И на нихъ сердить очень за то, что онѣ выпустили меня дуракомъ, промучивъ, однако, цѣлыхъ четыре года. Но я — еще изъ лучшихъ. А что мои любезные товарищи? Эй, посмѣшище ученію и учености. Конецъ: теперь выступимъ на службу. Ребячество кончилось.

Сообщилъ А. С. Богдановъ.
